

Лев ДАВЫДЧЕВ

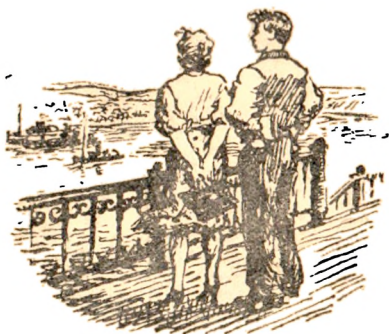
ГОРЯЧИЕ СЕРДЦА

МОЛОТОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1953

Лев ДАВЫДЫЧЕВ

ГОРЯЧИЕ СЕРДЦА

Повесть

Молотовское Книжное Издательство
1953

Звонкие студенческие годы,
Суткам нет начала и конца...
Из песни

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Трамвай был переполнен еще на конечной остановке, и попасть в него сейчас казалось совершенно невероятным. На подножке, куда еще можно было встать, висел высокий молодой человек в длинном сером пиджаке. Ухватившись за поручни, он смотрел куда-то в сторону, время от времени кивком головы отбрасывая назад длинные светлые волосы, наползавшие ему на глаза. Степан почему-то подумал, что если не уедет в университет именно на этом трамвае, то непременно опоздает. Он переложил чемодан в правую руку, и когда трамвай, зазвенев, тронулся

с места, Степан отодвинул молодого человека, и схватившись за поручень, встал на подножку. Трамвай быстро набирал скорость. Невольно обернувшись, Степан увидел молодого человека в сером пиджаке, покраснел и отвернулся.

Ехали довольно долго. Чем ближе трамвай подходил к вокзалу, возле которого расположен университет, тем беспокойнее становилось на душе. Степан только теперь понял, как все-таки трудно было ему решиться ехать. Сейчас даже показалось, что он ничего не знает и провалится на первом же экзамене.

Первым выпрыгнув из вагона, Степан сразу же заметил за насыпью железной дороги остроугольную, необычной формы крышу высокого университетского здания. Он легко взбежал вверх по насыпи и остановился. Внизу раскинулся обнесенный высоким забором большой сад, где среди трав и цветов ровными рядами стояли деревья и кустарники. За деревьями, блестя длинными рядами окон, высился университет. Вот он, оказывается, какой!

Степан повернул голову и увидел голубовато-стальную полосу, казалось, неподвижной Камы. Отсюда были различимы даже невысокие кусты на том берегу. Вдали на фоне бледноголубого неба четко вырисовывались фермы железнодорожного моста. Город издали, от самого горизонта, придвинулся к воде. Повсюду среди потемневших старых домов поднимались отдельные высокие здания, в окнах которых ярко горели солнечные отблески; кое-где высились целые кварталы.

новостроек. Из заводских труб тянулся серый дым, растворяясь в чистой голубизне.

Еще раз взглянув на Каму, Степан сбежал вниз по насыпи, не заметив лестницы в нескольких шагах от себя. К зданию университета он пошел медленно, внимательно рассматривая идущих навстречу. Повернув на дорожку, ведущую к главному корпусу, он невольно остановился: бронзовая статуя Ленина показывала ему рукой на вход в университет. Ободренный этим стремительным жестом, Степан быстрее зашагал к подъезду.

Здесь толпилось много шумной веселой молодежи. Он почувствовал, что попал к своим и смело шагнул в распахнутую дверь. Сталин ласково улыбался ему с портрета, обвитого цветами. И Степан тоже улыбнулся, радостно ощутив, как исчезают последние остатки робости.

На одной из дверей надпись: «Приемная комиссия». За длинным столом сидела, окруженная будущими студентами, такая симпатичная девушка, что Степан восхищенно покачал головой и залюбовался. Девушка ловко открывала и закрывала многочисленные папки с бумагами, весело отвечала на вопросы и улыбалась.

— Фамилия?

Стоявший впереди Степана юноша в очках спокойно читал книгу. Он, видимо, никого не замечал, никого не слышал и попал сюда, к столу, случайно. Так, зачитавшись, он мог забрести куда угодно.

— Что это за народ сегодня собрался? — возмутилась девушка, пожав подкладными плечиками. — Я к вам обращаюсь! — обиженно повысила она голос.

— Ах, извините, — оторвался от книги юноша. — Вас, по всей вероятности, интересует моя фамилия?.. Так... — Он почему-то задумался, поправил очки и продолжал: — моя фамилия Третьяков... Игорь Третьяков.

— Факультет? Факультет какой? — не на шутку рассердилась девушка. — У меня девятьсот дел...

— Факультет филологический... По-моему, сразу видно: очки, книга... Вот товарищ, — он посмотрел на Степана, — я уверен, геолог.

— Это почему же? — приготовился к спору Степан.

— Ну как почему? Видно... Здоровый, нормальный человек, в сапогах...

— По-вашему, сапоги снять, очки надеть и можно на филологический?

— Вы несколько упрощенно поняли меня.

— Лукьянов моя фамилия! — громко оборвал его Степан. — Хочу вместе вот с этими... очками учиться.

Девушка быстрыми движениями вытащила две нужных папки, одну за другой раскрыла их и, обращаясь к юноше в очках, спокойно сказала: «Третьяков... допущены». И тут же повернулась к Степану. У него екнуло сердце. Тем же спокойным голосом она небрежно бросила несколько замечательных, полных большого значения слов:

— Допущены. Завтра первый экзамен в сто девятой аудитории, общежитие номер пять, комната десять.

Эти, показавшиеся ему звонкими, цифры он сразу начал повторять про себя, чтобы не забыть.

Выйдя в вестибюль, Степан увидел Игоря, застывшего с книгой в руке. Игорь быстро бежал глазами по страницам, а дочитав до конца, громко хлопнул обложкой и восхищенно сказал:

— Интересное дело! Как преподнесено!

Тут он заметил Степана, внимательно осмотрел его и задумался, наморщив лоб.

Степан пристально оглядел своего нового знакомого и почему-то сравнил его с собой. Ростом они были примерно одинаковы—невысоки. Но Степан коренаст, в каждом движении чувствуется спокойная, уверенная сила. Игорь же расправлял узкие покатые плечи, безуспешно пытаясь придать своей фигуре внушительный вид. Светлые, рыжеватые волосы Степана нельзя было пригладить никакой расческой, а редкие темные волосы Игоря облегали голову, как бы приклеенные к ней.

Игорь улыбнулся и снял очки. У него были серые, восторженно блестящие глаза, по-детски полуоткрытый рот.

— Давай-ка познакомимся, что ли? — негромко, смущаясь, предложил Степан.

— С удовольствием, — Игорь протянул ему мягкую слабую руку.

— Головой много работаешь, — определил тот, — дров ни разу в жизни не пилил.

— Пилил... — вздохнул Игорь, — но плохо получается... И потом, у меня времени нет... Очень много прочесть нужно.

Они вышли на улицу и направились к скамейке возле сада.

— Ты откуда? — спросил Игорь.

— Из Павловска... Вечернюю школу летом окончил, — охотно сообщил Степан. К его большой радости Игорь слушал внимательно, и он стал рассказывать: — Работал на заводе токарем, потом в вечернюю школу, значит, поступил. Сначала плохо учился, а потом, — Степан улыбнулся, — потом хорошо учился. Родных у меня нет, трудновато было. Если меня в университет не примут...

— Примут, — спокойно и авторитетно заявил Игорь, — вместе будем сдавать. Согласен?

— Само собой. Мне еще позаниматься надо.

— Это я устрою. А ты на другой факультет не собираешься переходить?

Степан опустил чемодан на землю и грозно спросил:

— Что? Что?

— Не понимаю... Что с тобой?

— А ничего! — отрезал Степан. — Ты всерьез думаешь, что из меня филолога не выйдет?

— Да нет же! — горячо возразил Игорь. — У меня два приятеля есть; они уехали в Москву, в театральный институт и сказали, что если их не примут, то поступят куда угодно. А я так не могу, Степа.

— И я тоже, — признался тот и тяжело

сел на чемодан, но сразу же вскочил: — А если меня не примут, я обратно на завод и... — он беспомощно посмотрел на Игоря.

— ...и на будущий год снова!

— Вот! Вот! — восхищенно проговорил Степан. — Обязательно!

— Только конкурс большой.

— Какой конкурс?

— Три заявления на место... в три потока пойдут экзамены.

— В три потока?.. — Степан закусил губу.

— Но ты не волнуйся, ты все сдашь, — заволновался Игорь, — поверь мне, я не ошибаюсь.

Но Степан, не отвечая, смотрел на здание. Он уже был убежден, что не пройдет по конкурсу. Игорь, не зная, чем утешить его, достал из кармана книгу; и когда Степан, оторвавшись от грустных размышлений, взглянул на Третьякова, тот увлеченно читал, шевеля губами.

— Ну, я пошел, — тяжело вздохнув, сказал Степан, — в общежитие номер пять, комната десять.

— Идем ко мне, я здесь неподалеку живу, позанимаемся немного.

Степан хотел отказаться, но Игорь взял его чемодан и решительно двинулся вперед. Они шли и молчали, думая о том, как интересно знакомятся в жизни люди. Вот час назад они не подозревали о существовании друг друга, а сейчас идут вместе, может быть, вместе будут учиться.

Игорь перекидывал чемодан из руки в руку через каждые десять шагов. Степан рас- смеялся и, забирая чемодан, сказал:

— Ох, и силенок у тебя маловато!

— Не отрицаю, — охотно согласился Игорь, — зато сестра у меня чемпионка по метанию диска.

— А я никакой не чемпион, но с пудовой гирей каждое утро занимаюсь. Я ее с собой взял, оттого и чемодан тяжелый.

— Да не особенно, — неуверенно начал Игорь, — но, если бы я знал, что в чемодане такой груз, я бы и не пытался его нести.

— Если бы я знал, что такой конкурс, то не собрался бы поступать. А теперь посмотрим.

— Собственно, ты почему решил на филологический?

— Опять? А почему это тебя удивляет? Почему...

— Да потому, что просто интересно! — вспыхнул Игорь, схватившись за очки. — Я вот могу тебе объяснить! Я больше никуда не хочу.

— Так бы и сказал, — уже спокойно произнес Степан. — Мне на заводе все уши прожужжали: почему не в технический? Почему не в технический?

Степан пошел медленнее и стал рассказывать так же неторопливо, как шагал:

— Живу я один... Ну, это к делу не относится. В общем, приехал к нам на завод академик один, седой-седой. Песни у старух записывал, целыми днями по поселку ходил, а потом нам лекции о литературе читал, в Москву

приглашал. Вот и задумался я: а почему бы мне после десятилетки дальше не учиться? А? И как задумался, так и покой потерял. Может, и забыл бы я про институт, да тот академик случайно ко мне зашел: ну, он все квартиры обходил, старух искал, вот и ко мне заглянул. Я ему все и рассказал. А он мне руку пожал и сказал: «Правильно! Идите в университет! Там вас ждут; таких, как вы, там ждут!» Вот я и пошел... — Степан помолчал и добавил: — Он даже письмо ректору написал, вот я его при себе ношу.

Игорь недоверчиво посмотрел на своего нового знакомого, но ничего не сказал. Степан тоже больше ничего не говорил; так молча дошли они до углового дома, поднялись по крутой, узкой лестнице в невысокую прихожую. Из двери вышла молодая загорелая женщина.

— Ну, как? — кивнув Степану, спросила она Игоря.

— Допустили. Знакомьтесь: Серафима, моя сестра; Степан... Сдает вступительные, филолог.

Степан покраснел до кончиков ушей, несмело прикоснулся к протянутой руке и уставился глазами в пол. Игорь взял чемодан, отнес его под вешалку и пригласил Степана в комнату.

И хотел Степан скрыть удивление, но не мог — так и остановился в дверях. В комнате был невообразимый беспорядок. У окна стоял стол, разделенный на две части; на одной лежала груда книг, на другой — модель парохода и куча стружек, щепок и проволоки. Слева

у стола, готовая развалиться от тяжести, стояла большая этажерка с книгами, справа — другая, с инструментом, деревянными болванками, обрезками жести. Игорь подождал, пока Степан придет в себя, и объяснил:

— Эта половина стола моя, эта — брата, одна этажерка моя, эта — его. Кстати, вот он.

Степан посмотрел налево и увидел на полу мальчика, распластавшегося на чертеже. Когда мальчик встал, Степан про себя отметил, что он очень похож на Игоря, только ростом пониже и взгляд у него не восторженный, а задумчивый, сосредоточенный.

— Семен, — протянул мальчик руку и снова принялся за чертеж.

— У нас одно несчастье — все учатся, — улыбнувшись, сказал Игорь. — Серафима на будущий год кончает биологический в университете, муж ее экстерном сдает на юридическом, папа в вечернем университете марксизм-ленинизма, я студентом буду, Семен в строительный техникум поступает. Вот как получается. Начнутся экзамены — тогда без обеда сидим: некому готовить.

Только сейчас Степан почувствовал, что устал и с утра ничего не ел. Он медленно опустился на стул и вытянул тяжелые, словно опрессованные грузом, ноги. Сидел он у этажерки и не удержался, чтобы не взглянуть на нее. Рядом с томиком Маяковского стояла книга о Репине, потом «Занимательная химия», тут же учебник по шахматам, стихи Щипачева, томик Чехова, «Основы режиссуры».

— Ты все книги, какие под руку попадут, читаешь? — недовольно спросил Степан.

— По возможности, да, — кивнул головой Игорь, нежно проводя ладонью по переплетам. — Понимаешь, кругом очень много интересного, а мы не видим, не запоминаем и сотой доли. Нужно знать все, все, что успели узнать люди. Я уверен, что при определенной системе чтения можно получить огромный запас знаний из самых различных наук.

— Любишь ты поговорить, — добродушно улыбнулся Степан и неожиданно добавил: — А про академика я тебе немного приврал. Не он ко мне, конечно, приходил, а я его по нашему поселку водил.

— Я сразу заметил, что ты сочиняешь, особенно про письмо.

— Как раз про письмо верно.

— Так ведь идея! — воскликнул Игорь. — Нечего тебе конкурса бояться. Иди завтра же к ректору с письмом академика!

— Этого еще нехватало! — возмутился Степан. — Он мне по доброте написал, старики ведь все добрые, а я... Нет, я по-настоящему попробую, без письма. Не сдам, — брови его сошлись на переносице, — через год опять приеду!

— Нет, ты мне расскажи, — с любопытством заглядывая ему в глаза, попросил Игорь, — как ты академику понравился? За что?

— А кто его знает? Я ему старушек самых старых разыскал, частушек ему две тысячи записал.

— Ого! — привстал Игорь. — Ну, а дальше?

— Дальше он уехал, часы мне подарил, только я их не ношу: большие они и золотые, и вот письмо дал.

— Ах, как интересно! — Игорь зашагал по комнате. Едва он успел пройти несколько шагов, как раздался возмущенный голос Семена:

— Куда ты бредешь, филолог несчастный? Ведь сменили тебе очки, а ты опять не видишь? Опять мне из-за тебя чертеж переделывать?

Игорь расстроился, присел на корточки возле чертежа и сокрушенно закачал головой. Это еще больше рассердило Семена.

— Сейчас извиняться начнет! А что мне от этого? Опять чертеж переделывать! Ох, горе мне с тобой, хоть проволочное заграждение ставь! Ну, что будем делать? — уже спокойно спросил Семен.

— Может быть, тряпочкой? — несмело предложил брат.

— Ой, нет! Тряпочка — это не тот случай.

Степан подошел поближе, рассмотрел отпечаток игровой подошвы на листе ватмана и сказал:

— Кусок сухой булки дайте.

И они с Семеном склонились над чертежом. Игорь куда-то ушел, очевидно боясь помешать им.

Степан принялся за чертеж. Темное пятно быстро исчезло под умелыми руками.

— Замечательно! — обрадовался Семен. — Пришлось бы снова перечерчивать. А Игорь бы целыми днями извинялся.

Степан сел, но, сколько ни пытался сидеть прямо, не выдержал и уронил голову на край стола. Когда он проснулся, в комнате никого не было. Сначала Степан долго не мог понять, где он находится, но, посмотрев на чертеж, вспомнил даже случай на остановке с высоким молодым человеком в сером пиджаке.

Будильник на столе показывал семь часов. Как быстро все произошло! Еще позавчера Степан был в родном поселке, а сегодня... не знает даже, где ночевать будет.

— Проснулся? — прервал его размышления вошедший в комнату Игорь. — Я не стал тебя будить. Идем пообедаем.

После обеда Серафима попросила Игоря сходить в магазин, и Степан вышел вместе с ним. Игорь словно почувствовал, что его новому товарищу невесело.

— Знаешь что? — спросил он. — Оставайся сегодня ночевать у нас? А? Ну куда ты сейчас пойдешь?

Степану и в самом деле не хотелось никуда уходить: Игорь понравился ему, перед экзаменом надо хорошенько выспаться, а без товарища на новом месте, кто его знает, какие мысли будут мешать спать.

Игорь не стал ждать ответа.

Они сходили в магазин, немного погуляли вокруг дома и пошли умыться перед сном. Впервые за всю жизнь Степан переменял местожителство. И хотя Игорь казался ему старым, давно знакомым другом, он затосковал по заводу, по товарищам. Сон не приходил. Игорь

лежал с книгой в руках, а Степан ворочался и от этого устал еще больше.

— Не могу я спать, — с отчаянием признался он. — А вдруг не примут? Вдруг не примут?

Игорь снял очки, зажмурил уставшие глаза и ответил:

— Примут. Завтра напишем сочинение и сядем заниматься.

— Нет, ты понимаешь, что я не могу обратно уехать? Должен я поступить!

— Поступай со мной в строительный техникум, — сонным голосом предложил Семен, — там лучше, а то будешь рассеянным, как Ига.

Ему никто не ответил: Степан сосредоточенно дымил папиросой, а Игорь читал; заснули только тогда, когда за окнами чуть-чуть посветлело.

* * *

Весь день у Евгения Ежова складывался неудачно. Во-первых, городской читальный зал оказался закрытым на ремонт, во-вторых, в городе Евгений не разыскал ни одного знакомого. И в довершение всего какой-то нахал с огромным чемоданом вытолкнул его из трамвая. Ежов подумал, подумал и решил прогуляться: все равно делать сегодня, можно сказать, нечего. Он медленно пошел по теневой стороне улицы. Мысли были невеселые.

Если бы его кто-нибудь прямо спросил, кого из знакомых он больше всего хотел увидеть, он

бы назвал чье угодно имя, только не то, которое следовало бы назвать.

Два года он знаком с Галиной Дьяконовой, два года почти ежедневно встречается ее, но не может припомнить, в какой из дней стал краснеть при встречах и ждать их.

Галина заставила вздыхать многих, но близким ей оказался один только Виктор Бессонов. Он с гордостью посматривал на неудачников (половину их составляли начинающие поэты), прогуливаясь с Галиной в перерывы по коридору.

Евгений старался не замечать этого. Сам он был непреклонным сторонником теории, утверждающей, что любовь приносит одни неприятности, и серьезный, занятый важными делами человек не позволит себе быть настолько глупым, чтобы влюбиться. Так рассуждал Евгений, когда хотел утешить себя, и хорошо понимал, что такое рассуждение очень похоже на неудачную шутку. Его девушка, с которой он еще не встретился, была замечательным человеком, не отрывала его от дел, всегда была рядом, помогала жить и работать. С Галиной же было совсем не так.

Поэтому Евгению и не нравились ее отношения с Виктором. Бессонов сразу после того, как познакомился с Галиной, чаще говорил о концертах, чем о лекциях, и стал тратить большую часть стипендии не на книги, а на цветастые полосатые галстуки. Евгений пробовал поговорить с товарищем по душам, но Виктор был на седьмом небе, а оттуда все кажется

розовым. Летнюю сессию он сдал, как говорят студенты, вплавь, без тренировки. Вот вам и любовь!

Впрочем, это выглядело смешным только со стороны; а когда Евгений волей-неволей вынужден был серьезно подумать о себе и о Галине, настроение портилось, и его нельзя было исправить никакими убедительными доводами против любви. Он и сам удивлялся, как долго в нем тлеет ее маленький, слабый огонек. Словно ушли из комнаты и забыли выключить лампочку, а она горит себе, никому не нужная...

Внешне Галина не отличалась ничем особенным. Только выющиеся черные волосы, приходившие в движение даже при легком повороте головы, почему-то обращали на себя внимание. Движения у нее были быстрые, какие-то яркие, вся она была переполнена звонким, ласкающим уши смехом. На нее было просто приятно посмотреть, когда она, размахивая портфельчиком, бежала вверх по лестнице или рассказывала кому-нибудь что-то веселое и радостное.

Ежов не сделал ни одной попытки познакомиться поближе. Ему казалось, что он не сможет заинтересовать ее, потому что считал себя сухим и скучным для девушек человеком.

Евгений споткнулся о камень и, подняв глаза, увидел Галину. Между прочим, он несколько не удивился, потому что еще тогда, когда решил идти пешком, был уверен, что обязательно встретит ее.

Она вышла из трамвая с двумя чемоданами.

Евгений хотел пройти мимо и посмотреть на нее издали, но Галина уже заметила его. Он подошел и, подумав, что говорить куда лучше, чем молчать, начал было скучный, неинтересный разговор:

— С приездом!

— Спасибо.

— Как съездили?

— Хорошо.

— Разрешите, я вам помогу?

Евгений взял чемоданы и промолчал всю дорогу. К счастью, путь был недлинный, и, наскоро попрощавшись, Ежов широким шагом двинулся обратно, в университет.

Едва он вспоминал об университете, как начинал думать о комсомольских делах. А их было много. Кроме того, надо до начала занятий приготовиться к приему первокурсников, перевести на запас тысяч сто знаков внеаудиторного чтения. А еще впереди очень интересная работа — знакомство с новичками, недавними десятиклассниками. Нужно быстро выбрать активных и постараться сразу ввести их в бурную комсомольскую жизнь, не ждать, пока приглядятся.

Три года назад Евгений приехал вот в это же время и страшно волновался, примут ли его, хотя был медалистом.

Учиться было трудно и интересно. Когда Евгения избрали секретарем факультетского бюро комсомола, он впервые почувствовал, как важно уметь управлять временем; пришлось разделить сутки на строго определенные часы

и загружать их до предела. А в этом году должно быть еще труднее и еще интереснее. Чтобы в середине года не запутаться в делах, надо сейчас же составить твердое расписание и не отступать от него.

* * *

Степан привык вставать по гудку. И когда во влажном утреннем воздухе мощно забасил гудок расположенного недалеко завода, он сбросил одеяло и... пришел в себя... Забыв снять очки, крепко спал Игорь; свернувшись клубком, спал Семен. «Вот я где», — подумал Степан, а сердце сразу застучало сильнее, едва он вспомнил, что сегодня первый экзамен. Он долго сидел, не двигаясь, потом раскрыл чемодан и вытащил гирю.

Зарядка взбодрила и успокоила, но время тянулось медленно. Степан часто поглядывал на часы и, не выдержав, принялся будить Игоря. Тот нехотя открыл глаза и стал искать очки, сидевшие на носу.

Позавтракав, отправились в университет. Степан угрюмо молчал, засунув руки в карманы. Тревога его усилилась, когда они подошли к подъезду. Коридоры и вестибюль были полны народа. Молодые люди не без труда разыскали сто девятую аудиторию — огромную комнату, в которой почти все места были заняты.

Четыре часа пролетели стремительно. Степан кончил писать одним из последних.

— Когда отметку узнать можно? — хриплым от волнения голосом спросил он молодого ассистента, сдавая работу.

— Завтра, на устном экзамене.

Игорь ждал в коридоре.

— Лиха беда начало, — дружески хлопнул он ладонью по плечу товарища, — самое страшное позади.

Посидев у Игоря, Степан стал собираться. Он медленно добрел до общежития, нашел нужную комнату и постучал. Громкий голос разрешил войти. Он открыл дверь. Первым желанием Степана было — повернуть обратно и ночевать хоть на улице, только бы не встречаться с тем, кого он увидел. Но молодой человек сам подошел и пригласил:

— Входите, входите.

Степан несмело вошел и остановился посреди комнаты, не выпуская чемодана из рук.

— Значит, все-таки встретились? — усмехнулся молодой человек. — Ловко вы меня с подножки...

— Пришлось, — хмуро отозвался Степан, но сразу же почувствовал, что его сосед — человек добродушный и, кажется, не очень обидчивый. Его задумчивые серые, с зеленоватой искоркой глаза смотрели серьезно, внимательно разглядывая собеседника.

— Ежов моя фамилия, Евгений.

— Степан Лукьянов.

— На какой факультет? На филологический?

— Вот именно! — обрадовался Степан. — И никуда больше. Если не сдам...

— Почему? Я счастливый сосед... Разделайтесь, будьте как дома, вот ваша койка.

И Степану показалось, что в этой небольшой уютной комнате он бывал не раз и никуда отсюда не уедет. Видно, что сосед любит порядок. В комнате чисто, все на своем месте, запомнимый длинный серый пиджак аккуратно расправлен на спинке свободного стула.

Евгений шумно, по-детски обрадовался, увидев пудовую гиру.

— Давно мечтал иметь такое удовольствие, — сказал он, легко поднимая ее: — Сдавайте экзамены, хорошо заживем, я сильных людей люблю.

Он помог новому соседу устроиться, приготовил чай, много рассказывал об университете. Рассказы эти еще больше взволновали Степана; и он сидел над книгами до поздней ночи.

Утром у дверей литературного кабинета, где должен был проходить экзамен, собралось много молодежи. Все стояли в разных концах коридора группами (успели уже познакомиться). В одной из них Степан увидел Игоря. Тот представил его маленькому суетливому Саше Избину и стройному улыбающемуся Алеше Макарову.

— Идти надо последними, — посоветовал Макаров. — Когда преподаватель устанет, тогда и не будет дополнительных вопросов задавать.

— Опять ты! — возмутился Саша. — Идти надо тогда, когда все знаешь.

Макаров добродушно рассмеялся и объяснил:

— Саша готовился все лето, его можно послать первого.

— И я первым пойду, — сказал Степан, — чтоб сразу ясно было.

Быстро организовали очередь, Макаров предусмотрительно остался в стороне; он, кажется, нисколько не беспокоился за исход экзамена и Степану оставалось только позавидовать ему.

В аудиторию вошли вчетвером. Здесь все сделано так, чтобы настроение у сдающих было радостным: на окнах легкие светлые занавески, на первых столах цветы.

Степан с остановившимся сердцем подошел к столу, протянул за билетом руку, подумав: «Была не была!» Но, прочитав вопросы, он не удержался и улыбнулся.

— Знаете? — спросил преподаватель.

— Знаю.

— Вам «пятерку» надо получить, по письменной у вас «три». Видимо, волновались и не заметили самых простых ошибок.

Это испугало Степана; он сел, очень долго собирался с мыслями и пошел отвечать твердо уверенный, что «пять» не получит. Но преподаватель начал с ним интересную, увлекательную беседу по вопросам билета и, в конце концов, сказал:

— Вы неплохо подготовлены.

В экзаменационном листке Степана появилась первая «пятерка». Ему не терпелось сесть за книги, готовиться к следующему экзамену, хотелось немедленно сообщить результаты Ежову. Он договорился с ожидающим своей очереди Игорем о встрече и отправился в общежитие.

Ежов очень обрадовался, а Степан вдруг загрузил:

— Но ведь за сочинение «тройку» поставили... — горевал он. — Не пройти мне по конкурсу!

— Расстраиваться раньше времени не следует, — сказал Ежов. — Только по остальным надо получить «пять».

— От книг не отойду, подготавлиюсь, — радостно пообещал Степан.

— Сегодня ты отдыхай. Вечером пойдем на Каму.

Но Степан весь день занимался. Он уже привык к университету и полюбил его. Приятно было сознавать, что у тебя есть новые друзья, что впереди много трудностей, преодолевать которые очень интересно.

Он с удивлением приглядывался к Ежову. Его покорила способность Евгения часами сидеть над переводом с немецкого, а в перерывы упражняться с гирей.

Вечером, как и было условлено, они отправились на Каму. В набережном сквере ни одной свободной скамейки. Степан с Евгением потолкались среди толпы и спустились вниз по обрыву к реке. То задорные, то важные пере-

кликались пароходные гудки. По всей Каме чернели силуэты огромных барж. Река казалась неподвижной, остановившейся, и только в полосе лунного света догоняли друг друга маленькие волны.

Новые знакомые молча сидели на траве, залюбовавшись рекой.

— А я в лодке родился, — нарушив молчание, сказал Степан. — Мать простудилась и через неделю умерла... Отец во время войны погиб... Написали, что без вести пропал... а это еще хуже. Я за его станком работал.

Степан говорил медленно, мысли без видимой связи сменяли одна другую. Ежов молчал, кусая стебельки травинки.

— Учиться меня очень тянет. Мама, говорят, хотела, чтоб я учителем стал... У нас в прошлом году третью школу построили, так на митинге говорили, чтобы учителя в ней свои были, поселковые... В этом году трое с завода уехали: двое в Москву, а я вот сюда. Как ты думаешь, примут?.. Надо, чтоб приняли, а то стыдно снова в цехе показаться.

— Знаешь что, Степан? — спросил, поднимаясь, Евгений. — Ты какого экзамена больше всего боишься?

— По немецкому языку.

— Каждый день по пять часов с завтрашнего утра. Согласен?

Утром сели за немецкий. Евгений был неугомоним: положив часы на стол, он заставлял Степана склонять, спрягать, переводить. Такая жизнь нравилась Степану.

«...Зачислить на первый курс филологического факультета... Лукьянова С. Р.» Степан долго стоял у доски приказов и читал эти, приводившие его в восторг слова. Студент!

А потом события стали развиваться с невероятной быстротой. Дни проходили, как минуты, некогда было подумать о происшедшей в жизни перемене. Каждый шаг давался Степану с большим трудом. Сначала ему казалось, что придется изменить многим привычкам, что студенческое бытие продиктует новые правила, которых он не знает. Но на деле оказалось совсем не так. Неторопливость, усидчивость и добросовестный подход к любому делу как нельзя лучшегодились и в учебе, и в общежитии.

У Степана была открытая душа, он мог любому понравившемуся ему человеку рассказать о самых заветных думах. Одного только не рассказывал он никому — о своем желании встретить человека, с которого можно брать пример во всем, у которого можно учиться жить. Сначала ему понравился четвертокурсник Виктор Бессонов, невысокий, кокетливый блондин. Он часто поправлял рукой и без того старательно зачесанные назад мягкие волнистые волосы. Его небольшие с узким разрезом глаза смотрели снисходительно-подбадривающе. Он умел много и красиво говорить, разглядывая свои маленькие, похожие на девичьи, пальцы с розовыми ногтями, уверенно сыпал

на каждом шагу советами. Познакомились они в первый день занятий на лекции о международном положении.

— Ты ведь с четвертого курса? — спросил Степан. — Помоги заниматься. Трудно мне очень.

Он долго и обстоятельно рассказывал, какая помощь ему нужна. Виктор охотно согласился и тоже долго и пространно говорил об умении заниматься. На другой же день после лекций они отыскиали свободную аудиторию; Степан забросал Виктора вопросами, а ответы старательно записывал в тетрадь. С каждым днем они беседовали все чаще. Виктор приносил книги, конспекты. Чувствовалось, что Степан никогда не верит на слово и говорит, продумав все до мелочей. В горячих спорах он умел оставаться рассудительным и доказывал свое, словно читая по заранее подготовленному тексту. Он никогда не обижался, если его обвиняли в незнании чего-нибудь, согласившись, записывал в тетрадку, с которой никогда не расставался, и в этот же день просматривал нужную книгу.

Виктор любил покровительствовать, любил отвечать на вопросы, но не любил, когда ему возражали или сомневались в правильности его слов. И скоро он охладел к Лукьянову.

С соседями Степан подружился быстро, он умел хорошо ладить с комендантом и уборщиками, а поэтому был выбран в первый состав студсовета общежития. Словом, студенческая семья хорошо приняла Степана и пришлась

ему по нраву. Постоянным советчиком стал Игорь. Каждый день они все ближе знакомились с большой, многообразной жизнью университета: побывали на лекциях у старшекурсников, на спортивных соревнованиях, на репетициях кружков художественной самодеятельности, в музеях. Скоро перед ними встал важный вопрос: выбор научного кружка. Степан еще не представлял, для чего это нужно, но согласился идти вместе с Игорем в кружок по изучению русской литературы XIX века.

Не успел Степан обдумать это решение, как староста курса объявил, что каждый должен выбрать тему для курсовой работы. Признаться, этому Степан не придал никакого значения. Просмотрев список, он тут же расписался против строки «Повести Белкина» А. С. Пушкина. Казалось, что такая работа ему по плечу, в ней он не запутается.

— Ну и тема! — насмешливо воскликнул, узнав о выборе, Евгений. — Так и блеснит новизной! Торопись трудиться, нет еще ни одной работы по этому вопросу! Научный мир ждет вашего первого слова, почтеннейший Степан Романович!

Степан недовольно нахмурил густые рыжеватые брови и угрожающе проговорил:

— Еще что-нибудь скажи. Позанозистей. Если у самого ума палата, так над другими смеяться можно? Ты лучше объясни, в чем дело.

— Наконец я слышу речь не мальчика, но мужа, — все также весело продолжал Евге-

ний, — этим и займемся. Только учти, что рецептов я не знаю, а свой, так сказать, метод выработал. Рад буду, если что-нибудь найдешь нужным позаимствовать.

Он вытащил из стола несколько тетрадей в одинаковых обложках, положил их на ладонь и покачал на руке.

— Это заготовки, выписано все нужное и интересное из обнаруженной литературы по теме. Заполнено пять тетрадей.

Евгений достал из стола вторую стопку тетрадей, несколько большую, чем первая.

— Это уже собственные мысли и выводы. Заполнено семь тетрадей. Соотношение своего и чужого: семь к пяти. Для начала, по-моему, неплохо? — Евгений сменил шутливый тон на серьезный: — Так может тогда быть, когда тема относительно новая, когда списать не у кого, когда сам стараешься думать. Тебе вот показалось, что «Повести Белкина» — тема легкая, а она на самом деле сложнейшая. Почему? Попробую объяснить. Потому что для начала работы придется перечитать горы имеющейся критической литературы. На это занятие уйдет большая часть времени. В результате на свет появится добросовестная компиляция, которая принесет пользу одному только автору, в данном случае тебе. А мне, например, твою работу читать будет неинтересно, я заранее знаю, что в ней будет написано. И вряд ли ты сумеешь в разработанной теме сказать что-нибудь новое. Ты возьми такую тему, чтобы весь курс на защиту пришел!

В прошлом году, помню, один дипломант написал работу о детских стихах Маяковского. Вот в такой теме есть где развернуться! Хоть и критиковали студента и спорили с ним, а он правильно поступил, по-нашему! Новинку в деле искал.

У Евгения даже заблестели глаза. Степан с жаром согласился:

— Верно! Это мне по душе. Только какую тему взять?

— Интересную. Чтобы в работу втянула и лениться не давала.

Шел первый месяц учебы. Все еще было впереди.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Судя по тому, что по дороге в университет Виктор Бессонов обгонял одних старшекурсников, было ясно: к началу лекций он не успеет (первые курсы обыкновенно не опаздывают).

В вестибюле пусто: опоздавшие редко дожидаются звонка здесь, для этого есть Ботанический коридор на втором этаже. Виктор заглянул в него — в углу налево стояли Саша Избин и Алексей Макаров. Они горячо обсуждали вопрос, занимающий всех первокурсников: стоит ли учить латынь, если после контрольной спряжения и склонения улетучиваются из головы.

— Еще один! — обрадовался Алексей, увидев Виктора, и сразу начал рассказывать: —

Слушай новости. Через неделю шахматный турнир на звание чемпиона университета, в хоровой кружок набрали один женский пол, какой-то танцор с физмата организует балетный, в воскресенье волейбол.

Все это интересует Макарова больше, чем лекции. Он записан почти во все кружки (кроме научных), участвует во всех соревнованиях и везде обещает со временем представлять из себя значительную величину.

— А я еще в один кружок записался! — подмигнул Макаров. — В драматический. Занятия по вторникам и пятницам, теперь у меня вся неделя занята.

— А ты для соображения день оставил? — с издевкой спросил Избин. — Каждый день кружки, а соображать когда? В воскресенье?

— В воскресенье у меня волейбол. А острить ты, к слову сказать, не умеешь. Это тебе не латынь зубрить.

— Причем здесь остроумие? По-моему, самое главное в жизни — уметь делать что-нибудь трудное. А в десять кружков всякий может ходить. Ты вот попробуй заниматься!

— Очень нужно! Все дело в натуре человека. Умным можно и без лекций стать. Самое главное в любом занятии — это искреннее увлечение!

— Не в любом, а в трудном!

— Буду заниматься тем, к чему душа лежит. Лучше честно заниматься спортом, чем зубрить латынь только для того, чтобы первым перевести строчку из «Войны с гелльветами».

Избин сразу понял, что последнее касается именно его, хотел что-то сказать, повернулся, словно за помощью, к Виктору и только потом выпалил скороговоркой:

— Нет, почему он так говорит? Почему он считает, что с душой можно только в кружках заниматься?

И, как всегда бывало, Алексей вдруг угомонился, обнял Сашу и остановил его одной фразой:

— Мы оба правы.

В глазах у него сверкали шаловливые искорки, казалось, что он вот-вот громко рассмеется и снова будет злить Сашу, но тот не заметил этого и, сразу успокоившись, негромко пробормотал:

— Ну... видишь... всегда ты так...

— А Саша все же прав,—сказал Виктор,— шесть кружков — многовато.

— Положим, не шесть, а всего пять и при желании одно другому мешать не будет. Я получил возможность научиться правильно говорить, — с жаром начал доказывать Алексей, — как будущим научным работникам, нам это необходимо. Нет ничего неприятнее лектора с плохим голосом.

— Было бы что говорить, — проворчал Избин.

Алексей медленно повернулся к нему, сверкнув глазами, но в это время где-то внизу, сначала на нижнем этаже, потом совсем рядом — на втором, потом еще выше — на

третьем, на четвертом — по всем коридорам и аудиториям неожиданно зазвенел звонок.

Опоздавшие пробирались среди огромной толпы студентов, высыпавшей из многочисленных аудиторий.

В проходе Виктор встретился с Валентином Соловьевым, юношей с белым, без единой морщинки лбом и голубыми глазами, смотревшими только прямо перед собой.

Виктор вежливо поздоровался.

Соловьев кивнул и прошел мимо. «Вот человек! — обиделся Виктор. — Слова сказать не может!»

— А я тебя жду, — схватил его за руку Степан Лукьянов.

— Извини, я занят, — недовольно ответил Виктор и подошел к стоявшей неподалеку Галине Дьяконовой.

— Ты вечером свободна?

Стремительно подбежала Вера Кротикова, маленькая толстушка со вздернутым носиком.

— Галочка, как ты думаешь, стоит мне идти в конькобежную секцию или нет? — затараторила она. — Многие говорят, что мне есть смысл это сделать.

— Необходимо. Для фигурного катания хороший вес — желательный элемент, — ясно и отчетливо произнес Виктор.

Вера вздрогнула, метнула на него уничтожающий взгляд, передернула полными плечами и убежала.

— Зачем ты так? — спросила Галина.

— А что она... мешает. Поговорить нельзя.

Опять звонок! Виктор взглянул на Галину и, вздохнув, пошел в аудиторию.

...Лекции бывают интересные и неинтересные. Интересные внимательно слушают и записывают, а на неинтересных занимаются чем угодно, только бы скорее прошли томительные пятьдесят минут.

Лекции Миханла Ивановича Атарова приходили слушать студенты других факультетов. Когда филологи полюбили этого невысокого, чуть-чуть сгорбленного, с остренькой седой бородкой профессора? В первый же день занятий. Когда он вошел в аудиторию и сказал после долгой паузы, во время которой внимательно разглядел лицо каждого студента:

— Если вы спросите меня, какой факультет самый интересный в университете, если вы спросите, какой самый трудный, я отвечу: тот, на который вы поступили, — филологический.

Восторженный шумок пробежал по аудитории. Переждав его, Михаил Иванович начинал лекцию.

Не было преподавателя строже, чем Атаров. На экзаменах он сидел в новом черном костюме, сидел прямо, не двигаясь, внимательно вслушиваясь в ответы, никогда не перебивая. Если Михаил Иванович говорил кому-нибудь: «Придется еще подучить», значит, студент действительно плохо знал предмет, но если Михаил Иванович говорил: «Очень хорошо», значит, ответ действительно заслуживал такой оценки.

Отличительной чертой профессора Атарова была неутомимость. Он успевал делать тысячи дел и никогда не жаловался на недостаток времени. Многим был обязан университет Атарову. Его кружок по изучению русской литературы XIX века считался лучшим на факультете. Когда университет взял шефство над молодежью завода имени Фрунзе, профессор со своим кружком первый включился в работу. На заседании филологической секции научного студенческого общества Атаров сказал:

— То, что мы задумали, является для нас новшеством. Каждый факультет должен найти свою форму связи с молодежью фрунзенского завода... Неделю назад мне довелось читать лекцию в заводском клубе. Народу пришло; — приятно вспомнить! — очень много, слушали внимательно, записок с вопросами унес с собой полный портфель. И когда я возвращался домой, мне пришла в голову интересная мысль: а что, если нам приходить в клуб чаще? Регулярно? А?

— Это и называется связью науки с производством? — восторженно спросила Вера Кроติкова.

Атаров немного помедлил и ответил:

— В своем роде — да. Мы должны организовать систематическое чтение лекций, помочь вечерним школам рабочей молодежи. Надо задаться благородной целью: помочь заводским рабочим подготовиться для поступления в вуз. Это и будет нашим шефством.

Работа закипела. Кружок Атарова решил

начать шефство самостоятельно, раньше всех, не ждать, пока этим займутся другие кружки и факультеты. Наладить связь с заводом было поручено старосте кружка — Виктору Бессонову.

Но дальше все пошло не так, как было задумано: работа не двигалась с места.

Филологи надеялись на Бессонова, а тот почему-то медлил. Вот и сегодня он рассчитывал позвонить в комитет комсомола завода. Это решение он принимал каждое утро, собираясь по-настоящему взяться за работу, но всегда что-нибудь отвлекало или расхолаживало его.

Например, Бессонова беспокоил доклад «Пушкин и мировая литература», над которым он работал одновременно с Соловьевым. Виктор несколько раз пробовал поговорить с ним о Пушкине, но Валентин всегда уклонялся от разговора, не отвечая на прямо поставленные вопросы. Самолюбивого Виктора пугала мысль, что его доклад окажется хуже.

Сам он впервые взялся за такую сложную тему и поэтому опасался за результат. Иногда ему казалось, что будет лучше, если он откажется от доклада, но Атаров, услышав об этом, резко сказал:

— Если трусите, тогда отказывайтесь. В науке тоже существует социалистическое соревнование. Допустим, Соловьев окажется сильнее вас, но бояться нечего, — поучитесь. Ваш соперник — серьезный, умный и

начитанный. Но, к сожалению, он страдает одним большим недостатком. Каким — узнаете по докладу.

Виктор готовился старательно, перечитал множество книг, а Соловьев к этому времени уже кончал писать свой доклад. К неудачам с докладом прибавились еще другие. В разгар работы начались бесконечные размолвки с Галиной, мелкие неприятные ссоры и не менее неприятные примирения.

С ней Виктор познакомился год назад на одном из студенческих вечеров, и скоро все свободное время они проводили вместе.

Виктору некогда было подумать над тем, что ему нравится в Галине. Несколько раз он принимался размышлять над этим, но приходил к одному и тому же выводу: нравится, вот и все.

В гостях им уже намекали на близкую свадьбу, и вдруг начались эти размолвки. Отчего все началось, почему, Виктор не мог понять. Но одно было ясно: любовь оказалась до обидного непрочной. Галина словно нарочно старалась вывести его из себя. Желания ее стали неоправданными, неожиданными, попросту говоря, капризными. Она могла неделю считать дни, дожидаясь театральной премьеры, а потом отказаться от спектакля за час до начала.

«Любить человека надо таким, какой он есть», — наставительным тоном сказала она однажды. Виктор с пафосом возразил ей, пы-

таясь доказать, что надо стремиться сделать человека лучше, чем он есть. Но все оставалось попрежнему.

Последнее время он с болезненным вниманием следил за каждым ее словом, за каждым движением, пытался отгадать, о чем она думает, когда молчит.

Если бы Виктор умел точно определять отношение людей к нему, он бы увидел, что Галина не уважает его, хотя он выполняет все ее желания. Как ни старался обмануть себя Виктор, он чувствовал, что прежние отношения кончились так же внезапно, как и начались. Сначала несколько вечеров подряд они не виделись (Галина, сославшись на головную боль, не выходила из дому), потом случалось, что целый вечер они проводили вместе, не сказав ни слова. Он раздумывал, что случилось с Галиной, и не находил ответа. Собственно, Виктор и не знал ее, видел в ней только веселую хорошенькую знакомую, с которой было приятно показаться на вечере и некогда скушать.

Сейчас Виктор и сам понимал, что в прежних отношениях чего-то нехватало, что-то мешало поближе узнать друг друга. Он только тем и занимался, что угадывал ее маленькие желания. Исполнение их доставляло ему много радости, но сейчас это казалось мелочным и неприятным.

Галина на некоторое время отвлекла его от товарищей и учебы. Но если на товарищей он всегда мог рассчитывать, то на нее...

Когда-то Виктор записал в дневник, что любовь — это эгоизм двух. Теперь он мог бы сказать, что их любовь — это эгоизм каждого в отдельности.

...Виктор заставлял себя слушать Атарова, но мысли были далеко. Он черкал в конспекте бесконечные линии и кружки, рисовал каких-то уродцев и думал о Галине. Можно ли сегодня зайти к ней? Все равно ничего не хочется делать.

Звонок. Второй лекции нет — «окно».

«Чем больше «окон», тем жизнь светлее», — острят студенты.

Остается переждать два свободных часа в общежитии.

Комната номер сто двадцать находится в третьем корпусе, рядом с главным. Заниматься в ней невозможно: она давно стала пристанищем студентов, у которых есть свободное время. Сидит кто-нибудь в своей комнате, занимается, а отдыхать идет в сто двадцатую.

В комнате обычная картина: хозяев нет (на лекциях), одни гости.

Виктор любил эту комнату за памятные споры, в которых редко рождалась истина, но часто срывался голос.

— Ты зачем сюда? — спросил Виктор зашедшего в комнату Алексея Макарова. — Свободен?

— Пока. Потом семинар. Но я, пожалуй, не пойду... Не могу же я идти без конспектов?

— Всегда у тебя так получается, — ворчливо заметил вошедший с ним Саша Избин. —

Конспектировать лень, а на семинаре показаться без конспекта боишься. Логика!

— Ты, Саша, обладаешь удивительной способностью так говорить правильные истины, что с тобой не хочется соглашаться, — ответил Макаров.

— А я не понимаю, как это можно так называемые правильные истины произносить поразному! — вспыхнул Избин. — По-твоему получается, что дважды два, сказанные одним, — это четыре, а сказанные мной — пять!

— Смешной вы народ, — оторвался от книги Степан. — Спорите, спорите, и все из-за пустяков. Тебя, Леша, дед мой нероботом бы назвал. Хорошее слово.

— Неробот? — переспросил Макаров. — Существительное от глагола?

— Получается так. Ты ведь не умеешь жить. Ты еще через десять лет у мамы денег на кино просить будешь.

— Глупости, — Макаров, кажется, обиделся. — Если есть условия, почему их не использовать?.. Знаю, знаю, на что ты намекаешь. Я должен бросить кружки? Заняться наукой? Извините, не могу. Вот будет мне за пятьдесят, снимут меня со спортивных состязаний, тогда я нос в книги и — отдам все науке!

— У тебя, Степан, какая-то мания — стать ученым, — сказал Виктор, которому очень хотелось чем-нибудь отвлечься от грустных мыслей.

— Не мания, а цель.

— Так вот, — словно не расслышав, продолжал Виктор, — надо просто заниматься тем, что легко дается. Леша все правильно делает, да и характер у него такой.

Степан быстро вытащил из кармана записную книжку, перелистал и прочел:

— Посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу. Понимаешь, что к чему?

— Красивое изречение, — криво улыбнулся Виктор. — Во всяком случае, увлечения Леша мне кажутся не менее естественными, чем твоя страсть к науке.

Другой человек на месте Степана обиделся бы, но он, подумав, спокойно согласился:

— Я и сам иногда удивляюсь, откуда у меня желание такое появилось. Вдруг это...

— Нет! Нет! — горячо отозвался Избин. — У тебя хорошее сердце!

— Опять! — всплеснул руками Макаров. — Опять эта избинская метафизика!

Неизвестно, что ответил бы сжавший кулаки Саша, если бы в дверь не постучали.

— Войдите!

На пороге стояла девочка в розовом платье и в белой шляпке.

— Здравствуйте, — почти шопотом сказала она, — извините, могу я увидеть студента Макарова?

Студенты с удивлением рассматривали девочку и молчали. Она еще больше покраснела и спросила с трудом:

— Его здесь нет?

— Это я.

— Меня просили передать вам, что сегодня в пять часов репетиция.

— Я знаю.

— Зна-а-ете? — разочарованно протянула девочка и вздохнула: — Но меня просили.

И ушла. Макаров осторожно прикрыл дверь:

— Чудеса в решете! Кто она такая?

Никто не знал. В комнате неожиданно стало тихо. Игорь Третьяков, сидевший у окна рядом с батареей центрального отопления, вдруг выпрямился и радостно сообщил:

— Я прочитал брошюру о стахановских методах работы на заводе имени Фрунзе. Советую прочесть: в ней есть много полезных советов о том, как экономить время, как...

— Вы говорите горячо, но неубедительно, — съязвил Макаров. — Энциклопедисты — оригиналы, не приносящие практической пользы.

— А ты какую практическую пользу приносишь?

— Неплохой четвертый номер сборной факультета.

— Пошла писать губерния! — вскочил с места Избин.

— Надоели ваши споры, — заговорил Виктор, — из-за пустяков готовы диспуты устраивать.

— Ты бы уж помолчал, — неожиданно грубо ответил Алексей. — Ходишь, всем морали

читасшь, а сам ничего не делаешь. Вот сегодня нас на проверку докладов приглашаешь, а сам придешь?

Виктор от удивления долго ничего не мог сказать. Неужели все заметили, что он больше не интересуется кружком?

— Я не понимаю, что с тобой происходит? — подошел к нему Игорь. — Твое отношение к нашему кружку возмущает не меня одного. Из-за тебя мы не можем перейти от слов к делу.

Виктор слушал Игоря, закусив губу. Что он мог сказать? То, что любит поговорить о больших делах и не выполнять их? Так в этом он боялся признаться даже самому себе.

— Хорошо, — с усилием произнес Виктор. — Сегодня же схожу на завод.

— Неправда, — жестко ответил Игорь. — Извини меня, но я прекрасно знаю, что тебе мешает.

— Ничего мне не мешает! — испуганно перебил его Виктор, почувствовав, что Игорь о чем-то догадывается. — Сегодня же схожу на завод!

— Не надо, я уже был, — сказал Степан. — Вчера заходил, сегодня на кружке доложу... Хорошие там ребята, надо помочь.

Степан побывал на заводе после лекций. В комитете комсомола ему обрадовались.

— У нас восемь общежитий, — сказал секретарь, — в каждом можно два раза в неделю

читать лекции. Организуйте у нас заводской университет!

Только сейчас Степан понял, какую непростительную ошибку совершали они, оттягивая начало шефства.

— Сегодня на кружке обсудим, — проговорил он, думая о разговоре с секретарем.

Виктор резко бросил: «Делайте, что хотите!» и вышел. Но выйдя из комнаты, он тут же сообразил, что его поведение по меньшей мере глупо. Ребята, конечно, правы. Все еще можно исправить: покаяться на заседании и начать работу. От этой мысли стало немного веселее.

До звонка было еще много времени, и Виктор принялся бесцельно прогуливаться по коридору. Потом к нему подошел Степан. По его лицу было видно, что он хочет сказать о чем-то важном, но не решается. Они шагали рядом и молчали, изредка бросая друг на друга беглые взгляды.

— Скоро звонок? — не зная о чем говорить, спросил Виктор.

— Не знаю, — ответил Степан, сосредоточенно глядя под ноги.

Когда они в десятый раз дошли до конца коридора, Степан остановился и взволнованно заговорил:

— Видишь, какое дело... Не могу я молчать. Нехорошо как получается с кружком!

— Сказал ведь, что сегодня-завтра все организую, — недовольно поморщившись, отрезал

Виктор, — я отвечаю, а не ты, и нечего беспокоиться.

— Это ты брось, — сердито оборвал Степан, — не твой кружок, а наш. Все, кроме тебя, за него болеют, один ты...

— Все? — Виктор сам удивился, почему ему захотелось вдруг обидеть Степана. — А сам ты что-нибудь сделал, кроме этого визита на завод? Между прочим, тебя никто не посылал. Я бы и без тебя мог все сделать.

Степан пытался перебить Виктора, но потом покачал головой и промолчал. А у того, как часто бывало, злость быстро прошла, и он уже пожалел, что зря обидел товарища. Пытаясь загладить грубость, Виктор проговорил:

— Ну, не обижайся. Приходи ко мне сегодня, позанимаемся.

— Вряд ли тебя дома застанешь, — глухо отозвался Степан.

Виктор удивленно вскинул брови и, чтобы вконец не поссориться, сказал подчеркнуто равнодушным тоном:

— Как знаешь.

И Виктор не явился на заседание.

Ровно в семь часов литературный кабинет был полон, пришло много студентов из других научных кружков. У филологов поэтому было радостное, приподнятое настроение. Михаил Иванович заметно нервничал, несколько раз спрашивал о Бессонове.

Первый доклад «Свободолюбивые мотивы в лирике Лермонтова», прочитанный одним четвертокурсником, приняли хорошо и кри-

тиковали немного. Докладчик понравился тем, что свободно владел материалом, а говорил восторженно, с пафосом, стараясь свое восхищение поэтом передать другим. Ему много аплодировали.

Наступила очередь Валентина Соловьева — доклад «Пушкин и мировая литература».

Уже по тишине, наступившей, едва Валентин начал говорить, было заметно, что к нему относятся настороженно.

Доклад был большой, обильно пересыпанный ссылками на многие исследования. Все положения Соловьев развивал обстоятельно, глубоко анализируя... Но в тишине голос докладчика звучал как-то одиноко, словно Валентин читал не присутствующим здесь, а самому себе... Он, не смущаясь, спокойно, не повышая тона, дочитал конспект до конца.

После доклада многие попросили слова, но Атаров объявил перерыв.

Спорить начали во всех концах коридора. То здесь, то там раздавались возмущенные голоса. Валентин с непроницаемым выражением лица ходил по коридору. Не дожидаясь приглашения, все вернулись в аудиторию.

Атаров посмотрел на студентов долгим, внимательным взглядом. Он словно говорил: «Ты горишь желанием выступить, поспорить. Это твое право. Но прежде подумай. Вопрос очень серьезный».

— Кто хочет выступить? — негромко спросил он.

Десятки рук взлетели вверх, но всех опередила Кротикова. Вера выступала на каждом собрании и заседании первой и считалась активным членом научного студенческого общества. Она без приглашения подбежала к кафедре и, прижав руки к груди, восторженно заговорила:

— Мы прослушали два бесспорно интересных доклада. Наши товарищи по учебе под руководством нашего любимого преподавателя Михаила Ивановича Атарова славно потрудились над своими научными работами. Доклады содержат, конечно, ряд ошибок но... Словом, от всей души хочется поблагодарить Михаила Ивановича за чуткое отношение к кружку.

После Кротиковой к кафедре вышел Саша Избин. Он впервые выступал на кружке, очень нервничал и говорил, глядя в пол:

— По-моему, мы должны точно выяснить те ошибки, на которые намекнула Кротикова... то есть товарищ Кротикова. По-моему, мы должны обсудить не только качество доклада Соловьева, и вопрос касается не только взглядов на Пушкина. Это вопрос об отношении к науке. Соловьев много раз говорил, что считает недостойным себя читать лекции о Пушкине в заводских клубах.—Саша передохнул и, взглянув на Валентина, твердо закончил: — Да, такие доклады, какой он нам преподнес сегодня, лучше вообще нигде не читать.

Раздались шумные аплодисменты. От неожиданности Саша растерялся, попытался еще

что-то сказать, но только махнул рукой и ушел на свое место.

Следующим выступил Ежов. Он одернул пиджак, привычным жестом, двумя руками, поправил прическу. У него было хмурое, недовольное лицо, он щурил глаза, словно пристально разглядывал плакат на задней стене аудитории.

— Соловьев — способный студент, с этим спорить нельзя, — сказал он. — Соловьев старательно занимается, работает над собой. У многих это приводит к тому, что у них появляется желание передать свои знания другим, научить других тому, что знают сами. А у таких, как Соловьев, появляется прямо противоположное желание — возвыситься над другими, короче говоря, зазнаться. Дескать, вот мы какие умные, такое знаем, что другим неизвестно, так скажем, что никто не поймет. Соловьев, я подсчитал, привел в докладе шестьдесят девять цитат и указал, что в работе использовано восемьдесят два источника. Ну и что? Ничего. Цитаты ради цитат. Живых мыслей нет.

Ежов говорил очень спокойно, но каждая фраза была прямо в цель. Соловьев сидел с побледневшим лицом, неподвижно глядя в одну точку. Иногда на миг появлялась и быстро исчезала деланная презрительная улыбка.

Игорь Третьяков начал говорить с места:

— Пушкин родился и жил в эпоху погибающего феодализма, а продолжает жить в эпоху, когда его родина строит коммунизм. Он

стал нашим современником. Вот с этой точки зрения и надо рассматривать вопрос «Пушкин и мировая литература», — Игорь остановился, подумал, поправил очки и продолжал уже более спокойно: — Маяковский боялся «хрестоматийного глянца». И вот таким глянцем товарищ Соловьев покрыл Пушкина. Он не увидел в Пушкине горячего сердца и дерзкой мысли! Он переписывает огромные кипы цитат, но меньше всего заботится о самом Пушкине! — с возмущением говорил Игорь. — Пушкин у него где-то в очень далеком прошлом, ничем не связан с нашими днями. Соловьев ни слова не сказал о резонансе пушкинских политических стихотворений на Западе. У него же нехватает фактического материала! У него в докладе ничего не сказано о «Песнях западных славян», нет даже упоминания о высказываниях Пушкина об эксплуатации английских рабочих и об американской «демократии».

— Разрешите перебить! — решительно сказал молчавший до сих пор Валентин. — Во-первых, это не имеет отношения к теме, а во-вторых, неужели вы серьезно считаете эти высказывания сколько-нибудь ценными! Может быть, вы разыщете подобные высказывания и в восемнадцатом веке?

— Уже разыскали! — торжествующе сказал Игорь. Он вытащил несколько записных книжек, выбрал одну, быстро перелистал и прочел громко и отдельно, выделяя каждое слово:

— «Европейцы, опустошив Америку, утучнив нивы ее кровию природных ее жителей, по-

ложили конец убийствам своим новою корыстию... Заклав индийцев единовременно, злобствующие европейцы... к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения приобретением невольников куплею... И мы страну опустошения назовем блаженною... Назовем блаженною страню, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова.»— Вот! Радищев написал! В восемнадцатом веке!

Соловьев ничего не ответил, только пожал плечами. Выступало еще много студентов, говорили так резко и убедительно, что Валентин отказался защищаться.

Слово взял Атаров. Сейчас у него усталое, чуть посеревшее лицо с явственно проступающими морщинами. Кажется, что профессор чем-то очень огорчен. Но Михаил Иванович неожиданно улыбается.

— Вы хорошо разбираетесь в литературе,— говорит он,— я не ошибся, предложив на обсуждение забракованный мною доклад. Его автор проделал огромную работу, показал пример добросовестного изучения источников по исследуемому вопросу. Но наука заключается не в этом. Там, где нет нового, где нет живых мыслей, науки быть не может... Товарищ Соловьев, я разделяю мнение выступавших: доклад нуждается в коренной переработке.

Валентин вышел из аудитории первым, никому не сказав ни слова.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Иногда Евгений, словно взглянув на свою жизнь со стороны, задумывался. Вот, например, вчерашний день: встал в семь, до восьми просматривал дневники комсомольских групп, с девяти до часу слушал лекции, с часу до трех вел собрание у первокурсников, с трех до пяти беседовал с редакторами стенных газет, с пяти до семи вел заседание факультетского бюро, с восьми до одиннадцати сидел над курсовой работой, потом переводил с немецкого, уже в постели читал газеты.

Сутки без начала и конца. Для того, чтобы выбраться в театр, надо выкраивать время за месяц вперед.

Сегодня в перерыв подошел к нему один студент и, отказываясь от поручения, чистосердечно признался:

— Пока не могу, личные дела мешают.

— А как же я все делать успеваю? — спросил Евгений.

— Ты? — искренне удивился такому вопросу студент. — Ты уж иначе не имеешь права: секретарь.

Евгений привык к тому, что все считают: у него, кроме дел, ничего нет и быть не может. Издавна повелось, что секретарь обязан отвечать за всех, а как ему успевать, об этом никто не беспокоится.

...Падал тяжелый и мокрый ноябрьский снег. Его крупные хлопья медленно и лениво, словно раздумывая, куда им упасть, ложились на землю, на крыши домов, оседали на ветвях деревьев. Евгений снял перчатку и протянул руку вперед. Маленькая холодная снежинка попала на ладонь и растаяла, потом упала вторая, третья — тоже растаяли.

Раньше ему удавалось забыться среди многих дел. А сегодня, сев за конспекты, он вдруг закрыл глаза, и голова закружилась от мыслей. Мысли были глупые, неуклюжие, но как стало хорошо, когда они взбрели на ум... Евгений решительно захлопнул тетрадь: новая мысль, неожиданная и дерзкая, заставила его встать. Он испугался ее и обрадовался.

Повинуясь этой упрямой мысли, Евгений вышел из общежития. Зачем он пошел? Зачем подошел к этому дому, постучал в эту, словно давно знакомую дверь, вошел? Конечно, Галина удивилась, конечно, предложила присесть и даже о чем-то спрашивала. Хорошо, что в дверь

постучали, и Галина ушла открывать. За короткие минуты ее отсутствия он успел основательно выругать себя и лишний раз поразиться нелепости своего положения.

Галина вернулась с Виктором, и Евгений, пожав ему руку, заставил себя задать несколько вопросов. Но легче не стало. Если недавно в комнате сидел и молчал один, то теперь таких в комнате было двое. Евгений, как утопающий за соломинку, ухватился за лежащую на столе газету и погрузился в созерцание заголовков, смысл которых стал для него совершенно неуволим.

Галина растерянно посматривала то на одного, то на другого и, отчаявшись услышать от них хотя бы одно слово, попросила:

— Ну, расскажите что-нибудь.

Ежов отложил газету в сторону, взглянул на Виктора и ответил:

— Я лучше помолчу.

Ему стали почему-то неприятны непринужденность и спокойствие Виктора. Вот сидит он, Евгений, волнуется, смущается, краснеет, а этот... курит себе!

— Вот что, друзья мои, — Евгений поднялся с места. — Я, пожалуй, пойду; не получается у нас разговора.

Сказал он просто, без подчеркивания. Действительно, разговор не клеился, и одному из двоих надо было уходить.

Морозный воздух ударил ему в лицо, неприятно защипал кончики ушей.

Евгений шел быстро. Ведь надо же было за-

быть, что завтра семинар! Хватит, подурачил самого себя, надо делом заниматься!

Степан был уже дома. Евгений сел к столу, раскрыл книгу, но никак не мог сосредоточиться. В голове пели полюбившиеся шекспировские строки: «Ее глаза на звезды не похожи...» Он чувствовал, что не может молчать, что лучше рассказать кому-нибудь о сегодняшнем вечере. Но Степану, конечно, не было дела до таких мелочей, как неудачная любовь.

Евгений открыл форточку и сказал:

— Душно у нас, пусть продует...

Он стоял, опустив руки, кусая губы.

— Что с тобой? — обеспокоенно спросил Степан.

— Ничего... Я, Степа, сегодня пробовал ухаживать.

— Ты?! Этого еще нехватало!

Евгений медленно прошелся по комнате, остановился перед форточкой и проговорил:

— По-моему... это неважно... Важно, чтобы ты сам... а остальное приложится... Дай закурить!

Степан читал, слушая, как Евгений расхаживал по комнате. Потом оторвался от книги и возмущенно сказал:

— Женька, иди топать в коридор. Мне завтра на первую лекцию.

Евгений присел на кровать, снял ботинки и... снова заходил по комнате.

Степан отложил книгу в сторону и задумался. Он тяжело переживал перемену в Евгении. Общительный и жизнерадостный, тот

вдруг стал замкнутым, неразговорчивым. Степан ясно видел, что друг избегает его, старается остаться один. Но он не мог предоставить событиям развиваться по причинам, ему неизвестным. С Евгением они должны были объясниться. Тем более, что Степан сделал немаловажное наблюдение, натолкнувшее его на неутешительную догадку. Сначала он не хотел ей верить, но вспоминая события последних дней, приходил к одному и тому же грустному выводу: Евгений влюбился, а это, как и следовало ожидать, сделало его замкнутым.

— Женька, давай поговорим: две головы лучше, — намекнул Степан.

— Головы в таких случаях бездействуют, — неохотно ответил Евгений.

— В каких случаях?

Ежов промолчал. Он стоял спиной к Степану и смотрел в окно.

— Ты будешь или нет со мной разговаривать? — рассердился Степан.

Евгений повернулся к нему, посмотрел каким-то усталым взглядом и только пошевелил губами.

— Ничего не понимаю. Не умсю я загадки разгадывать. Говори прямо, что случилось?

— Ничего.

— Ну, это ты сочиняешь! По всему заметно. Я только одного боюсь, как бы ты не напутал что-нибудь.

— За это не бойся. И, вообще, поменьше

обо мне думай. Раньше ты меня ни о чем не спрашивал.

— Раньше ты нормальным человеком был, приятно посмотреть, а сейчас...

— Перестань, — шевельнул рукой Евгений, — все в порядке.

Такое заявление не успокоило Степана. Была у него черта в характере, мешающая ему долго уживаться с людьми, потому что любил он в поступках друзей разбираться так же кропотливо и глубоко, как в своих собственных. Поэтому перемену в поведении Ежова он принимал близко к сердцу.

— Что-то нехорошее случилось с тобой, — грустно сказал Степан.

Вдруг раздался мелкий, негромкий стук в дверь.

— Входи, кто там!

Дверь медленно раскрылась, и в комнату вошла невысокая худощавая женщина в стареньком осеннем пальто и черном зимнем платке.

— Женя Ежов здесь живет? — спросила она тихим, певучим голосом, взглядываясь в Степана.

Не успел тот ответить, как сзади загрохотал отлетевший в сторону стул, и Евгений подбежал к женщине.

— Мама!

Он как-то и порывисто, и бережно обнял ее, сгорбился, нагнувшись к ее лицу. Из глаз матери быстро одна за другой выпрыгнули слезинки.

— Хорошо, что приехала, — сказал сын, сделав вид, что не замечает слез, — надолго?

— Пока не выгонишь, — женщина быстро смахнула слезинки, провела рукой по лбу и стала разговаривать так спокойно, словно и не расставалась с сыном.

Евгений засуетился, включил плитку, сбежал за водой, вытащил хлеб и только потом познакомил Степана с Марией Николаевной. Она не сводила глаз с сына. А он, словно смутившись этого долгого, пристального взгляда, не смотрел на нее. Степан стал одеваться.

— Нет, нет, я сам! — запротестовал Евгений, — оставайся, — и не одевшись, убежал.

— Сколь худ, — покачала головой Мария Николаевна. — Кушает хорошо?

— Да ничего, каждый день, — невпопад ответил Степан и, чтобы совсем успокоить ее, добавил: — И спит много.

— Ну, это неправда! — возмутилась Мария Николаевна. — Не может этого быть: он и дома ложился только под утро, все читал. Он спать не любит, да и некогда ему спать. Учит-ся хорошо?

— Молотовский стипендиат.

— Знаю. Дружно живете? Вместе обедаете? — деловито задавала она вопрос за вопросом.

— Вместе.

— Помоги-ка мне чемодан освободить.

Степан брал из ее рук банку за банкой, сверток за свертком. Когда содержимое

чемодана было выложено на стол, Мария Николаевна сказала удовлетворенно:

— Угощайтесь на здоровье. Только не всё сразу.

После ужина Степан ушел в соседнюю комнату; там его приютили на ночь.

— Что у тебя случилось?—спросила Мария Николаевна сына.

— Ничего. Почему ты так думаешь?

— Потому и приехала. Сердце заболело. Зря или нет приехала?

— Не зря, но... ничего со мной не случилось, — Евгений вздохнул и посмотрел почему-то на окно.

— Завтра узнаю... Посмотрю, как живешь. Выговоров не было?

— Ну что ты, мама?

— Боюсь я за тебя, Женя. Без отца ведь вырастила, может, и не сумела, как это говорят, воспитать...

Евгений был примерным сыном, Мария Николаевна держала его в строгости. Но ему эта строгость была по нраву и не мешала жить именно так, как он хотел. Учился он с охотой, от домашних дел никогда не отказывался.

Сразу после окончания десятилетки Евгений уехал в университет. Это была его первая долгая разлука с матерью. Уехал он, и Мария Николаевна... Она не жаловалась сыну в письмах, а вечерами после работы не знала, куда от тоски спрятаться. Больше всего ее огорчало то, что она мало помогала сыну

деньгами. Но в прошлом году Евгений стал молотовским стипендиатом, и эта забота отпала. Мария Николаевна все равно волновалась. Она словно почувствовала, что в жизни сына произошла какая-то перемена.

Мать, конечно, ничего не сказала ему о цели своего приезда, только внимательно разглядывала его, стараясь найти следы беспокойства.

Утром они вдвоем отправились в университет. Евгений — на занятия, а Мария Николаевна — посмотреть здание.

Минут через двадцать, второй раз проходя по коридору, она заметила в конце его Евгения. От неожиданности мать не поверила своим глазам и не успела даже окликнуть. Она схватилась рукой за грудь, услышав, как громко застучало сердце, и устало опустилась на скамейку... Она сразу заметила, что Женя перестал быть с ней откровенным, но доказала себе, что сын просто отвык от нее. Но сегодня он сказал, что пошел на лекции. Обманул!

Мечта о том, что сын окончит университет, поддерживала ее. А теперь, она чувствует, у него что-то неладно с учебой. Может быть, показалось? Может быть, не Женя прошел? Нет, не показалось, он.

Всю жизнь мать прямо смотрела на вещи, не обманывала себя. И сейчас она не стала гадать, а решила сразу узнать правду. Мария Николаевна медленно поднялась наверх и тяжело пошла по коридору. Ее больше не интересовали ни гербарии в витринах, ни причуд-

ливые стволы деревьев, укрепленные на подставках в углах.

На площадке между этажами стояла доска почета. Мать уже несколько раз прошла мимо, оттягивая удовольствие увидеть на ней портрет своего сына. Сейчас она решительно направилась к доске. Семь рядов фотографий. Мария Николаевна неторопливо разглядывала каждое лицо, читала подписи. Сердце стучало громко-громко: а вдруг Жени нет среди этих умных, торжественных лиц?

— Здравствуйте! — сказал кто-то сзади нее. — Стахановцев наших разглядываете?

Перед ней стоял невысокий полный мужчина в сером костюме. Первое, что заметила она — это негустые седые волосы и ряды орденских колодок над карманом. Мужчина смотрел на нее внимательно, чуть прищурив маленькие, спрятавшиеся в одутловатых веках глаза.

— К сыну или дочери приехали?

Мать откровенно призналась:

— За сына боюсь... Вот приехала и не пойму, почему сердце болит.

— Вот как? А как сына зовут?

— Женья... Женья Ежов, высокий такой.

— Очень рад познакомиться с вами. Хороший у вас сын. Только почему... сердце болит, извините за нескромный вопрос?

Мария Николаевна хотела промолчать, но все-таки ответила:

— Уроки он пропускает.

Неожиданно мужчина рассмеялся негромким, хорошим смехом.

— Иначе ему нельзя, — сказал он, — дел много. Он секретарь комсомольской организации факультета, у него свободное посещение лекций.

— Что? Что? — возмущенно переспросила мать. — Кто это выдумал? Он учиться сюда приехал, а не... свободно посещать!

Мария Николаевна расстроилась, резким движением завязала платок на подбородке и продолжала:

— Дел много! Учиться надо — вот одно дело!

— Постойте, постойте, — мягко остановил ее мужчина, — а общественные поручения? Без них нельзя. Он же комсомолец. Ежов хорошо справляется и с ними, и с учебой.

— Я с ним поговорю, — грозно сказала мать и пошла вниз. Она быстро спустилась по лестнице и вошла в вестибюль. Прямо перед собой на двери она увидела дощечку с надписью «Бюро ВЛКСМ филфака» и открыла дверь.

Евгений сидел за столом и что-то писал. Увидав мать, он продолжал писать, показав ей рукой на диван. Мария Николаевна села, к горлу подступили обильные материнские слезы, она прижала к глазам платок и, не в силах сдержаться, громко зарыдала.

Евгений долго успокаивал ее, но она перестала плакать только тогда, когда платок был совершенно мокрым от слез.

— Что с тобой? Что с тобой? — растерявшись, спрашивал Евгений, глядя ее волосы.

— Ничего, — вздохнув, ответила она, — я думала, ты учишься, а ты... Разговаривала я сейчас с человеком одним... седой, полный такой, в сером костюме...

— Невысокий?.. Так ведь это Илья Александрович! — обрадованно воскликнул Евгений. — Это же ректор наш... Ну, самый главный, понимаешь?

Мать отодвинулась от него и радостно прошептала:

— Тогда... тогда так и надо, значит?

Евгений долго смеялся, а она сосредоточенно думала, не глядя на него.

— Теперь спокойна?

— А нет. Чует сердце — случилось что-то с тобой... Правда ведь? Скажи, Женя, все равно не успокоюсь, пока не узнаю. Ну, не могу я так!

— Хорошо, скажу... Мне обязательно надо кому-нибудь рассказать: легче будет. Лучше, конечно, чтобы ты одна знала.

Он сел, достал папиросу («Много, наверное, курит», — с сожалением подумала мать) и сказал:

— Нравится мне... девушка одна и... и не... не получается ничего.

Мать почувствовала, что сердцу стало свободнее.

* * *

Факультетское бюро собралось к пяти часам вечера. В коридоре, ожидая вызова, сидели Виктор, Степан, Игорь.

— Достанется нам по первое число, — сказал Степан, — такое дело затягиваем.

— Вчера Ежов на партбюро отчитывался, — напомнил Игорь, — предложили исправить положение.

Дверь открылась, их пригласили: «Ваш вопрос». Первым вошел Степан, за ним Игорь и последним — Виктор. Они сели на широкий мягкий диван. На этом месте вызванные на бюро чувствовали себя неважно. Давно знакомые студенты, товарищи, сейчас казались строгими судьями, нельзя было подойти к ним и, хлопнув по плечу, пообещать: «Ладно, исправлюсь». Нет, вызванные настороженно ждали, что им скажет бюро. Часто в такие минуты думается о том, что еще вчера все можно было исправить. Сейчас поздно.

— Второй вопрос — срыв лекций на заводе, докладывает Ожегов, — негромко объявил Ежов.

Ожегов кратко изложил суть дела.

— Кто хочет сказать? — спросил Евгений.

Один за другим выступали члены бюро. Они рассказали, что к шефству готовятся все факультеты, и филологи могут оказаться в хвосте важного дела; единогласно требовали заслушать на комсомольском собрании вопрос о поведении Бессонова. Степан, Игорь и Виктор вышли хмурые, мрачные.

Самое страшное для Евгения было впереди: следующей вошла Галина. Это было слишком большим испытанием. Он объявил перерыв. Галина вышла. Какие у нее... глаза! Не сразу и

слово подберешь. Евгений, глубоко затягиваясь, курил вторую папиросу.

— Жень, начнем? Десять минут прошло!

— Да? — очнулся Евгений.

Она возвратилась, на ходу поправляя белый воротничок платья, глядя куда-то вниз. Евгений объявил вопрос и выслушал докладывающего: студентка третьего курса, комсомолка Галина Дьяконова имеет одну академическую задолженность, пропускает лекции, не участвует в семинарских занятиях.

Почему все молчат? Хоть бы кто-нибудь выступил! Евгений обводит их взглядом и говорит каким-то чужим, не своим голосом:

— Расскажите, почему так у вас получается?

Сказав эту неуклюжую фразу, он крепко закусил губу и стал напряженно смотреть на чернильный прибор.

— Я... я обещаю исправиться, — тихо ответила Галина, — честное комсомольское.

Поступило предложение — учесть обещание Дьяконовой. Облегченно вздохнув, Евгений объявил заседание закрытым. Он остался сидеть на месте, ожидая, пока все уйдут: не хотелось видеть Галину вместе с Виктором. Покурив, он неторопливо оделся и отнес ключ дежурному.

Грустно становится в опустевшем здании университета. Словно попал в родной дом, откуда все уехали, оставив на местах знакомые вещи. Ему на мгновение даже не захотелось уходить.

...Впереди, влево от университетского сада, мелькают огни железнодорожной станции. Летит снег. Вот так же он падал, когда Евгений в первый и пока что в последний раз шел к Галине.

Евгений сбежал с насыпи и резко остановился, увидев Галину, стоящую под фонарем. Словно кто-то толкал его в спину, и он шел вперед, зная, что она ждет не его.

Галина обернулась и увидела Евгения. Он спрятал в карманы озябшие руки, опустил уши шапки и сказал:

— Снег какой идет...

Правда, Галина не ответила, но у нее такое доброе, милое лицо, что, стоя рядом с ней, можно весело болтать с самим собой.

— Ко мне мама приехала... Волновалась за меня... Еле-еле доказал, что зря.

— Трамваи, наверно, не ходят, — тихо произнесла Галина.

«Если бы! — подумал он. — Ведь бывает же изредка такое счастье, что они останавливаются!»

— Трамваи не идут, — сказал высунувшийся из диспетчерской человек. — Повреждение линии.

Снег повалил густыми хлопьями.

— Провожать меня не нужно, — предупредила Галина.

— Провожу, — упрямо и неожиданно смело сказал он и негромко, радостно рассмеялся в воротник. Евгений спешил рассказать Галине как можно больше, смотрел на нее во

все глаза. Трудно вспомнить, когда, на какой фразе разговор оживился. Галина стала отвечать.

— Со мной часто бывает вот так, как сегодня, — весело рассказывал Евгений, — вдруг появится такое настроение, что отложу заботы в сторону и радуюсь, пока не надоест.

Незаметно (для Евгения) подошли к дому.

— Поздно уже, — сказала Галина и вежливо предложила: — но можно еще зайти, отогреться.

— А что? — отозвался он. — И зайду! И чаю попрошу. Думаете, струшу?

Отец Галины оказался простым человеком. Едва познакомившись, он усадил Евгения за шахматную доску и, потирая от удовольствия руки, сделал первый ход. Евгений разыгрался, пробовал срубить короля, ходил чужими пешками и быстро сдался. Антон Степанович, громко стукнув ладьей, объявил мат и пригласил к столу. Они легко разговорились. Лет десять назад Антон Степанович работал в поселке, где вырос Евгений, и с удовольствием вспоминал названия улиц и переулков, фамилии общих знакомых.

Домой Евгений шел пешком. Шел и пытался рукой поймать снежинку. Это ему удалось только у подъезда общежития.

— Где пропадал? — встретил его Степан. — Мария Николаевна без тебя уехала, вот письмо.

— А я сейчас чай пил, — шопотом сообщил

Евгений, — четыре стакана выпил... И партию в шахматы чуть не выиграл!

Он раскрыл письмо и прочел:

„Женичка, не обижаюсь, что не пришел провожать. У тебя, кажется, все направляется. Желаю счастья. Целую.

Мама“.

— Знаешь, Степа, — серьезно произнес Евгений, — а ведь матери редко ошибаются.

* * *

Организация шефской работы оказалась очень нелегким делом, отнимала много времени и сил. Но студенты не собирались отступать от задуманного. Сразу же после заседания партбюро факультета, на котором разбирали вопрос о шефстве, кружок Атарова послал на завод своих представителей.

— А-а, обещатели пришли! — приветствовал их секретарь комитета ВЛКСМ Снегирев, плечистый, крепкий парень в синем кителе. — Мы ваши лекции решили на будущий год запланировать.

— Почему? — обиженно спросил Игорь.

— Очень уж быстро организуете, десятый день девятую версту, только кустики мелькают.

Степан положил перед ним список лекций с фамилиями докладчиков.

— Нет, так не пойдет, — решительно отказался Снегирев, — не то от вас требуется. Что это? Пушкин, Лермонтов, Толстой... а Шолохов,

Фадеев? А как вы без Маяковского к нашим ребятам покажетесь? Шутники!

Игорь, переглянувшись со Степаном, деликатно начал объяснять:

— Дело, видите ли, в том, что мы из кружка литературы XIX века, а есть кружок по изучению советской литературы. Вот с ним вы и...

— Я не знаю, какие у вас там есть кружки, а нам лекции по всем вопросам нужны, надо сразу же расписание составить.

Снегирев говорил довольно резко. Степану показалось это странным: ведь совсем недавно его здесь встречали иначе. Секретарь, словно прочтя его мысли, ответил:

— Нехорошо вы, товарищи студенты, поступили. Наобещали горы золотые, а ничего не делаете. У нас так повелось: скажем — обязательно сделаем.

— Мы сегодня начинаем лекции читать! — вдруг скороговоркой выпалил Игорь.

— Не верю что-то, — покачал головой Снегирев.

Но Игорь все-таки договорился с ним и вечером со Степаном пришел в восьмое общежитие. В красном уголке за длинным столом сидело несколько человек. Игорь нервничал, смущался, кое-как познакомился и потом долго говорил о мировом значении русской литературы. Молодые рабочие слушали внимательно, но не увлеченно. Степан кусал карандаш и с трудом сдерживался, чтобы не остановить Игоря. Тот и сам чувствовал, что говорит плохо, но еще больше боялся остановиться.

После лекции не задали ни одного вопроса. Видно было, что все с нетерпением ждали, когда уйдет скучный лектор. Игорь хотел продолжать, но сокрушенно махнул рукой и направился к выходу. Степан остановил его.

— Вы не удивляйтесь, ребята, — сказал он, — что у нас первой лекции не получилось. Не умеем еще. В понедельник снова придем.

Рабочие вежливо согласились. По дороге студенты не разговаривали. Прощаясь, Игорь сказал невесело:

— Лиха беда — начало.

На другой день на заседании партбюро университета был утвержден состав шефского оргкомитета, ему поручили руководить шефской работой всех факультетов.

И совершенно неожиданно для себя Степан оказался выбранным в члены оргкомитета. Сегодня у него в блокноте уже было записано двадцать лекций, пять из них готовились читать филологи, остальные — химики, физики, математики.

Как он побывал на заводе, Степан подробно рассказал Евгению. Но Ежов ничего не узнал о том, что еще произошло с его товарищем.

В заводском комитете комсомола Степана должен был ждать заведующий сектором культурно-массовой работы Липкин. Степан шел к заводу с легким сердцем. Теперь все зависело только от Липкина, которому предложили приготовить расписание лекций.

Подняв уши шапки, Степан постучал в дверь.

— Войдите! — ответил звонкий девичий голос.

«Нет еще этого Липкина!» — с досадой подумал Степан и открыл дверь.

За столом сидела девушка. Она вошла сюда тоже совсем недавно, потому что у нее были пунцовые от мороза щеки, а на влажных бровях и на лбу блестели капли растаявшего снега. Большие, темные, чем-то удивленные глаза смотрели прямо в глаза Степана и быстро сделали свое дело — он словно проглотил язык.

— Вы к кому? — спросила девушка, продолжая разглядывать растерявшегося студента.

— Мне... нужно... товарища... Липкина, — с трудом проговорил тот.

— Липкина?! У нас такого нет.

— Ну... ну... я тогда пойду, — и Степан быстро попятился к двери, но девушка снова спросила:

— Может быть, вам Липкину нужно?

— Может быть... — пробормотал добравшийся до двери Степан.

— Так это я! — объявила девушка. — Маша Липкина — заведующая культмассовым сектором.

Степан уже тихонько толкал неподдающуюся дверь, но сейчас уходить было нельзя.

— Вы из какого цеха?

— Я не из цеха, я из университета, — упавшим голосом поправил Степан.

— Незаметно, что вы студент.

Степан только собрался ответить, как Маша объяснила:

— Студент, а смотрите, как... — Она рассмеялась.

— Как умею, и не ваше это дело. Расписание лекций приготовили? — по возможности сурово спросил Степан.

У него появилось желание разозлить дерзкую Машу и, чтобы совсем побороть смущение, он говорил довольно грубо. Но Маша не растерялась.

— Кто же это составляет расписание лекций, когда даже тем не знает?

«Правильно», — с невольным уважением подумал Степан и уже извиняющимся тоном произнес:

— Вот я принес список тем.

Маша положила листок в карман, даже не прочитав его.

— Сегодня у нас работы по горло, — заявила она. — Надо обойти все общежития и у самих рабочих спросить, что их интересует. Поправочки кой-какие сделаем к вашему списку.

Первое общежитие было поблизости. Но по дороге Степан и Маша успели поссориться.

— Я через два года пойду в университет учиться, — сказала она.

— Очень трудно, — важно заметил Степан.

— А я только то люблю делать, что трудно, не как некоторые!

— Откуда знаете?

— Видно птицу по полету. Решили, что лекции на заводе пара пустяков организовать?

Дескать, принесем им длиннющий список тем, а они и уши развесят. Если бы вы знали, как это трудно, то и не взялись бы.

Степан попробовал возразить, но никак не мог подобрать нужных слов, все они вылетели из головы.

Маша вошла в общежитие, как хозяйин, поинтересовалась у коменданта, во-время ли завозят дрова.

— Сейчас я вам наших ребят покажу, — с гордостью сообщила она.

Сначала они зашли в красный уголок. Находившиеся в нем рабочие встретили Машу с шумной радостью.

— Как жизнь? — весело осведомилась девушка.

Рабочие заговорили наперебой, и Маша успевала каждого выслушать и каждому ответить.

— Что, Клепиков, грустный?

Читавший в сторонке газету паренек с взлохмаченной головой нехотя отозвался:

— Совсем я не грустный. Фельетон веселый читаю.

— Видно, не весело тебе, если газеты читать стал; раньше ты этим не отличался.

— С Леной поссорился, — шепнул Маше один из рабочих.

— Понятно. Но дело поправимое. Вообще она правильно поступает. Эти лентяи из восьмого цеха давно у всех на глазах. Мы скоро их в отдельную комнату поселим и прибьем дощечку с надписью: «Не берите с них пример».

Выждав, когда все рабочие кончили смеяться, Маша спросила:

— Почему читки прекратились?

— Одинцова больна.

— А почему мне не сказали? Другого бы чтеца нашли. Пока сама не узнаешь, не скажете... Я вот с чем пришла: регулярные лекции начнем проводить. Помните, университетские студенты над нами шефство взяли?

— Давненько.

— Это к вам относится, — повернулась Маша к Степану, — учтите.

— А к занятиям готовиться помогут? — спросил Клепиков.

— Обязательно. А лекции какие вам прочесть?

— Что в театре идет... — начал кто-то, но на него зашикали.

— Про «Онегина» ему надо рассказать. Он петь любит: «Любви все слесари покорны».

— Серьезней, ребята! — строго сказала Маша.

— А я и так серьезно. Завтра мы в театр на пьесу идем, а сегодня бы нам студенты о ней рассказали, что к чему. А то я «Мадам Чио-чио-сан» смотрел и половину не понял.

Предложений было много, Степан едва успевал записывать. Он сразу понял, что основное внимание надо уделить вечерним школам и политкружкам.

В следующем общежитии прошлись по комнатам. В первой был только один человек. Он лежал на кровати и курил, комната полна дыма.

— Знакомое явление, — едко сказала Маша. — Игнат Гузов за пять дней до получки. Всегда потратит деньги на пустяки, а потом лежит, соображает: у кого бы занять? Так ведь?

Гузов встал и молча кивнул головой.

— Вот еще тема для лекции, — обратилась Маша к Степану. — Хороший токарь, скоростник. Все у парня есть: и школа, и работа, и клуб, и квартира, а он...

— Агитпункт напротив, — пробасил Гузов, — в здании школы номер три.

— Что ты сказал? — глаза у Маши сузились, она подошла ближе.

Парень, видимо, не думал ее обидеть и ответил серьезно:

— Ты не говори мне ничего, я еще от того разговора в себя не пришел. Ведь договорились через месяц итоги подвести, а всего десять дней прошло.

— Ладно, — примиряюще произнесла Маша, — но смотри, второй разговор будет посильней первого.

— Известное дело, — согласился Гузов. — Попробую, чтоб больше не вызывали.

На следующей двери над номером комнаты висел листок бумаги с аккуратно выведенными плакатным пером словами: «Здесь живут отличники».

Отличники вечерней школы — три Сергея действительно требовали помощи в занятиях по русскому языку и литературе. Когда вышли от них, Маша спросила:

— Ну, как?—и, не дожидаясь ответа, принялась рассказывать: — Живут они дружно, настоящей коммуной, у них даже библиотека общая. И, что самое смешное, дали слово не жениться, пока инженерами не станут. Девчата про них частушек насочиняли!.. Сейчас покажу вам нашу гордость — дом молодоженов. Без чая нас оттуда не отпустят.

Этот двухэтажный восьмиквартирный дом даже по внешнему виду чем-то отличался от всех других домов, стоящих вокруг.

Дом построили осенью и подарили молодоженам-стахановцам. На новосельи директор завода сказал:

— Всех молодоженов вселим в такие дома. Город целый выстроим, только живите дружно.

Маша оказалась права: в первой же комнате их усадили за стол. Степан с интересом оглядывался вокруг и подумал, что он непрочь иметь такую комнату после окончания университета.

Хозяин — Василий Ладов, белокурый немного смущающийся молодой человек и его жена Наташа, такая же белокурая, как и он сам, с удовольствием угощали гостей.

Маша легонько подтолкнула Степана локтем — знай наших!

Когда вышли от Ладовых, Маша неожиданно усталым голосом спросила:

— Может быть, хватит? Я сегодня еще дома не была.

Степан согласился, тем более, что ему нужно было к завтрашнему дню еще раз про-

смотреть свой доклад на семинаре по основам марксизма-ленинизма.

Подул резкий, обжигающий морозом ветер, но Степан не опускал уши шапки. Маша прикрикнула:

— Уши отморозите!

И он покорно, не сказав ни слова, поднял воротник, только подумал: «Почему она говорит так, точно знает, что я ее слушаюсь?»

Они вышли на заводскую площадь, залитую светом двух прожекторов.

— Сколько мы с вами гуляли! — испуганно вскрикнула Маша, увидев, что стрелки заводских часов застыли на половине двенадцатого.

И она снова стала такой, какой он увидел ее впервые: дерзкой и колючей.

— Если вы так за лекции отвечать будете, как до сих пор, то мы через месяц, не раньше увидимся, — сказала она, но Степан и на этот раз промолчал.

Пригорюнившись, пошел он домой. «И ты туда же, — зло подумал он, — мало тебе, что Виктор Бессонов из-за этого дурака валяет, Женька на человека перестал походить, так и ты туда же».

Он всеми силами пытался сохранить равнодушный вид, чтобы Евгений ничего не заметил. Он даже пробовал зевнуть, но Евгений все-таки несколько раз вопросительно взглянул на него. Впервые Степану захотелось побыть одному. Он раскрыл учебник, долго смотрел на первое слово параграфа и вдруг, не сдержавшись, тяжело вздохнул.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Валентин, не раздеваясь, прошел к себе в комнату. Людмила Аркадьевна сделала несколько шагов вслед за сыном, остановилась перед захлопнувшейся дверью. Опять, значит, что-то случилось! Опять Валик не будет кушать, весь вечер просидит один, куря папиросу за папиросой, уснет только под утро, встанет с опухшим лицом, отвернется от завтрака и уйдет, не сказав ни слова. Она пошла на кухню и выключила плитку.

Валентин устало опустил в кресло. «С чего все началось?» — подумал он и решил, что не влюбил этого первокурсника с той минуты, когда Лукьянов громко и отчетливо сказал про его стихи:

— Галиматья какая!

Валентин тогда улыбнулся и сдержанно спросил:

— А вы сами пишете? Представляю...

Нет, он стихов не писал, но стихи Валентина раскритиковал беспощадно. Это была малая доля тех неприятностей, которые доставил ему Лукьянов. Валентин даже поморщился, живо вспомнив одну из стычек с ним. Это было позавчера. В перерыв зашел разговор о докладах и Третьяков, теперь староста кружка, спросил:

— Ты скоро свой доклад переделаешь?

Валентин приподнял тонкие брови и ответил вопросом:

— А ты надеешься, что я это сделаю?

— Это твоя обязанность. Если сам не сумеешь, кружок поможет.

— Ну, знаетел..

— Что ты его уговариваешь, как маленького? — вмешался в разговор стоявший рядом Степан. — Если бы мог, давно переделал бы.

Валентин не помнит, что он тогда наговорил Степану. Тот не стал спорить, а это еще больше вывело Соловьева из себя. Дело в том, что Степан был прав, и Валентин убедился в этом давно. Действительно, он не знал, с чего начать переделку доклада. Он несколько раз перечел написанное, несколько раз начинал писать новое введение и каждый раз останавливался на фразе: «Задачей работы является...»

Совершенно смешала все его планы статья, появившаяся недавно в многотиражной газете.

Увидев заголовок «Почему грустит поэт Соловьев?», он сразу же почувствовал, что статью написал Лукьянов. Не читая, Валентин разорвал газету и бросился его разыскивать. У него дрожали руки, когда он стучал в комнату номер десять. Дверь открыл Степан и нисколько не удивился.

— Это... вы там... написали? — с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать, проговорил Валентин, не входя в комнату.

— Да, я. Подпись разборчиво напечатана. Проходите. Присаживайтесь.

Валентин вошел, резким движением снял шляпу, потом снова надел ее и засунул дрожащие руки в карманы пальто. Все слова перепутались в голове, он никак не мог собраться с мыслями. Степан неторопливо прикрыл дверь и вернулся к столу, на котором лежал рюкзак с картошкой. Рядом в миске с водой белело несколько очищенных картофелин.

— Ля пом де тер, — улыбнулся Степан.

— Дё, — механически поправил Валентин.

— Знаю, только никак не привыкну.

— Кто вам велел французским заниматься? — холодно и высокомерно спросил Валентин, думая совсем о другом. — Немецкий легче.

— Немецкий я самостоятельно изучать собираюсь, а французский идет по учебному плану.

— Собственно, я вот зачем пришел. Вы поступили нечестно и некрасиво. Стихи я писал не для вас и не для газеты, а для себя...

— Прочитайте заметку, там насчет этого сказано. Вы что, не читали?

— И не собираюсь!

— Зря. Про вас написано. По-моему, интересно все-таки о себе почитать.

— А я не считаю нужным обращать внимание на подобные... критические сочинительства. Я не вижу причин для их появления.

— Опять же в заметке об этом сказано.

Валентин бросился к нему.

— Да кто вы такой, в конце концов? Откуда вы взяли, что имеете право поучать меня? Стихи я писал не для газеты...

Он вдруг остановился: случайно его взгляд упал на книгу, лежащую на тумбочке у окна. Ее обложку он мог заметить среди множества других. Он бросился к тумбочке и, не веря своим глазам, стал осторожно перелистывать страницы.

— Чья это книга? — забыв обо всем, быстро спросил Валентин. — Мне она очень нужна. Я за ней давно охочусь... Валерий Брюсов, «Мой Пушкин», — с удовольствием прочел он. — Чья это книга?

— Моя.

— Вы не можете... продать ее? Я куплю.

— Не купите! — нахмурившись, отрезал Степан. — Потому что не продам!

Валентин смущенно пожал плечами. Ему хотелось надерзить, но жаль было выпускать книгу из рук.

— Почитать дам, — так же хмуро предложил Степан.

— Спасибо, — кивнул Валентин, помедлил в нерешительности и заторопился к выходу, взяв книгу с собой.

Он решил прогуляться, чтобы остыть. Четвертый год он учится в университете, мечтает стать ученым и вдруг какие-то первокурсники на каждом шагу мешают ему! Тоже, будущие ученые!

Можно ли было не обращать внимания на статью? Ведь не замечал же он раньше решений об участии в общественной работе! Почему же сейчас он почувствовал, что сохранить независимый вид не удастся? И зачем стали предлагать читать научные доклады в заводских клубах? Это не укладывалось в голове.

Придя домой, Валентин попытался работать. «Почему грустит поэт Соловьев?» — вспомнил он и бросил перо; потом долго шагал по комнате и до поздней ночи читал книгу, взятую у Лукьянова.

Утром он пришел в университет, готовый ко всему. Первым ему встретился Степан и просто, словно ничего не произошло, попросил:

— У вас, наверное, есть Пушкин в академическом издании? Если можно, принесите мне третий том, а то в читалке на дом не дают.

Валентин до того растерялся, что вежливо пообещал. Он все ждал, что вот подойдет кто-нибудь и будет говорить о статье, ругать его или сочувствовать. Но подошел только Ежов. Валентин выслушал его с натянутой улыбкой и сказал глупую фразу, за которую мысленно выругал себя.

— Пусть пишут, и я буду писать.

— Я считал вас умнее, — задумчиво произнес Ежов.

Собрание было бурное. Сначала разбирали вопрос о Бессонове, вынесли ему выговор, потом приступили к обсуждению статьи Лукьянова. Это первое в жизни Валентина собрание, на котором стоял вопрос о нем. Раньше он присутствовал на собраниях, как посторонний, сидел в последнем ряду и обыкновенно читал книгу. А сегодня его попросили встать и ответить. Не ответить он не мог: пятьдесят человек строго спросили, что он думает о статье Лукьянова? Остротой или независимой позой здесь не отделаться.

— Я согласен, что мои стихи плохи... для газеты, но я пишу их для себя и читаю только тогда, когда меня попросят.

— Так ты и не хочешь понять своей основной ошибки, — сказал Ежов. — Дело в том, что стихи — это зеркало души, а в твоих стихах нехорошие, не наши, не комсомольские мысли и темы. Как может комсомолец писать такие стихи? Неважно, для себя или для газеты.

Не первый год носит Валентин комсомольский билет, каждый месяц в нем аккуратно появляются отметки об уплате членских взносов. Но, кажется, впервые Валентина прямо спросили о том, может ли поступать комсомолец так, как поступает он. До сих пор звание комсомольца не мешало ему поступать как он

хотел, а сейчас требовалось ответить: по-комсомольски ли он поступает?

Валентин молчал. Один из студентов взял лист бумаги и прочел:

Сумей найти в печали край,
Сумей забыть любовь, не плача.
На свете большей нет удачи,
Чем во-время сказать „прощай“.

Эти стихи написал Валентин. Красивые сочетания слов: «печали край», «забыть любовь», «сказать «прощай»! Валентин любил долго и кропотливо подбирать их, получались стихи, грустные, певучие.

— Ты Маяковского любишь?—спросил кто-то, перебив его мысли.

— Да... то есть... честно говоря, не особенно.

Слово взял студент, с которым Валентин учился четвертый год, но до сих пор не знал его фамилии.

— То, что стихи Соловьева — набор пустых красивых слов, ясно; это легко доказать. Но ведь стихи — результат, если хотите, определенного образа жизни. Как живет Соловьев, мы знаем: нас он не любит, среди нас он не выбрал товарища. В стихах люди говорят о самом сокровенном... Соловьеву не о чем говорить, он выдумывает и чувства и мысли, сторонится живой жизни.

— Согласен ты с этим?

«Нет», — сначала хотел возразить он, но сказал:

— Я подумаю. Можно мне потом ответить?

Это понравилось всем. Собрание постановило: считать статью Лукьянова правильной, усилить воспитательную работу среди студентов.

Как всегда, Валентин вышел из аудитории один.

По дороге ему встретился доцент Теремин, мужчина с круглым, почти без скул лицом, на котором горел яркий неровный румянец. Валентин поздоровался и хотел пройти мимо, но тот остановил его:

— Вы не можете взяться за интересную тему в моем кружке?

Валентин улыбнулся, но отказался, что-то невнятно пробормотав. Он почувствовал, что это невежливо, но все-таки прошел мимо.

Сергей Алексеевич Теремин давно стал убежденным противником профессора Атарова.

На каждом научном заседании они вступали в жаркие споры. Работа малочисленного лингвистического кружка, которым руководил доцент, всегда считалась плохой. Теремин переносил это болезненно и однажды, пытаясь оправдаться, заявил:

— Количество ради количества меня не интересует. Я знаю истинную цену студенческой научной деятельности и не подбадриваю так называемых будущих ученых непомерными захваливаниями.

— Мы с вами не феномены, Сергей Алексеевич, — ответил Атаров, — и вы, например, не так уж давно сами были студентом. А сейчас

вы — научный работник. И я убежден, что ученый начинает формироваться на студенческой скамье. Наше дело — проверить всех, из множества выбрать нескольких, способных отдать себя целиком науке, сказать в ней свое слово.

Теремин был придирчив, излишне строг. Его курс введения в языкознание считался самым трудным. Огромным камнем на пути к сдаче экзамена лежало учение Марра. Без знания нескольких его трудов назубок Теремин экзамена не принимал. Валентин, обладавший хорошей памятью, долго сидел над трудами Марра и этим восхищал Теремина. Снисходительно отзывался доцент и о Кротиковой, зазубривавшей чуть ли не наизусть некоторые произведения Марра.

Неподдельный страх наводило введение в языкознание на Степана. Не умеющий заучивать научные выводы, не поняв их, Степан ставил на полях конспектов сплошные вопросительные знаки.

— Не сдать мне языкознание, — часто говорил он, — срежет меня Теремин.

— Ты не прав, — убеждал его Игорь. — Сергей Алексеевич, правда, не очень верит в студенческие силы, но сдать ему можно.

— Мне не сдать — мне понять нужно, а Теремин нагородил семь верст до небес и все четырьмя элементами!

И наконец Степан, пересилив себя, зашел однажды на кафедру.

— Сергей Алексеевич, — признался он, — не понимаю я Марра.

Теремин на мгновение оторвался от книги и, пожав плечами, ответил:

— Что ж я могу поделаться? Значит, не всякому дано.

И снова принялся за книгу.

С этого дня Степан заволновался: неудача на зимней сессии была обеспечена.

Теремин давно старался перетащить в свой кружок Соловьева, даже дал ему доклад на предстоящем юбилейном заседании, посвященном Марру. Но в последнее время Валентин увидел, что Теремин относится к кружку, как к тяжелой необходимости, и мало беспокоится о качестве студенческих работ. Поэтому Валентин, любивший заниматься научной работой серьезно, с увлечением, не согласился уйти из кружка Атарова.

* * *

Алексей Макаров, напевая, водил кистью по картону. В драмкружке это считалось легкой и в какой-то степени интересной работой, гораздо лучшей, чем сколачивание громоздких рам или наклеивание на них обоев.

Десятый час вечера. Днем первый курс филологов начал сдавать экзамен по введению в языкознание. Но Алексей — принципиальный противник досрочной сдачи экзаменов. «В сессию с ними придется повозиться, — говорит он, — и незачем раньше времени начинать это неприятное дело».

В каникулы состоится совместный вечер заводской и студенческой художественной самодеятельности. Поэтому драмкружковцы спешат до начала сессии закончить декорации для будущего спектакля.

За Макаровым тенью ходит Саша Избин. Вздыхая, сидит он на репетициях, тренировках и соревнованиях, негодует, тщетно пытаясь заставить своего друга заниматься. В эти дни Избин не расстанется с учебниками и конспектами; приближающаяся сессия Сашу не пугает, но вот Алексей — предмет его неустанных забот и огорчений.

Макаров увлекся идеей дружбы университета с заводом и все вечера стал пропадать в клубе. Он бывал на репетициях хорового, драматического, акробатического, фортепианного кружков и трех оркестров. У Саши забот было тоже немало: он готовился к лекциям в молодежном общежитии, но от этого не стал заниматься меньше. Находил он время и для того, чтобы бродить следом за Алексеем и вызывать к его совести.

— Идем домой, — зовет он сейчас, — хоть немного позанимаешься! Ведь нельзя же так!

Но Алексей не обращает на него никакого внимания.

— Мне это надоело! — снова кричит Саша. — Я тебе не нянюшка! Пойду домой, а ты как знаешь!

И он, действительно, уходит. Алексей не останавливает его; он больше чем уверен, что

Саша выйдет в вестибюль и будет ждать хоть до утра.

Когда Алексей снова поднял глаза на картонную «стену», которую красил, он увидел на ней тень с торчащими хвостиками косичек. Алексей удивленно обернулся — перед ним стояла девочка с огненно-красными волосами, свернутыми в две косички, торчащие почти перпендикулярно к голове. Алексей знал эту девочку — на репетициях она сидела в последнем ряду и не спускала глаз со сцены. Сначала никто из драмкружковцев не замечал ее, но скоро к ней привыкли и называли, как старую знакомую, Таткой. Она оказалась для кружка нужным человеком: извещала о репетициях (хотя никто не просил ее об этом), прибирала в гримировочной комнате, суфлировала.

Татка стояла перед Алексеем, часто мигая золотистыми ресницами.

— Здравствуйте, — сказала она, схватив рукой левую косичку, потом взяла другой хвостик волос и попробовала закинуть его назад, но хвостик упрямо вернулся в прежнее положение.

— Скоро уже премьера, — Татка опустила золотистые ресницы.

Слово «премьера» было произнесено с таким неподдельным уважением, что Алексей искренне полюбопытствовал:

— А вы почему роль не попросите?

— Мне еще нельзя, — вздохнула девочка. — Я ведь семиклассница, а папа (он у меня здесь

пренодаст) сказал, что большего, чем ходить на репетиции, не разрешает. Вот я и жду.

— Чего ждете?

— Когда в университет поступлю. Еще три с половиной года ждать, — Татка снова вздохнула, тряхнула косичками и, видимо набравшись смелости, спросила: — Вы долго здесь будете?

— Долго.

Татка подняла на него большие синие глаза, сразу же опустила их и порывистым движением вытащила из кармана пальто сверток.

— Я принесла вам покушать, — забормотала, покраснев, она, — я знаю, что вы еще дома не были. Кушайте!

Она положила сверток на стул и побежала со сцены.

— Подождите! — крикнул Алексей и бросился вслед за девочкой, но в зале была такая темнота, что он через несколько шагов больно ударился коленом о стул и остановился. — Подождите!

— Жду! — ответил ему чей-то голос.

Алексей медленно попятился назад и только подойдя к сцене, где было светло, увидел перед собой Ежова.

— А ну, быстро домой! — приказал тот. — Избин уснул в вестибюле.

— У меня стена недокрашена... — начал Макаров, но Ежов сбросил накинутое на плечи пальто и перебил:

— Сам выкрашу. И не спорь, я сегодня экзамен сдал. Иди занимайся.

Макаров осторожно пробрался через зал и у самой двери оглянулся: Евгений уже надел фартук и взялся за кисть.

В вестибюле сидели на диване Игорь и Саша.

— Наконец-то,—заворчал Избин, но Алексей не обратил на него внимания.

— Что со Степаном случилось? — спросил Алексея Игорь.

— Нет повести печальнее на свете, — невесело начал рассказывать Макаров. — Ответил он Теремину на билет, а тот давай его по Марру спрашивать. Степан на один вопрос ответил, на другой ответил, а на третий не мог и сказал: «Не укладываются у меня в голове четыре элемента». Теремин, конечно, отдал зачетку обратно: приходите после сессии.

— И с Бессоновым целая история, — сообщил Игорь. — У них уже пять зачетов прошло, а он только один сдал. Вот он, легок на помине.

В вестибюль спустился по лестнице Виктор.

— Ты что здесь делаешь? — остановил его Алексей.

— Занимался, — небрежно бросил Виктор и добавил снисходительным тоном: — Сессию-то сдавать ведь надо.

— Надо, надо, — насмешливо поддакнул Избин, — кой-кому пора уже хвосты рубить... у кого таковых по пять штук.

Виктор зло прищурил глаза, но ничего не сказал. Отвесив полупрезрительный поклон, он вошел в открытую дверь клуба и, помедлив,

двинулся к сцене, чтобы не встречаться с первокурсниками.

Заслышав шаги, Ежов оглянулся и жестом подозвал Виктора.

— Как экзамены?

— Ничего, — ответил Виктор, — попробую выправиться.

— Это хорошо, — обрадовался Евгений. — Так и должно быть! А как доклад? Пишешь?

— Нет. Выговор получил... Охота пропала.

— Вон ты какой. Тебя, значит, доклад интересовал постольку-поскольку?

Виктор промолчал.

Евгений с видимым удовольствием орудовал кистью. Он через плечо оглянулся на Виктора и дружелюбно рассмеялся.

— Слаб ты, человек! Послушал бы, как другие о тебе говорят; дезертиром, между прочим, тебя именуют и, по-моему, не без оснований: учебу ты забросил, кружок тоже.

Виктор не любил, когда ему напоминали об этом, и стал прощаться. Евгений не остановил его, продолжая красить. Настроение было хорошее, и он сначала тихо, а потом все громче начал мурлыкать мотив какой-то веселой, беззаботной песенки. И непонятно, чему он больше радовался: то ли воспоминаниям о Галине, то ли сданному экзамену.

Все дела идут своим чередом, и в каждом удалось чего-нибудь добиться. А какой сегодня был спор на спецсеминаре по Маяковскому! Вспомнив о нем, Евгений черкнул на картоне три стрелы. Спор этот назрел давно, и курс,

разделившись на два лагеря, старательно готовился к диспуту. Собственно, диспут начался за несколько дней до спецсеминара. В перерывы, до и после лекций студенты яростно защищали противоположные точки зрения.

К единому мнению, правда, так и не пришли, но занятие было очень интересным. Упрямый народ филологи! Такие диспуты взбадривают, придают сил.

Понемногу мысли перешли на другое. У него было много забот, которые требовали, чтобы он думал о них. Но мысли о Галине приходили чаще других.

* * *

До Нового года осталось не больше двух часов. В общежитии суматоха. По разложенным на столах костюмам скользят раскаленные утюги; спешно примеряются взятые у товарищей галстуки; на кухне суется специалисты поджаривания картошки, знатоки винегретного искусства, мастера по открыванию консервных банок.

Девушки теснятся у единственного на всю комнату зеркала, пытаясь в небольшом стекле разглядеть и старательно уложенную прическу, и пояс, и новые туфли.

Через два часа — первое января, послезавтра — первый экзамен зимней сессии. Но сегодня разрешается забыть обо всем, кроме Нового года. А тех, кто в страхе перед экзаменами сейчас берется за учебник, заставляют мести

пол. Не избежал наказания и Степан. Евгений, глядя, как тот лениво водит шваброй, ворчал:

— Латынью занялся! Можешь ты хоть на сегодня неправильные глаголы забыть? Лучше бы себя в порядок привел, а то как ботинки привез в чемодане, так и не доставал.

— Мне и в сапогах хорошо.

Но Евгений достал ваксу, утюг и заставил товарища заняться новогодним туалетом. Не догадался Ежов спросить, почему вдруг Степан решил один Новый год встречать? А причины были и, по его мнению, основательные. Сегодня он встретил Машу и она (страшно вспомнить!) поздоровалась с ним так холодно, точно они познакомились только вчера. Вот и приуныл Степан. Он с ожесточением налег на утюг, потом опустил руки и сел.

— Не пойду, — неуверенно проговорил он, надеясь, что Евгений будет его уговаривать. Но тот молчал, и Степан обдумывал, что бы ему сказать особенно жалобное. Случайно взгляд его упал на утюг.

— О-о! — вскричал Степан, схватил утюг, но было уже поздно: на штанине выгорело коричневое пятно.

Больше Степана огорчился Евгений.

— Голова садовая! — загремел он. — Ну что теперь делать будешь?

Степан ответил унылым взглядом. Евгений, дымя папиросой, зашагал по комнате.

— Идем! — решительно позвал он, видимо, приняв какое-то решение. — С комнаты по нитке — разине костюм.

Они зашли в первую комнату. Там чинно сидели, боясь помять свежевыглаженные костюмы, студенты в новых, по-праздничному старательно завязанных галстуках и смотрели на часы.

— Степан брюки прожог, выручайте!

— Вы бы еще без пяти двенадцать пришли! — ответили ему. — Давно все распределили.

В соседней комнате никого уже не было, в третьей тоже, идти в следующую Степан наотрез отказался. Грустные, возвращались они обратно. Зазвонил висевший в коридоре телефон.

— Вам кого? — спросил Евгений.

— Степана Лукьянова из комнаты номер десять, позовите, пожалуйста, — попросил робкий девичий голосок.

Евгений протянул трубку.

— Тебя!

Степан осторожно взял ее и хриплым голосом сказал:

— Я слушаю.

Евгений смотрел на товарища и ничего не мог понять: сначала Степан блаженно улыбался, потом покраснел и отвечал отрывисто:

— Да... Не знаю... Постараюсь...

Кончив говорить, он объяснил:

— Маша звонила... О брюках я, конечно, ничего не сказал.

В комнате Евгений внимательно посмотрел на Степана, подумал и показал на свой костюм:

— Великоват немного, но сойдет.

— Что ты? — испуганно вскрикнул Степан. — Нет! Нет! И не думай!

— Буду думать: привычка такая. Быстро!

Степан стал медленно одеваться, то и дело поглядывая на товарища. Одевшись, он не двинулся с места. Евгению самому пришлось накинуть на него пальто и почти вытолкнуть из комнаты.

На улице Степан понемногу пришел в себя. Он еще несколько минут постоял у подъезда, раздумывая, не вернуться ли обратно, но, зная упрямый характер Евгения, решил, что спорить бесполезно.

В двадцать третьей комнате, куда он пришел, все было готово к новогоднему ужину. Только один человек был недоволен — Алексей Макаров.

— Тоже мне, встреча Нового года, — ворчал он, заглядывая под газету на столе, где стояло угощение. — Вечеринка без девчат! Что я здесь делать буду? За Степаном ухаживать? Разрешите, дорогая Степа, угостить вас «Прибоем»? И скучно, и грустно...

— Но есть кому руку подать, — пропел, входя, Игорь. — И годы приходят, все лучшие годы.

Все в сборе. Сбросили со стола газеты, Игорь старательно протер стекла очков, взглянул на часы и начал осторожно разливать вино.

— Первое слово мне, — попросил Избин.

— Начинай!

Саша встал, с любовью посмотрел на товарищей, поднял стакан и сказал:

— С Новым годом, друзья! Впервые мы собрались вместе и еще четыре раза будем в таком же тесном кругу поднимать бокалы за новое счастье. Я предлагаю выпить за дружбу!

— Слабый тост! — поморщившись от выпитого вина, произнес Алексей. — Неоригинальный.

Саша уже привстал, чтобы ответить на обидное замечание, но его опередил Игорь:

— Не будем ссориться! Дружба — это хорошо. За нее можно выпить. Я подсчитал, вина хватит на три порции, следовательно, впереди еще два тоста! Кто желает? Кроме меня, конечно. Я скажу третий.

— Выпьем за... — Степан сделал огромную паузу, — за... — и опрокинул рюмку в рот.

Все вскочили с мест.

— Это как называется? — разгорячился Саша.

— А я знаю, за что пил Степан, — многозначительно проговорил Макаров. Все повернулись к нему и он добавил: — За любовь!

Степан покраснел до корней волос, но неожиданно улыбнулся:

— Нет, не за любовь, а за то, чтоб дружба была на нее похожа.

— И... изумительно! — восторженно подтвердил немного захмелевший Саша. — Чудесный тост!

— А третью чарку... — громко начал Игорь, — третью чарку поднимем за наш университет.

В открывшуюся дверь просунулась наредкость гладко причесанная (по случаю Нового года) голова студента из соседней комнаты.

— Внимание! — сказал он. — Сверяю часы, через пять минут Новый год, по радио выступит Илья Александрович. Вы что?! Уже начали?!

— Уже кончили! — испуганно закричал Игорь, схватившись за голову.

Отчаянию не было границ.

— Тосты отменяются, — уныло провозгласил Алексей.

— Пока не поздно, в университет!

Они без пальто, без шапок побежали по улице. Весело кружился в воздухе сверкающий в электрическом свете обильный новогодний снег. У подъезда не было ни одного человека, зато пробраться в вестибюль удалось с трудом, и они остановились в толпе, тесно прижатые друг к другу.

Из репродуктора, укрепленного среди ароматных яркозеленых хвойных веток, доносился негромкий окающий голос ректора:

— Я рад вашему новогоднему поздравлению, дорогие друзья! Хорошо, что университет стал для вас вторым родным домом. Живите счастливо, учитесь еще упорнее и крепость науки будет в ваших молодых руках...

Когда Илья Александрович кончил говорить, все так дружно заплодировали, что он, наверное, услышал, хотя радиостудия находилась на четвертом этаже.

В репродукторе что-то щелкнуло, раздался басовитый голос: «Прошу веселиться», потом кто-то хихикнул, и опять послышался щелчок.

Толпа медленно поплыла вверх по лестнице.

— Я всегда был твоим лучшим другом, Леша, — повиснув на руке Макарова, откровенничал Избин, — а ты не ценишь это, ты относишься ко мне хуже, чем к другим.

На площадках между этажами невероятная толкотня. Вот с потолка сорвалась пихтовая ветка, ее перекидывают из конца в конец, но она так и не упадет на пол — некуда. Ветке негде упасть, а танцевать можно. В актовом и горьковском залах соревнуются между собой две радиолы и один баянист. Танцующие слышат несколько мелодий, поэтому в одном конце зала пары в польке топают ногами, а дойдя до другого конца — кружатся в вальсе.

Человек двадцать долго толпились у аттракциона, по очереди с завязанными глазами срезая подарки, а потом с хохотом оттеснили дежурных — и вмиг подарки исчезли.

Весело!

Окна в актовом зале украшены наклеенными на стекла серебряными звездочками, весь пол усыпан конфетти, нити серпантина мешают танцевать.

...Галине хотелось одной побродить среди веселой толпы, ни с кем не разговаривая, а просто так смотреть на всех, счастливых и улыбающихся.

— С Новым годом, Галя, — появился откуда-то сбоку Виктор. Он с усилием улыбался, стараясь выглядеть радостным.

— С Новым годом, — ответила она, заставив себя протянуть ему руку, и стала смотреть куда-то в сторону.

Губы Виктора скривились в растерянную улыбку, он пожал плечами и медленно отошел.

Галина понемногу забылась и жадно смотрела вокруг. Какие все дружные, словно одна семья собралась вместе, только два очкастых студента яростно спорят о какой-то книге.

Незаметно для себя она обошла все этажи и спустилась вниз, в буфет. Но здесь было много самой шумной публики и пришлось вернуться обратно. Галина смотрела по сторонам и никак не могла увидеть этого лица, задумчивого и умного... Оно должно быть где-то здесь, рядом. А вот не видно... не видно его...

...Евгений выбросил пустой папиросный коробок в форточку. В его костюме Степан унес и деньги, и папиросы. В общежитии сейчас ни одного человека. Ну, что тут будешь делать? Читать? Какой чудака в Новый год может читать или сидеть один?!

В коридоре зазвенел телефон. Евгений нехотя подошел, взял трубку.

— Это кто? Кузьму можно?

Он бросил трубку. Нет чтоб ему кто-нибудь позвонил!

Опять раздался звонок, Евгений взял трубку, снова услышал:

— Это кто? Кузьму...

— Никакого Кузьмы здесь нет! — закричал в телефон Евгений, но тут же, удивившись своей злости, спокойно объяснил: — Ушел Кузьма в гости, позвоните утром.

Но телефон опять зазвенел, Евгений собрался сказать, что Кузьма уехал на край света, но из телефона раздалось:

— Пятое общежитие? Можно...

— Это я, — Евгений двумя руками прижал трубку к уху, — с Новым годом! — он ласково улыбнулся и тихо, словно его кто-то мог подслушать, сказал:

— Я сейчас приду.

— Приходите... буду ждать...

Это было в тысяча девятьсот пятидесятую новогоднюю ночь.

Степан почти забыл о неудаче на экзамене у Теремина. Дел набралось столько, что он возвращался из университета поздно вечером. Много времени отнимала работа в шефском оргкомитете. Около двухсот студентов участвовали в шефстве, научные работники организовали лекторий для инженеров и техников завода. Каждый день то семинар, то коллоквиум,

то контрольная, то кружок, а потом сессия. Евгений надоумил его поговорить с Михаилом Ивановичем Атаровым. Тот пригласил Степана в воскресенье к себе на квартиру.

Что сразу поразило Степана, впервые пришедшего к Атарову, — это книги. На полках вдоль стен, на столах, на стульях, на окнах, на диване, — они были везде. Из всех углов комнаты смотрели корешки и обрезы множества книг.

— Прошу садиться, — жестом пригласил Михаил Иванович. — С чем пожаловали, юноша?

— Посоветоваться пришел, — сказал, осторожно присев на кончик стула, Степан, — как быть? Трудно уж очень, не успеваю; столько учить нужно, что... голова иногда болит. Честное слово.

— Так и должно быть. Наука легко никому не дается.

— Это я понимаю. Я ведь не ленивый, но сутки-то все равно коротки.

Атаров рассмеялся, погладил рукой остренькую, клинышком бородку.

— Михаил Иванович, а можно сейчас узнать, на что я способен? Могу я стать научным работником? — неожиданно для самого себя спросил Степан.

— Очень серьезный вопрос, — задумался профессор, — ответить на него сейчас нельзя. Но готовить себя к тому, чтобы стать ученым, уже пора. Тему для доклада на кружке выбрали?

— Нет еще.

— Так почему медлите? Хотите стать ученым, а от научной работы сторонитесь.

Степан окончательно смутился и забормотал:

— Я это на второй семестр перенес, сейчас хотел языками заняться.

— Так вот, запомните: если хотите стать ученым, занимайтесь научной работой каждый день.

— Каждый день! !

— Совершенно справедливо. Музыкант играет ежедневно, певец поет ежедневно, спортсмен тренируется ежедневно. Приучите себя к тому, чтобы самым главным у вас в жизни была наука. И отдавайте ей все, что у вас есть.

— У меня ничего нет.

— Будет.

— Будет, — отдельно повторил Степан, — а я Теремину экзамен сдать не мог, первый экзамен в университете и... не сдал. И не сдам. Теремин говорит, что не каждому дано.

Атаров закурил, помолчал и ответил:

— Надо верить в свои силы, в себя. Иначе никогда не добьетесь своего.

— Я к вам жаловаться пришел, что мне времени нехватает, а вы посоветовали еще работы прибавить, — улыбнулся ободренный Степан.

— В таких случаях я плохой советчик. Но, уверяю вас, я прав. Когда-нибудь вы поймете, что чем больше дел, тем длиннее сутки.

Этот разговор немного обнадежил Степана, и он на радостях даже осмелился зайти к Маше.

— Маши дома нет, — кокетливо огорчила Степана ее соседка. — Она по воскресеньям в библиотеке занимается. Что ей передать?

— Скажите, что я приходил и вечером приду.

— А вы кто? Ее кавалер? Да? — с плохо скрываемым любопытством спросила девушка.

— Нет, — ответил испуганный вопросом Степан. — Я по служебным делам.

— Ну, хорошо, я передам, — с явным разочарованием пообещала девушка. — Она придет в шесть часов.

Степан направился в общежитие. Если бы знала машина соседка, как она взбудоражила парня своим вопросом! Неужели и Маша догадалась, что он неспроста ищет встреч с ней? Хоть и видятся они редко, но он вспоминает о ней сто раз в день, а жить стал так, словно Маша стоит рядом и внимательно наблюдает за ним. Мысли о ней будили в Степане столько энергии, что часто он легко справлялся со множеством дел. Одно то, что скоро можно будет рассказать Маше о чем-нибудь совершенном, приводило его в восторг. А кто скажет ему, что она о нем думает?

* * *

Галина часто вспоминала новогоднюю встречу с Евгением. Он тогда ничего не сказал ей, но она чувствовала, что и ему хочется видеть ее.

Странно только, что после этого он стал избегать встреч, и она сама с еще большим смущением отвечала на его приветствия. Но чем реже видела она его, тем сильнее в ней росло и крепло желание узнать Евгения поближе, признаться ему, что она недовольна собой с тех пор, как встретилась с ним. Ей захотелось стать другой, совсем не такой, какой она была с Виктором. Стоило ей услышать, что Евгений любит стихи Щипачева, как она весь вечер просидела над книгой. Ей доставляло огромное удовольствие угадывать, какие строчки могли понравиться ему.

...Любовью дорожить умеете,
С годами дорожить вдвойне...

...Не надо больше счастья мне,
Чем то, что ты живешь на свете...

...Мы все мечтаем о любви большой,
Чтоб каждый миг, когда вдвоем, был дорог...

Евгений был первый, о ком она думала больше, чем о себе. В эти дни она, кажется, впервые посмотрела на себя со стороны. Чтобы получить право на его дружбу, надо многое осудить, многое исправить, переменить.

Галина приглядывалась к нему и в те короткие мгновенья, когда ей удавалось посмотреть на него, успевала найти в нем новую, раньше ей незнакомую, черту. Она искренне уважала Евгения за то, что он всегда занят, за то, что о нем с таким же уважением отзывается любой студент. И самое главное, что поднимало Евгения в ее глазах, — уверенность в том,

что он никогда и ни на что не променяет свои большие дела. Он никогда не будет таким жалким и беспомощным, как Виктор.

Она невольно сравнивала себя с Евгением и поражалась, как много успела сделать ошибок. Он лучше ее, умнее и каким чистым он придет к своей первой любви. Его память не засорили фамилии многочисленных знакомых, с которыми он мог бы иметь много бездумных и, в сущности, глупых встреч. И, впервые признавшись в любви, он не покраснеет, вспомнив, как это же самое говорил уже не один раз.

...Однажды Галина расплакалась. Виктор сидел в соседней комнате, но не решался войти. Он долго размышлял, чем утешить ее, и ничего не мог придумать. С этого времени Галина стала несдержанной и нервной, а потом неожиданно успокоилась и целыми вечерами сидела дома с отцом. Виктор искал и не находил слов, чтобы поговорить с ней. Он знал, что ей нелегко, но и он ведь не мог назвать себя счастливым!.. Он ждал, когда она позабудет о себе и вспомнит о нем.

В эти дни Галина лишний раз убедилась в том, что отец тяжело переживает ее удрученное состояние. Антон Степанович и раньше был посвящен почти во все увлечения дочери, но никогда не осуждал ее за легкомысленный выбор знакомых молодых людей. Ни с кем из них он не разговаривал и только про одного, зашедшего к ней совершенно случайно, Антон Степанович сказал:

— Очень симпатичный молодой человек...

Это был Евгений Ежов.

Заметив перемену в дочери, Антон Степанович неизвестно как нашел виновника.

— Галинка, — позвал он однажды, — пригласи в гости того высокого молодого человека. Хочется в шахматы сразиться, а он сильный противник.

— Неправда, папка, он очень плохо играет в шахматы...

К счастью, отец настаивал:

— Все равно пригласи. С ним интересно побеседовать.

Отец подал мысль, лишившую Галину спокойствия. Чем бы она ни занималась, она мечтала об одном: надо встретиться с Евгением.

Как-то раз она пришла в Филологический коридор из соседнего корпуса, чтобы увидеть Евгения. Увидев его, она крепко сжала пальцами подоконник, чтобы не броситься навстречу. Он подошел и доверчиво признался:

— Замучился я совсем, целый день на ногах.

— А вы отдохните немного, — ласково посоветовала она. — Отложите дела в сторону и отдохните.

— Нельзя. Я еще сессию не кончил, да и не умею сидеть без дела.

И хотя в этом разговоре не было сказано ничего важного, она вспоминала о нем с радостью, старательно восстанавливая в памяти все подробности. Она подсознательно поняла, что

вспыхнувшие в ней силы можно вложить только в трудную, отнимающую много энергии работу.

И когда позади осталась почти половина сессии, Галина решила записаться в фортепианный кружок. Но ее не приняли.

— Вы хорошо играете, — сказал ей руководитель. — Вам самой можно вести начальный кружок на заводе. Обратитесь с этим вопросом к студенту Лукьянову, с первого курса филологов.

Галина знала, что Евгений и Степан большие друзья, и встретить человека, который каждый день видит Евгения и разговаривает с ним, — это уже хорошо. Лукьянова она разыскала в комитете комсомола. Тут сидел и Евгений. Она подошла к нему и с радостной улыбкой объяснила, кто ее направил сюда.

— Такого кружка мы еще не организовали, — прямо смотря ей в глаза, ответил Евгений, — но мы найдем вам работу. Знаете, бывают такие лекции — концерты о композиторах? Попробуйте подготовить. О теме договоритесь в оргкомитете.

Через минуту она разговаривала с Лукьяновым, но смотрела на Евгения. Ежов инструктировал двух комсorghов и смотрел на Галину.

Теперь ей некогда было скучать, пришлось каждый вечер ходить в библиотеку, разучивать и повторять музыкальные пьесы.

Виктор отвлекал ее. Он приходил, заискивающе улыбался, пробовал смеяться и казаться

веселым. А ей было жалко его. Он попрежнему видел в ней ту Галину, о которой она сама старалась забыть.

Жизнь шла своим чередом. Галина готовилась и сдавала экзамены. Виктор грустно вздыхал, приходил и уходил.

Незадолго до начала каникул состоялась проверка ее лекции-концерта о Чайковском. В клубе собрался оргкомитет. Евгений прошел в последний ряд. Сдерживая волнение, Галина начала читать. Она успокоилась только тогда, когда села за рояль. И так было до конца: когда она говорила, в горле пересыхало от волнения, когда садилась играть — успокаивалась.

— Неплохо, — одобрили члены оргкомитета. — Немного длинновато, надо сократить иллюстративную часть.

Галина слушала и смотрела в конец зала. Там сидел невидимый ей Ежов. Она знала, что он внимательно смотрит и, быть может, тоже говорит: «Неплохо». Но он ничего не сказал ей о лекции, когда провожал. Просто пожал руку и промолчал. Галина смотрела на него и думала: «Наверное, у него что-нибудь случилось».

— Желаю успеха, — глядя в сторону, сказал он. — Вы волнуетесь, когда читаете, это хорошо... Я рад за тебя.

И от этого неожиданно вырвавшегося междометия она вдруг громко прошептала:

— Я боюсь одна идти на лекцию.

Евгений как-то странно, не то вопросительно, не то удивленно, посмотрел на нее и ответил строгим тоном:

— Ничего, привыкайте. На вечеринки, конечно, спокойнее ходить.

Она не обиделась. Он был прав. Он имел право так разговаривать с ней. Но почему он говорит строго, а смотрит... ей хочется закрыть глаза, когда он взглядывает на нее.

Галина едва не схватила его за руку, когда он, поклонившись, пошел прочь.

— Женя! — вскрикнула она. — Постой...

Она подбежала к нему и быстро проговорила:

— Нельзя же так... Трудно ведь мне... Одной...

Рукавичка упала в снег. Евгений поднял и стал медленно надевать ее на руку Галины.

— Ничего, — ласково произнес он, — вот подожди немного, я с мыслями соберусь... И все тебе скажу. Мне тебе очень многое надо сказать.

Она долго смотрела ему вслед, а потом крепко прижала к щеке холодную рукавичку.

Дома ее ждал Виктор. Увидев его, она чуть не повернула обратно. Но у него был такой виноватый вид, что она нерешительно подошла к нему и, не сняв пальто, начала говорить:

— Витя я... я должна сказать тебе, что... Нет! нет! — остановила она его. — Дай мне сказать! Мы оба не думали ни о чем... и вот... видишь, что получилось.

Она замолчала и расплакалась. Виктор бросился к ней, но Галина остановила его, вытянув вперед руки. — Не надо, ничего не говори

мне! Ничего ведь у нас не было... не нужны мы друг другу...

— Что же ты об этом раньше не говорила? — прервал ее Виктор. — А сейчас, когда Ежов...

— Не говори о нем!

Виктор и сам понял, что совершенно не к месту упомянул о Евгении.

— Так до чего же мы договорились? — иронически спросил он после долгого молчания.

— Ты сам прекрасно понимаешь. Ты больше думаешь об оскорбленном самолюбии, чем обо мне... Мне даже вспоминать не хочется, какой я... душой была. А ты бы обрадовался, если бы я опять такой стала.

— Точку над «и» я сам поставлю, — поднялся с места Виктор. — В положительную героиню решила превратиться? Попробуй. Только не думай, пожалуйста, что я с горя в Каму брошусь.

— Конечно, не бросишься, — облегченно вздохнув, сказала Галина, — потому что горе твое маленькое.

— Со стороны видней.

Она не ответила, зная, что красивые фразы Виктор может говорить без усталости, а ее этот разговор тяготил.

Виктор прошелся раза два по комнате и распрощался, заставив себя насмешливо улыбнуться.

...В голове роем носились бессвязные, обидные мысли. Что теперь делать? Как вести себя? Глупое и нелепое положение! Виктор

даже не заметил, что думал о том, как исправить положение, а не о Галине. Он шагал по комнате и курил. В горле уже шипало, но он прикуривал папиросу от папиросы, глубоко глотая дым. И даже сейчас он любовался собой. Какие все-таки тяжелые испытания посылает ему судьба! Это была его первая в жизни бессонная до утра ночь. Виктор успокоился только тогда, когда нашел занятие, за которым забылся,—переставил книги на полках. Только к рассвету пришел сон. Проснувшись, Виктор подумал и поехал в университет. К счастью или несчастью, у подъезда с ним встретилась Галина.

— Как дела? — спросил он, не зная, что сказать.

— Ничего, — замаявшись, ответила она. — Завтра экзамен по политэкономии, а у меня конспекты не все. И голова ужасно болит. Я сегодня почти не спала.

— Я тоже.

Она взглянула на Виктора и, словно не увидев его, кивнула и прошла мимо. Он бросился бы за ней, если бы не знал, что это бесполезно: она только ускорит шаги.

Подошел Игорь.

— Ты что такой кислый? Предчувствуешь, что на стипендию не зачислят? — весело спросил он.

— Да нет,—ответил Виктор, с ужасом почувствовав, что ему хочется рассказать о Галине что-нибудь обидное, нехорошее; он не мог удержаться и сказал, с трудом произнося каж-

дое слово: — Я со своей поругался; надоело по вечеринкам таскаться, а она только о танцах и думает.

Игорь посмотрел на него поверх очков и холодно произнес:

— Надо было научить уму-разуму. Что ты этим не занялся? И вообще я не люблю, когда о девушках так говорят.

Виктор удивленно смотрел вслед ушедшему Игорю и ему стало не по себе. Только Ежов мог разрушить все его сомнения, разбить или вернуть все надежды. Бессонов бегом взлетел по лестнице и стал искать Евгения. Тот один сидел в комнате факбюро комсомола и читал.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил Евгений, увидев Виктора.

— Ничего, — тихо сказал тот, — поговорить пришел.

Евгений закусил губу, поняв, о чем будет разговор.

— Поговорим.

В его голосе Виктор не заметил ни спокойной уверенности, ни насмешки. Бессонову захотелось одним словом, сразу решить все и он, внутренне сжавшись в комок, спросил:

— Любишь?

Евгений резко обернулся, чуть покраснел, крепко сжал губы, но твердо ответил:

— Да.

И Виктор опустил голову: больше не о чем было спрашивать.

Евгений как-то выпрямился, расправил плечи.

Ему, видимо, стало легче от признания, и он сам заговорил, сев рядом с Виктором:

— Об этом только ты да мама знает. А ей я не скажу, пока...

— Ну, желаю успеха, — пожал плечами Виктор, — мой был недолгим.

— А я ни о каком успехе не думаю. Ей просто товарищ хороший нужен. Не обижайся: ты для нее товарищем не смог быть, больше о себе заботился.

Виктора это взорвало, он вскочил и почти закричал:

— Посмотрим, как ты...

— Перестань, — строго остановил его Евгений, — не устраивай истерик. Ты ведь видел, что она жить не умеет, надо было помочь... Словом, если не хочешь по душам говорить, — не надо. А если хочешь всю правду узнать, так слушай: я все сделаю, чтобы она обо мне лучше, чем о тебе, думала!

Виктор ушел, хлопнув дверью и не попрощавшись.

ГЛАВА ПЯТАЯ

За окном непроглядная темень. Кажется, что ночью вагонные колеса стучат монотоннее, чем днем.

Ирина Торцова не ложилась спать, надеясь поговорить с соседом по купе — геологом — об Урале и о городе, куда довелось ехать. Но геолог лег спать еще вечером, и она обратилась к проводнику.

— Город-то? — переспросил тот. — А что... обыкновенный... Вы жить или в командировку?

— Жить.

— Тогда понравится! — оживился проводник. — Посмотрите, приглядитесь и понравится. Хороший город. А то командировочные все мельком, все бегом — им-то не нравится.

Ирина ехала на Урал впервые. Когда ее спросят, почему случилось так, что она, аспирант одного из крупнейших вузов, в середине учебного года меняет место работы, Ирина коротко расскажет о своей судьбе.

События начали быстро развиваться с того дня, когда она приступила к работе над кандидатской диссертацией. Уже при обсуждении плана ее руководитель профессор Золотницкий предложил исключить выводы, противоречащие отдельным положениям нового учения о языке. Ирина отказалась, и план не был утвержден. Она много раз пыталась доказать свое и ей предложили... работать в любом вузе, кроме того, где она была.

Раздумывая над этим, она считала себя правой. Многие из молодых аспирантов, у которых, как и у нее, были мелкие несогласия с учением Марра, сменили свою точку зрения и сейчас писали диссертации. А вот она бросила!

Путь от Москвы, занявший около двух суток, не показался длинным. Выйдя на перрон, Ирина подумала, что до Москвы отсюда рукой подать.

Дальше все произошло так, словно ее ждали: заранее побеспокоились о комнате и тут же вручили расписание лекций. Ей поручили читать любимые предметы — диалектологию и историю русского языка. Конечно, она с радостью согласилась.

Закончив дела с оформлением на работу, Ирина пошла посмотреть университет. Крыло

здания, отведенное для филологического факультета, ей понравилось. Судя по малому количеству дверей, аудитории большие. В литературном кабинете она пробежала глазами список тем дипломных работ по кафедре языкознания: «Теория классовости языка в трудах академика Н. Я. Марра», «Анализ школьных учебников по русскому языку в свете учения академика Н. Я. Марра»...

Она закусил губу и вышла из кабинета. Скоро раздался звонок, из аудиторий выпали студенты, и она вдруг почувствовала себя чужой среди них, одинокой. «Ничего, это только сначала так кажется», — неуверенно подумала она и отправилась на кафедру.

— Чем могу служить? — спросил ее представительный мужчина в пенсне, в безукоризненно отглаженном костюме, в черном, туго завязанном галстуке. Мужчина был до того чисто выбрит и аккуратно приглажен, что казалось, будто собрался в театр.

Ирина представилась.

— О! — не то удивленно, не то радостно воскликнул мужчина и протянул тонкую белую руку: — Сергей Алексеевич Теремин, доцент, заведующий кафедрой... Прошу вас, присаживайтесь.

Она села напротив. Теремин с живостью начал расспрашивать:

— Что нового? Над чем работает уважаемый профессор Золотницкий?

Внимательно выслушав короткие ответы, доцент принялся рассказывать сам:

— Работы у нас много, интересной работы. Конечно, здесь не Москва и нет таких выдающихся ученых, как...

— А какие научные кружки работают на факультете?

Теремин постарался скрыть недовольство тем, что его перебили и, небрежно махнув рукой, сказал:

— Я познакомлю вас с жизнью факультета и кафедры. Сейчас я, к сожалению, как всегда, занят, но выберу свободное время и мы обо всем договоримся. Пока осматривайтесь.

Ирина уже подошла к двери, когда ее остановил вежливый голос доцента:

— Прошу прощения, а... а почему вы сюда приехали?

Она с усилием улыбнулась:

— Я расскажу об этом как-нибудь потом, в свободное время.

* * *

Как ни старался Валентин подавить в себе завистливое чувство, усилия эти ни к чему не приводили. Кружок словно забыл о его существовании, никто больше не напоминал о переделке доклада, не настаивал, чтобы он, Соловьев, принял участие в шефстве. Валентин надеялся, что его будут упрашивать, а он, может быть, и согласится. Но никто не упрашивал.

Валентин не мог дольше оставаться равнодушным, он решил поближе познакомиться с

делами шефов, чтобы убедиться в ненужности их затей. Как-то он подошел к Игорю и, словно между прочим, спросил самым равнодушным тоном:

— Что с шефством?

— Идет полным ходом, — ответил Игорь и неожиданно предложил: — Хочешь посмотреть?

Валентин согласился, а передумывать было некогда: Игорь сейчас же пригласил его пройти в заводское общежитие.

— Вот это юнгородок, — сказал Игорь, показывая на выделяющиеся среди других шесть трехэтажных домов. — Здесь я уже побывал. Интересно. А сегодня я покажу тебе дом молодоженов... Ты что удивляешься? Так и называется: дом молодоженов.

В комнате Ладовых все было готово для занятий. Наташа ушла к соседям, едва появились студенты, а Василий сидел за столом перед раскрытой тетрадью. Валентин, чтобы не мешать, сел у окна. Он уже жалел о потерянном времени.

Василий зачем-то вышел из комнаты, Игорь быстро подскочил к Валентину и заговорил возмущенным шопотом:

— Если не нравится, можешь сейчас же уходить отсюда, не могу видеть, как ты гримасничаешь!

Валентин не успел ответить: вернулся Василий. Игорь начал занятие:

— В прошлый раз мы познакомились с видами рифмы. Повторим.

Василий отвечал обстоятельно, зачитывая примеры из томиков Пушкина и Маяковского. Валентин от нечего делать прислушался и незаметно для себя заинтересовался. Василий и Игорь, не обращая на него внимания, спорили.

Валентин принял в споре безмолвное участие. Обиженный словами Игоря, он сдерживался, чтобы не высказаться, сидел и ожесточенно черкал карандашом в блокноте. Прав был Игорь, но он не мог доказать, не мог найти нужного примера. Он повторял одни и те же строки и в тот момент, когда спор должен был зайти в тупик, Валентин процитировал недостающий пример.

— Правильно, — изумленно согласился Василий. — Здорово я напутал!

Сияющий Игорь предложил:

-- Устроим перерыв?

— Чаю хотите?

Наташа очень смущалась студентов, и Игорь всеми силами старался вести разговор так, чтобы она чувствовала себя свободно. Но его усилия пропадали даром. Наташа молчала, опустив глаза в блюдце. Виновником смущения был Валентин. Он погрузился в свои мысли и не прикасался к чаю. Игорь изредка бросал на него возмущенные взгляды, но ничего не говорил: не хотел ссориться здесь.

Валентин, видимо, и сам понял, что нельзя за весь вечер не проронить ни слова и спросил Василия:

— А вы не пишете стихов?

— Пишу, — неловко улыбнулся тот, — только плохие.

— Нет, хорошие! — с жаром возразила Наташа и еще больше покраснела, испугавшись собственной смелости.

— Прочтите, — попросил Валентин.

— Прочти, прочти, — поддержал его Игорь. — Второй час — практические занятия.

Когда убрали со стола, Василий сказал:

— Только читать будет Наташа. У нее лучше получается, она ведь в драмкружок ходит.

Наташа начала читать. У нее был неплохо поставленный голос и хорошая дикция (Валентин это сразу заметил).

Поэму она читала почти на память. Особенно тепло звучали строки, в которых рассказывалось о строительстве дома молодоженов.

Валентин хорошо чувствовал поэзию. Хотя сам он писал холодные, выдуманные стихи, но в стихах других больше всего ценил искренность и простоту.

Наташа кончила. Она взволнованно дышала, смело глядя на гостей и ожидая оценки.

— Недурно, — с уважением сказал Валентин. — Вы умеете думать стихами. Случалось у вас иногда так, что некоторые мысли вы могли бы сформулировать только стихами? У вас не бывало так, что вы не могли о чем-нибудь рассказать иначе, чем стихами?

Быстро проговорив все это, Валентин подсел к Василию. Тот, удивленный, что его правильно поняли, радостно ответил:

— Все так бывало, как вы сказали.

— А вы никуда не посылали свою поэму?

— Нет, — махнул рукой Василий, — и не думаю; и без меня поэтов много.

— Если хотите, я отнесу в редакцию.

Василий отрицательно покачал головой, а Наташа протянула тетрадку Валентину.

— Не слушайте его, он боится, а по-моему, бояться нечего.

— Нравятся мне эти молодожены, — говорил по дороге Игорь, — работают, учатся — успевают. Вот таких трудолюбивых и надо к университету подготовить. Василий на филологический собирается.

Весь вечер Валентин вспоминал о Ладовых. Хоть он и не был отзывчивым человеком, но за чаем рассказал обо всем матери.

— Трудно им, — сказала Людмила Аркадьевна. — Уж работали бы, а то еще учатся.

— А если они хотят?

— Намазывай хлеб маслом, свежее...

— Мама абсолютно права, — недовольно проговорил отец, вставая из-за стола. — Зачем ты отвлекаешься от учебы? Кто не способен заниматься науками, пусть и читает эти лекции. А ты должен учиться. Я все делаю для тебя, я хочу, чтобы ты стал ученым, а не лектором.

На другой же день Валентин отправился в редакцию газеты. На площадке между этажами

висела доска с перечислением отделов. Отдел литературы и искусства находился в двенадцатой комнате. Перед дверью Валентин немного задержался. До него доносился разговор двух человек:

— Нам нужны авторы—педагоги, студенты, инженеры, рабочие, — говорил один голос. — Они должны писать рецензии, стихи, рассказы.

Решив, что пришел очень кстати, Валентин постучал. Его встретили приветливо. Заведующий отделом, крупный мужчина с копной черных волос, внимательно прочел всю тетрадку и пообещал:

— Напечатаем. Не все, конечно.

А когда Валентин объяснил, кто автор стихов, журналист просиял.

— Великолепно! — сочным баритоном загремел он. — Такому автору вы, студенты вуза, должны помочь!

— Помогают, — неловко проговорил Валентин, — университет шефствует над заводской молодежью.

— Вот, кстати, напишите нам большую корреспонденцию об этом деле! Попробуйте. Вам, как участнику, легко это сделать.

Валентин не стал объяснять, в чем выражалось его участие, но писать согласился. Он вышел из редакции с желанием немедленно сесть за статью. Однако, через некоторое время, поразмыслив, он пришел к печальному выводу: без оргкомитета материалов не собрать. «А почему бы мне не побеседовать с кем-нибудь из

филологов, например, с Лукьяновым? — осторожно начал убеждать себя Валентин. — Сказать, что получил задание редакции, и попросить сведений?»

Неизвестно, чем кончились бы эти размышления, если бы через два дня Степан сам не заговорил с Валентином.

— Нам вчера из редакции позвонили, — сказал он, — по-моему, хорошо, что решили об этом написать. Самим нам писать неудобно: подумают, хвастаемся. А когда посторонний напишет, — это ничего.

При слове «посторонний» Валентин как-то невесело взглянул на него.

— Вы не обижайтесь. Зря такой интересной работы сторонитесь, — дружелюбно проговорил Степан.

Соловьев ничего не ответил и стал записывать в блокнот цифры. Кончив рассказывать, Степан заметил:

— Одного вот вы не напишете... А надо бы... о том, что некоторые не принимают участия в шефстве. Не только вы. И все на занятость жалуются. Врут: просто лень.

Казалось, разговор окончен. Валентин собрался уходить, но Степан остановил его:

— Вы не подумайте, — раздельно произнес он, — не подумайте, что я вам худа желаю. Я к вам лучше отношусь, чем вы ко мне. Но я обязан назвать вашу фамилию в числе тех, которые отлынивают от общественной работы.

Валентин закусил губу.

— Я, наверное, буду участвовать. Я уже бывал в доме молодоженов.

— Материал для статьи собирали?

Валентин не ответил.

Дома он сел писать. Исчеркав несколько листков, он понял, что материала собрал недостаточно. Надо, конечно, рассказать не только о том, что делается, но и как. А он знал только, как шефствует Игорь. Этого, конечно, было мало. Надо постараться познакомиться с шефством во многих подробностях.

Если бы о задании редакции никто не знал, Валентин отказался бы от мысли писать статью. Но отступить сейчас не позволяло самолюбие. Перед Степаном он ни в чем не хотел показаться беспомощным.

Валентин редко задумывался над своими поступками. Все они казались ему настолько правильными, что он не тратил времени для их оценки. Но теперь ему часто приходилось проверять себя, вспоминать события дня и спрашивать: все ли сделано так, как надо? В жизнь Валентина мало-помалу входили новые интересы, новые люди. Он боялся признаться себе, что его мнения о некоторых вещах меняются.

Валентин, конечно, никогда бы не поверил, что его кто-то воспитывает и осторожно помогает выправиться.

Евгений давно интересовался Валентином, особенно после обсуждения его доклада. Соловьев не имел ни одного общественного поручения, не прославился ни одним добрым

делом. Ежов знал, что с такими людьми трудно работать, но и обойти их нельзя. Незаметно он начал втягивать Валентина в работу комсомольской организации. Сначала его старания пропадали даром: Соловьев избегал всего, что могло обязать его к какой-нибудь регулярной общественной работе. Тем не менее, Евгений был убежден, что в Валентине можно зажечь искру огня, надо только найти ветер, от которого эта искра разгорится. И вот однажды, когда позвонили из райкома и попросили агитатора, он вспомнил о Валентине.

— Значит, вам надо умного, культурного студента? — переспросил Евгений, напряженно обдумывая неожиданную мысль. — Есть у нас такие... выделим.

И он вызвал Соловьева. Разглядывая его, словно пытаясь отыскать в нем что-то до сих пор незамеченное, он сказал:

— Есть очень сложное задание, Валентин. Решили его поручить вам.

Евгений внимательно следил за выражением лица Соловьева. Тот, правда, пытался не выдать себя, но против воли исподлобья взглянул на секретаря.

— Да-а, решили поручить его вам, — повторил Евгений, — причин для этого много. Во-первых, нашему бюро на университетском досталось за таких, как вы, во-вторых, надо вам поработать, — он помолчал и вдруг быстро и громко проговорил: — Будете работать агитатором в железнодорожном поселке!

Валентин вскочил, но Евгений встал сам и заговорил с неожиданным вдохновением:

— Будете работать агитатором! Это очень ответственная работа! Вот там и проверите себя.

Валентин закурил, потом бросил недокуренную папиросу в пепельницу и тихо ответил:

— Хорошо... но я... не уверен.

Дальше все было просто, оставалось только внимательно следить за Валентином. Евгений был так обрадован, что рассказал обо всем Степану.

— Подумаешь, золотник разыскал, — ответил тот, — не люблю я этого типа.

— Тут дело не в симпатиях, он ведь наш товарищ.

— Он-то нам, может быть, товарищ, но мы ему — нет. Так он думает.

— Значит, мы виноваты.

— Ох, Женька, все у тебя из высоких побуждений делается!

— И это не плохо.

Степан не стал продолжать спор. Трудно ежедневно урывать время для работы над курсовой. Но он был упорным до упрямства человеком. Ругая себя за то, что не может пока взять тему для доклада в кружке, он, не считаясь ни с чем, каждый день сидел над курсовой «Басни С. Михалкова». Евгений неодобрительно относился к такой перегрузке. Сам он мог работать выше всяких норм, но других за это осуждал. Заметив, как Степан,

подперев руками усталую, отяжелевшую голову, сидит над книгой, Ежов спросил:

— И ты думаешь, что от такой сверхурочной деятельности будет толк? Никакого. Ложись спать, лучше встанешь пораньше.

— Не бойся, позже тебя не встану.

* * *

...Галина несколько раз возвращалась обратно; подойдет—и отойдет; постоит в стороне, успокоится и снова направится к двери.

Но она так и не открыла бы ее, если бы в этот момент не появился на крыльце маленький человечек в большой черной фуражке и длинной шинели. Увидев незнакомую тетю, он шагнул немного в сторону и уставился на нее черненькими любопытными глазками.

— Вы из ремесленного училища? — спросила Галина.

— А вы из университета? — спросил мальчик.

— Да. Я у вас должна читать лекцию?

— У... нас, — вдруг смутился мальчик, — я... я только свежим воздухом подышать вышел, я с лекций не сбегаяю... А в понедельник у меня голова болела.

— Проведите меня, — выслушав эту искреннюю исповедь, попросила она.

Мальчик старательно раскрыл перед ней двери и повел по коридору. В большой комнате сидело много ребятшек в синих гимнастерках. Галина сразу оробела. Ведь ее пришли

слушать эти ставшие на время лекции серьезными мальчишки, ведь на нее внимательно смотрели десятки глаз и словно говорили: «Ну, что ты нам скажешь интересного?»

Она подошла к пианино и только тут вспомнила, что, растерявшись, забыла поздороваться. Но было поздно. Стараясь не смотреть на ребят, Галина раскрыла папку и негромко спросила:

— Вы знаете, кто такой Чайковский?

Ребята, видимо, не ждали вопроса и молчали, переглядываясь друг с другом.

— Вы не знаете, кто такой Чайковский? — упавшим голосом повторила Галина.

На задних рядах зашумели, задвигались, а чей-то задорный голосок выкрикнул:

— А вы расскажите!

— Расскажу, — облегченно вздохнула Галина. — Только сидите тихо, а если что-нибудь не поймете, сразу поднимайте руку.

Кто-то поднял руку. Она разрешила говорить.

— А вы «Летят перелетные птицы» играть будете?

— После лекции можно. А сейчас слушайте.

Она, почти не заглядывая в напечатанный конспект, рассказывала сначала о детстве маленького Пети, который очень любил музыку, потом о первых его произведениях, потом об операх великого композитора, играла. Кончив, Галина боялась взглянуть на ребят.

Когда она подняла голову, то увидела, что со всех сторон ее окружили плотным кольцом.

— Поиграйте еще что-нибудь, — скромно попросил мальчик, стоявший в первом ряду.

И она много играла. Мальчики звонкими, пронзительными голосами пели, а двое даже сплясали.

Уставшая Галина начала собираться. Ребята тоже стали расходиться.

Когда комната опустела, к Галине подошла высокая полная женщина в черном костюме. Она протянула руку и представилась:

— Лубенцова, директор... Как нам с вами, дорогая, подружиться? Почему вы у нас раньше не бывали? Мы вас так не отпустим. Эту лекцию вы должны прочесть во всех группах.

— Ой, что вы? Но... я попробую...

— Вот и прекрасно! — Лубенцова снова крепко пожала ей руку. — Мальчишечки у нас замечательные. Сегодня они всему училищу о вашей лекции расскажут, а завтра, это я уж точно знаю, заявятся ко мне старосты всех групп и потребуют лекции.

Галина вышла из училища усталая, радостная. И совсем не удивительно, что сейчас ей больше, чем когда-либо, захотелось увидеть Евгения.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Шли последние дни зимней экзаменационной сессии. Самые старательные студенты уже отдыхали, досрочно сдав экзамены. В общежитиях весело готовились к отъезду домой на каникулы.

Степан почти не радовался приближающемуся окончанию экзаменационной страды. Наоборот, за последнее время он вдруг помрачнел, осунулся и не ложился спать, не просидев на кровати с потухшей папиросой в зубах добрых полчаса. Было отчего приуныть: теперь он ни на минуту не забывал о повторной сдаче экзамена Теремину, которая неизвестно чем кончится.

Среди ежедневных, ставших привычными забот мысли чаще и чаще возвращались к Маше

и вызывали в нем приливы бодрящей радости, желание трудиться, засучив рукава. В такие минуты он готов был горы своротить. Однако приходилось заниматься делами значительно меньшего размаха: готовиться к семинару или без конца спрягать латинские и французские неправильные глаголы.

Против его желания отношения с Машей не изменились — так и не услышал Степан ни одного ласкового слова. Не видя ее, он мечтал: вот встретимся, и все пойдет как надо. А увидев Машу, он хмурился, чувствуя, как движения сковываются и язык поворачивается с трудом.

Но если Степан пока не решился заговорить, это не значит, что Маша ни о чем не догадывалась. Девичьим чутьем она понимала, что пришло то, о чем вечерами поют, обнявшись, девчата, о чем радостным шопотом рассказывают друг другу. Маша никому ничего не рассказывала и только крепко прижимала ладони к потеплевшим щекам, когда Степан, комкая в руках шапку, бормотал: «Понимаешь, шел мимо, дай, думаю, зайду...»

Маша ждала: вот сегодня он скажет что-нибудь очень важное для нее. Но он не говорил. «Хорошо ему, — грустно размышляла она, — захотел — подошел, захотел — сказал. А я жди. Может, и не подойдет; может, и не скажет. Разве разберешь, что у него на уме?» А Степан думал: «Ей хорошо: понравилась — улыбнется, не понравилась — объ-

яснит, что не одна дорога выпала. Вот и сообщай».

Однако, сколько ни раздумывай, сердце тебя не послушает. Любо если сердцу, оно и бьется сильнее, и ничего ты с ним не поделаешь. Не сладишь.

Ко всему этому еще история с Тереминым! В самом конце семестра, перед началом сессии, он решил провести заседание лингвистического кружка, посвященное академику Н. Я. Марру, и приложил все усилия, чтобы в это трудное для студентов время подготовить несколько докладчиков. Задолго до заседания на доске объявлений появилась огромная афиша. Через старост курсов Теремин потребовал стопроцентной явки, но в назначенный час в аудиторию собралось немногим более десяти человек. Вера Кротова от возмущения не находила слов, ломала руки и с тоской заглядывала в глаза доцента. Тот, плотно сжав губы, оглядел присутствующих и невозмутимым тоном объявил заседание открытым. Оно прошло вяло, неинтересно. После него Степан еле-еле уговорил насупившегося Теремина принять экзаме́н.

Ночь перед экзаменом Степан решил не спать: еще раз надо просмотреть конспекты.

«...Язык — социальный элемент речевой деятельности вообще... Язык, обособленный от речи, составляет предмет, доступный обособленному же изучению», — эти мудрейшие фразы ему вписала на поля конспекта Вера

Кротикова. Их легче было выучить наизусть, чем понять.

«Неважно, что не понимаю, не дано мне понимать, — со злостью думал Степан, — только бы отделаться!»

Евгений сдал все экзамены, но тоже не спал. Причины были другие. Как бы много ни думал Степан о Маше, он спал крепко, без сновидений, а Ежов...

Он долго лежал, подмяв под грудь подушку, упершись локтями в край кровати. Он не спит, хотя глаза закрыты, хотя вставать завтра надо, как всегда, рано, не двигается, хотя лежать неудобно... Евгений не ругает себя ни за бессонные ночи, ни за те мысли, от которых голова идет кругом и хочется шептать незнакомые, непривычные, но очень хорошие слова. Сорвись хоть одно из них с губ, он бы оробел, но обязательно бы улыбнулся: такие это хорошие слова. И раньше знал он их, да не думал, что когда-нибудь захочется вслух твердить их, вставлять в стихи, петь.

Услышав, как Степан громко чиркнул спичкой, Евгений оглянулся и пришел в себя.

Случается так, что самые лучшие мысли, на обдумывание которых приходится тратить немало времени, иногда приходят в голову неожиданно, без всякой связи с чем-нибудь. Вот и сейчас, взглянув на Степана, Ежов вдруг отчетливо и ясно ощутил, как он рад тому, что судьба столкнула его с этим неуклюжим, немного чудаковатым крепышом. Вроде и не про-

изошло еще ничего, что могло бы крепко связать их друг с другом, еще не довелось проверить дружбу, а он твердо уверен, что на Степана можно положиться во всех случаях жизни: не подведет. Захотелось окликнуть товарища, сказать что-нибудь особенное, но, как повелось, вместо этого он произнес неестественно сердитым тоном:

— Опять в комнате куришь? Дышать нечем.

Степан обрадовался, что товарищ не спит, закрыл тетрадь и подсел к нему.

— Что со мной утром будет? — сказал он, крепко сжав пальцы. — Как вспомню, так охота берет бросить все и снова за станок. За ним я все понимал. Чем больше стараешься, тем лучше дело идет. А здесь вот сидишь, сидишь... — он махнул рукой и с сожалением добавил: — Не гожусь я, видать, для науки!

Ежов молча приглядывался к Степану, чувствуя, что тот говорит совсем не то, что думает. И, действительно, помолчав, Степан продолжал:

— Не-ет, буду до последнего держаться. Завтра если не сдам, на все каникулы за книги засяду. Одолею! В первый раз, когда на завод пришел, тоже долго боялся. Без этого ведь нельзя: всегда поначалу боязно, а потом глядишь — есть, оказывается, силенки. Главное, интересно.

— Что интересно? — осторожно, чтобы не прервать мыслей товарища, спросил Евгений.

— Все интересно. Никогда не думал, как много знать надо: конца-края не видно, хоть всю жизнь лекции слушай... Объясни-ка мне... только не смейся, а растолкуй!

Степан, неожиданно взволновавшись, раскурил потухшую папиросу, глубоко затянулся, чмокнув губами, и медленно проговорил:

— Правда или нет, что ученый не тот, кто только книги глотать умеет, у кого в голове чужого ума больше, чем своего?

Евгений приподнялся на кровати, прищурил глаза и как-то очень серьезно, даже строго, спросил:

— Ты это о чем?

— Так я и знал: удивишься ты, — с огорчением ответил Степан. — Но я тебе все равно скажу. И уж хочешь верь, хочешь не верь, а правда в этом деле моя.

Он выпрямился, встал, решительно прошелся по комнате и начал говорить, старательно подбирая крепкие, плотно пристающие друг к другу слова:

— Был у меня вчера разговор с Кротиковой, откровенный такой разговор. Она меня буйволом окрестила, а я ее догмой; обиделась, конечно. Прочитал я у нее курсовую — «О классовости языка» называется, — прочитал и несколько вопросов задал. Она меня в угол загнала и давай цитатами бить. А я против них крепкий стал, они от меня отскакивают. Говорю: ты мне, товарищ будущий лингвист, прямо скажи, а не виляй. Она опять за свое:

надо, говорит, новое учение о языке назубок знать. Больше ничего сказать не могла, выхватила папку и убежала. У меня курсовая не такая мудреная будет и не такая толстая, зато я в ней любое слово объясню, а назубок только неправильные глаголы учу... Вот я и думаю: может ли Верочка ученым стать при таких способностях?

Он повеселел, потирал от удовольствия руки и с улыбкой поглядывал на Евгения.

Но тот сосредоточенно рассматривал свою тень на стене и только после большой паузы произнес:

— По-моему, ты ошибаешься; не все еще понял и стараешься себе оправдание найти.

— Неправда! — горячо возразил Степан. — Давай рассуждать попросту. Читайте я, например, Ленина и диву даюсь, как он умел свои мысли простым смертным, вроде меня, втолковывать. А если что и не пойму, так на кафедру пойду, оттуда меня не отпустят, пока все ясным не станет. А вот не пойму что-нибудь в языкознании, так я к Теремину не пойду: он со мной беседовать не станет; в два счета отобьет охоту спрашивать. Было уже так один раз.

— Не торопись, — остановил Степана Евгений, не успевающий следить за ходом его мыслей, — в чем все-таки дело?

— Вот в чем. Сколько человек с вашего курса по языку специализируются? Четыре. Четыре из сорока. Не мало ли? Я давно заметил, что не лежит у студентов душа к этому

новому учению о языке. Учат они его, сдают, а не любят.

— Ну, знаешь!

— Знаю! Мне учеба трудней дается, я прежде чем шагнуть место должен выбрать. А Теремин говорит: верь на честное слово, закрой глаза и топай себе куда ведут. Не язык, а Марра изучать заставляет, — и увидев, как Евгений, наморщив лоб, напряженно думает над его словами, Степан с обидой закончил: — А может, мне так по глупости кажется? — но сразу же отрицательно покачал головой.

Он отошел к окну, чуть приоткрыл форточку и, вздрогнув от морозного воздуха, ворвавшегося в комнату, негромко сказал:

— Пора вставать.

Степан сбросил пиджак и вытащил из-под кровати гирю. Дремота постепенно, после каждого рывка, выходила из головы.

— А если не сдам, — говорил он, размахивая гирей, — на все каникулы засяду. Справлюсь. Больше, чем надо, выучу.

После завтрака Степан хотел отдохнуть, но не решился, боясь заснуть, и отправился в университет, хотя до встречи с Тереминым оставалось часа два. Шел он медленно, стараясь ни о чем не думать.

Едва светало. Утро походило на белую ночь. Солнце, еще спрятанное за крышами домов, только чуть осветило город. На небе можно было различить запоздалые тусклые звезды. А неподвижные тучи, казалось, примерзли к

небу. И хотя до весны было еще очень далеко, в воздухе что-то напоминало о ее существовании. Будто теплые ветра лежат на окраине города и ждут, когда можно будет наброситься на толстый слой снегов; ждут, когда можно будет обласкать промерзшие деревья, разве-селить нахохлившихся воробьев.

Степан, сдав полушубок в раздевалку, поднялся на четвертый этаж. Только успел он задуматься над тем, что ему делать до встречи с преподавателем, как увидел мчащегося через пять ступенек Игоря.

— Новости! — еще внизу закричал тот, размахивая портфелем. — Исключительные новости!

Он споткнулся о последнюю ступеньку, еле удержался на ногах и ловко подхватил слетевшие очки.

— Приглашают нас... на завод... на экскурсию... в лучший цех... в конце недели, — сообщил Игорь, тяжело дыша.

— Кто сказал?

— Липкина, завкультсектором.

Губы Степана невольно вытянулись в улыбку, но он постарался не выдать себя и небрежно спросил:

— Это такая... веселая?

— Она самая. Про очки мои сказала: «Рано вы вторые рамы вставили». Действительно, веселая!

Степан улыбнулся широко и открыто и почти не слушал восторженных возгласов Игоря:

— Десять человек отобрать нужно! Пропуска выдадут! Мне бы попасть! Я еще ни разу на заводе не был! Интересно!—и деловым тоном закончил: — Ты этот вопрос с Ежовым сегодня же согласуй.

Оставшись один, Степан медленно побрел по коридору и не заметил, как зашел в аудиторию. Подняв голову, он радостно вздохнул: это была его любимая аудитория, та, в которой он слушал первую лекцию.

Любил Степан слушать лекции, любил вести подробные записи, часто перечитывать их. По совету Ежова он оставлял на страницах вместительные поля, чтобы потом заносить на них дополнительные данные. Непреодолимое желание понять все, о чем он слышал в лекциях, о чем читал в книгах, вело его в библиотеку, в читальный зал, в научные кабинеты. «Чувствую, как на мозгу извилины образуются», — весело думал он. Мысль о вполне допустимой возможности стать ученым сначала взволновала, а затем увлекла его. Но с каждым днем он все яснее сознавал, что чем больше занимается, тем больше нерешенных вопросов рождается в голове. Каждая лекция, каждая книга не столько добавляли знаний, сколько настоятельно требовали читать еще больше, лишний раз напоминали о том, как он мало еще знает. А это рождало волнение, беспокойство, всякую новую книгу он раскрывал с надеждой, словно рассчитывал именно в ней найти ответы на все вопросы. Больше всего его волновало то, что он никак не мог пред-

ставить, где может приложить свои маленькие силы. Неужели для него нет места в науке?

Задумавшись об учебе, Степан вспомнил о предстоящем экзамене и засуетился. В последний момент всегда кажется, что многое упустил, не заметил, что надо бы еще денек позаниматься.

Неприятное волнение мешало стоять на одном месте, хотелось ходить большими шагами. Он направился по коридору.

Навстречу шел улыбающийся Сергей Алексеевич. Улыбка на его лице была столь необычной, что Степану стало немного не по себе. Но доцент удивил его еще больше, когда очень любезно ответил на приветствие и, опять улыбувшись, пригласил в аудиторию. Степан, как всегда с ним бывало в минуты большого волнения, прошел, громко стуча сапогами. Теремин сел за стол и быстро продиктовал три простеньких вопроса. Он сидел, заложив ногу за ногу и, рассеянно улыбаясь, смотрел в окно. И вместо того, чтобы готовиться к ответу, Степан принялся размышлять над причинами благодушного настроения Теремина. Наконец, тот перестал любоваться ледяными узорами на окнах и приветливым тоном предложил:

— Начнем, пожалуй?

Степан отвечал, глядя на свое темное отражение в блестящей поверхности стола. Его ни разу не остановили, не поправили. Теремин, словно не замечая присутствия студента, встал и размеренно ходил по аудитории, глядя на

потолок. Степан кончил отвечать и ждал, что будет дальше. Но доцент попрежнему шагал мимо.

Неожиданно Степану захотелось закричать от обиды, он сжал кулаки так, что ногти больно впились в кожу. И вдруг ему все стало ясно: он увидел на столе объемистую рукопись в красивом темномалиновом переплете; на обложке золоченые буквы «С. А. Теремин». Это была, видимо, кандидатская диссертация, о блестящих качествах которой знали со слов ее автора даже студенты. Значит, работа над ней закончена, вот Теремин и радуется.

— У вас все? — весело спросил он, не замечая злого лица Степана. — Давайте вашу зачетку.

Что может быть замечательнее этих слов! Они звучат в голове у каждого, кто, не разгибая спины, сидит над подготовкой к экзамену. «Давайте вашу зачетку» — это значит: все позади — можно готовиться к следующему экзамену. Но это еще не значит, что вы будете полностью удовлетворены. «Давайте вашу зачетку» говорится, когда преподаватель собирается поставить в нее либо «пять», либо «четыре», либо аварийное «три». В данном случае Степану было безразлично, в ушах звенело одно слово: «Сдал! Сдал! Сдал!»

— О! — удивился Теремин, разглядывая оценки в зачетке. — Вы, оказывается, делаете успехи... Откуда вы?

— Из Павловска, с машиностроительного.

— Трудный, понятно, переход от цехов к аудиториям, от техминимума к лекциям, — говорил доцент, и Степан не мог понять, сочувствует он или иронизирует. — Вам, должно быть, очень трудно заниматься?

Степан посмотрел в зачетку, увидел мелкую роспись «хор» и громко ответил:

— Трудно, но не очень. Одолею. До свиданья.

Ему сразу же захотелось показать зачетку Ежову, и он направился в факбюро комсомола. Евгений сидел на диване с Валентином Соловьевым. Степан собрался закрыть дверь, чтобы не мешать им, но Ежов остановил:

— Ты мне нужен. Сдал?.. Молодчина! Значит, загружаем тебя на каникулы в полную меру.

Только тогда Степан сел напротив.

— Я к тебе обязательно загляну, — пообещал Евгений Валентину, — библиотеку твою любопытно посмотреть и вообще узнать, как ты живешь.

Когда Соловьев вышел, Степан пробурчал:

— Перевоспитываешь?

— Нет. Его перевоспитывать не надо, он парень умный, он сам все поймет.

— Кого на экскурсию в завод пошлешь?

Евгений протянул список.

— Третьяков, Избин, Старожилов, Макаров, — читал вслух Степан и споткнулся на фамилии Соловьева, — а его зачем?

— Пусть посмотрит.

Степан ничего не сказал, покачал головой, не найдя в списке своей фамилии, помолчал и спросил:

— Меня почему не записал?

— И себя тоже не записал.

— Ну... я пойду домой, — грустно решил Степан, — отосплюсь за весь семестр и сяду за языкознание. Зря ведь мне «хор» поставили.

* * *

Холодное солнце отражалось в миллионах снежинок, покрывших дома, улицы, деревья. Снег звонко повизгивал под ногами. Колющий мороз быстро пролез под фуфайку, в перчатки. Евгений торопливо надел лыжи и помчался по твердой лыжне вдоль шоссе. Потом лыжня свернула направо, к вокзалу, и ему волей-неволей пришлось выехать на скользкую, укатанную машинами дорогу. Лыжи разъезжались в разные стороны, палки процарапывали длинные борозды, и он с трудом, моментально согревшись, перешел улицу. Евгений про себя отсчитывал ритм и шел так быстро, что брови превратились в мохнатые сосульки, а фуфайка на спине покрылась толстым слоем инея.

Бег успокоил мысли. Морозный воздух, мешавший дышать, разогнал остатки сна и, словно подхлестывал, заставляя торопиться.

Ежов пробежал вдоль бора, который начинался сразу же за железнодорожным посел-

ком, в конце улицы, но Галины здесь не было. Он решил еще раз пройти путь из конца в конец.

Меж сосен мелькают лыжники, слышен громкий девичий смех... Надо было зайти за Галиной, сейчас мчались бы вместе. Евгений повернул обратно и пошел размеренно, стараясь не замечать острых щипков мороза. Мысли в такт неторопливым шагам плавно сменяли одна другую, над каждой можно было вдоволь подумать.

Сейчас он увидит Галину, потом проводит ее домой, завтра, послезавтра снова будут короткие, заставляющие сжиматься сердце, встречи. А дальше? Теперь он не может жить только редкими взглядами, случайно вырвавшимися словами. Ему хочется громко, во весь голос сказать, что он любит и нечего это скрывать ни от нее, ни от себя.

— Привет, Ежов! — раздалось за его спиной.

Он обернулся и увидел розовое от мороза, улыбающееся лицо Виктора Бессонова. Чему он так рад? Вряд ли встрече с ним, с Евгением. Ежов еще раз обернулся и понял: рядом с Виктором бежала на лыжах девушка в синем костюме. «Быстро он!» — подумал Евгений и больно закусил губу. Неужели люди вот так легко влюбляются, легко расстаются, быстро меняют привязанности?

В бор влетела целая толпа лыжников, шумная, веселая.

Необыкновенно звонкие девичьи голоса раздавались уже из глубины леса:

Боевая, боевая,
Боевая я и есть,
Нынче тихие не в моде,
Боевым большая честь!

«Это ведь фрунзенцы, — догадался Евгений и весело подумал: — а я вроде и не тихий».

Холодно все-таки! Он зашагал быстрее и в конце улицы увидел Галину. Она спешила ему навстречу, неумело взмахивая палками.

— Э, да ты на лыжи первый раз встала! — радостно крикнул он, подъезжая к ней. — Неужели не умеешь?

— Научусь, — негромко ответила она, — будем каждое воскресенье кататься и научусь.

— К весне?

Оба рассмеялись. На ней был немного широковатый красный костюм; лицо порозовело, и Евгений, не зная, как выразить свое восхищение, продекламировал:

— Встает заря во мгле холодной...

Но даже такой неясный восторг смутил девушку, она еще больше порозовела и пошла вперед.

Сразу стало теплее; Евгений украдкой, будто она могла заметить, поглядывал на Галину. Кажется, впервые он поймал себя на мысли, что ему хочется пристально, во все глаза разглядывать ее. А она, словно почувствовав этот восторженный взгляд, заторопилась.

Лыжня свернула в чащу леса, приходилось часто нагибаться, чтобы не задеть ветви, согнувшиеся под тяжестью снега.

Галина остановилась, воткнула палки в снег и стала поправлять и без того прямо сидевшую шапочку.

Евгений встал рядом, совсем близко. Она повернула к нему лицо... Тихо кругом... Не выдержав первого пристального взгляда, Евгений взял ее за руку, снял перчатку и, закрыв глаза, поцеловал теплую руку и негромко проговорил:

— Галинка... хорошая моя...

Он почувствовал, как ее рука задрожала. «Неужели ничего не скажет?» — пронеслось в голове.

Галина осторожно приложилась щекой к его заиндевелой шапке. Ей не хотелось ни о чем говорить, но губы сами разжались:

— Увидит кто-нибудь...

— Пусть! Пусть! — зашептал, выпрямившись, Евгений и снова спрятал лицо в ее руках.

Неизвестно отчего огромная ветка над их головами чуть качнулась и осыпала снегом.

Евгений поднял голову и облегченно произнес:

— Вот я и все сказал.

* * *

Теремин выбрал время для разговора с Ириной только в середине каникул.

Она внимательно приглядывалась к нему: смотрела на его суетливые движения, слушала быстрые, торопливые высказывания, и ей казалось, что он зря спешит, зря торопится, что у него куда больше свободного времени, чем он думает.

С самого начала разговор принял немного резкий характер, хотя Ирина старалась сдерживать непонятно откуда взявшееся раздражение.

С первой встречи почувствовав неприязнь друг к другу, они оба ждали этого разговора. Но если Ирина была твердо уверена в том, что они не найдут общего языка, то Теремин рассчитывал поставить ее на должное место. Он определял качество молодых научных работников умением во всем соглашаться со старшими. Научные кадры, считал он, как и всякие другие кадры, делятся на подчиненных и начальников. Сам Сергей Алексеевич был добросовестным подчиненным и требовательным начальником; он не помнит за собой случая, когда бы не выполнил какого-либо распоряжения или указания. Поэтому он не признавал проявлений независимой мысли у подчиненных, считая это явно ненормальным явлением. Но, не зная новой преподавательницы, он не спешил доказать свою силу.

— Я бы хотел познакомиться с вашим курсом истории языка, — сказал доцент.

— А диалектология?

— Диалектология? — поморщился он, по-

чувствуя, что Ирина отнеслась к его вопросу без того абсолютного внимания, которое, как считал Теремин, было ее прямой обязанностью. — Ну, хорошо, посмотрю. Скажите все-таки: каким образом вы попали к нам?

Торцова с удовольствием ответила бы дерзостью, если бы это было можно.

— Мне предложили сменить место работы по собственному желанию.

— По-нят-но, — Теремин старался быть предельно вежливым, но в каждом его слове можно было уловить не то обидную снисходительность, не то скрываемое презрение.

Ирина уже представляла себе, как сложатся их взаимоотношения. И словно желая точно определить взгляды Торцовой и заодно высказать свои, Теремин предложил:

— У меня есть для вас небольшое поручение. Через два месяца предполагается заседание ученого совета с моим докладом об успехах советского языкознания. Не откажитесь быть содокладчиком. Хотелось бы, чтобы вы осветили вопрос о традициях Николая Яковлевича Марра. План выступления, разумеется, согласуйте со мной.

Ирина наморщила лоб. Так с ней бывало всегда, когда приходилось дать быстрый ответ на очень важный вопрос. Потом она встряхнула головой, отгоняя тяжелые мысли, и отчетливо произнесла:

— К сожалению, я не могу быть вашим содокладчиком. Мне кажется, что сейчас надо говорить о недостатках советского языкознания.

Надо разрешить больной для многих ученых вопрос об отношении к наследию Марра... Ни в одной науке нет такого нелепого положения, как в языковедении.

Теремин резко поднялся, изумленно оглядел ее, отодвинулся.

— Вы думаете, что вы говорите? — воскликнул он. — Нужно потерять голову прежде, чем в советском вузе разносить такую клевету! — но он тут же испугался своей вспышки и продолжал более спокойно: — Советские ученые прилагают все усилия, чтобы поднять науку о языке на новую ступень.

— Почему же...

— Как вы решились возводить поклеп на нашу, советскую науку! Извините меня за резкость, но я вынужден запретить подобные высказывания. Вы еще очень молодой научный работник, вам еще рано критиковать, сначала поучитесь. Боюсь, что мы не сработаемся.

— А я не боюсь. Два преподавателя всегда найдут, если захотят, общую точку зрения, для этого не придется одного из них снимать с работы.

— Воздержимся от прогнозов, они не в вашу пользу. Не забывайте, что вы уже жестоко поплатились за свои сугубо ошибочные утверждения.

— Это похоже на намек, запрещающий сомневаться и критиковать.

— А в чем сомневаться? Что критиковать? Нашу науку? — начал было Теремин, но передумал и, давая знать, что разговор окончен,

сказал: — Надеюсь, что нам больше не придется разговаривать на эту тему.

Ирина не ответила. В конце-концов все пока ограничилось общими словами, впереди более серьезные столкновения. Она почувствовала, что ею овладевает приятное волнение, такое, когда задумываешь что-нибудь очень важное, очень серьезное, очень ответственное и когда чувствуешь себя правым.

* * *

Зимние каникулы длятся недолго. Не успеешь оглянуться, как надо снова браться за книги, начинать трудную студенческую жизнь. Зато в короткое время каникул уместается такая масса интересных событий, что воспоминаний хватает на целый семестр.

Спортивный зал университета полон. Болельщики заняли все свободное пространство вокруг волейбольной площадки. Сегодня финал кубка межфакультетских соревнований — встречаются филологи и химики. Нельзя думать, что физики, биологи, юристы или математики равнодушны к исходу соревнований * только потому, что их команды не вышли в финал. В зале нет ни одного человека, который не ждал бы с нетерпением начала игры, надеясь на успех одного из участников.

С первого взгляда может показаться, что болельщики расселись как пришлось, не заботясь о том, кто будет соседом. Но это не так. Каждый, прежде чем выбрать место, посмот-

рит, кто сидит рядом, и часто по неуловимым для постороннего глаза признакам безошибочно определит, кто перед ним — физик, химик или, скажем, геолог, который скорее согласится болеть за команду медицинского института, чем за филологов.

На площадку выбежали для разминки игроки. Зал встретил их восторженным гулом. Сразу завязалась шутливая перебранка между зрителями:

- Держись, филологи!
- Держимся! А как вы?
- Нам бояться нечего.
- А мы за вас боимся.

Но вот на свое место прошел судья с помощником, и в зале наступила тишина — до первого удара. Едва мяч перелетел сетку, болельщики дружно зашумели. Казалось, в игре участвуют все зрители. Когда один из игроков взлетал к сетке, чтобы сильным ударом завершить комбинацию, болельщики привставали, и ликующий хор голосов объявлял результат:

— Есть!

Можно было болеть за химиков, но нельзя было не восхищаться игрой Алексея Макарова. В игре он преображался: от его разболтанности не оставалось и следа, движения делались точными, рассчитанными. Филологи возлагали на него все надежды.

Ежов не аплодировал, не кричал, не обменивался впечатлениями с соседями не потому, что он не любил волейбол, а потому, что сколько ни пытался, никак не мог отогнать тревожные

мысли. Чем лучше играл Алексей, тем внимательнее следил за ним Евгений, думая о том, как трудно иногда бывает разобраться в человеке. Опять Макарова надо вызывать на бюро, опять спрашивать, когда он начнет заниматься... Чем повлиять на него?

Рядом с Евгением сидела Татка. У нее замирало сердце, когда Алексей прыгал к мячу, она старалась громче всех хлопать в ладоши, когда он завоевывал команде очередное очко. Но настроение у нее было очень печальное: она прочла в газете, что Макаров, которого она считала лучше всех папиных студентов, не сдал экзамена. А Татка всегда была отличницей. Поэтому она чуть не расплакалась от огорчения и решила, что больше ни разу ни в чем не поможет ему. Но жалко все-таки! Очень жалко!

В это время игра достигла полного накала. При счете 2:2 химики вели 10:6. Команда филологов нервничала, проигрывала на подачах. Алексей попросил минутный перерыв. Игроки собрались у края площадки, и до Евгения долетали слова Макарова:

— Химики устали больше нас... скоро выдохнутся... Надо усилить темп...

Говорил он спокойно, авторитетно, видно было, что ободренные его словами филологи воспрянули духом. Здесь, на волейбольной площадке, Алексей был организатором, боровшимся с нарушителями дисциплины, лентяями, требовал честного отношения к своим обязанностям. Но стоило ему выйти из спортивного зала, как он сам становился нарушителем

дисциплины, лентяем и забывал о своих обязанностях.

Ежов невольно заинтересовался игрой. Ее исход решал последний мяч. После первой пасовки он шел к Алексею. Никто не сомневался в том, что Макаров ударит и закончит игру. Так решили и химики. Они сделали все возможное, чтобы отразить предполагаемый удар: трое подскочили к сетке для блокировки.

Алексей подпрыгнул, замахнулся и... послал мяч низенькому Одинцову, самому слабому игроку своей команды. Никто этого не ожидал, но Одинцов был в выгодном положении и точным ударом закончил комбинацию. «Молодец! Молодец! — мысленно хвалил Алексея Евгений. — Не стал рисковать ради собственной славы». Это поняли все, хотя во время игры и осуждали Макарова за излишнее доверие силам Одинцова. Часто же бывает наоборот: команда открыто не доверяет менее опытному игроку, он чувствует свою беспомощность и губит самые легкие мячи. Так могло случиться и с Одинцовым, впервые попавшим на ответственное соревнование. Он с первых минут понял, что слабее других. Но Алексей давал ему возможность играть, настойчиво вводил его в игру. Сначала паренек раз за разом не оправдал надежд, но потом освоился и мало-помалу разыгрался. Евгению оставалось только поражаться умению Алексея ставить человека на свое место. •

Эти размышления немного обрадовали Ежова, и он, повеселев, пошел искать Алексея.

Макарова ожидало человек десять. Впереди суетился Саша Избин, красный от радости и возбуждения.

— Какой молодец! — воскликнул он, увидев Ежова. — Как он...

— ...экзамен завалил, — спокойно добавил Евгений.

— Представь себе, — со вздохом согласился Саша, — он не слушает меня, он вообще никого знать не хочет, когда дело касается учебы.

Евгений улыбнулся неожиданно промелькнувшей мысли.

— На ближайшем собрании, — медленно проговорил он, — мы поставим вопрос о Макарове.

— Не поможет, — безнадежным голосом отозвался Избин, — собрание не поможет.

— А если лучший друг при всех пристыдит его?

— А кто его лучший друг?

— Ты.

Улыбка осветила лицо смутившегося Саши: ему очень хотелось быть лучшим другом непутевого Алексея. Правда, тот ни разу не называл его так, но если в этом уверены другие, то неплохо.

— Я согласен, — немного поколебавшись, но твердо сказал Избин, — мне давно хотелось поговорить с ним.

— Не передумаешь?

— Нет, что ты! Он ведь хороший, только в школе с ним нянчились, вот он и...

Из раздевалки стремительно вышел Алексей, пытаясь выглядеть равнодушным. Но трудно было сохранить такое выражение лица, когда все наперебой расхваливали, жали руки и называли лучшим волейболистом университета.

Евгений протиснулся к Макарову.

— Ты хороший капитан, — похвалил он, пожимая ему руку. — На ближайшем собрании заслушаем твой отчет о спортивных успехах за семестр.

Алексей удивленно приподнял брови и переспросил:

— О спортивных успехах?

— Да. Команда стала играть много лучше, в этом твоя заслуга.

— Теперь все ясно, — неестественно рассмеялся Макаров, — переведете разговор на успеваемость?

— Такие уж мы неприятные люди.

Видно было, что Алексей обиделся. Он резким движением застегнул пальто, коротко бросил Избину: «Пошли!» — и направился к двери. Саша беспомощно развел руками, шепнул Ежову: «Видишь, каков», — и поспешил за другом.

Но Евгений остался доволен разговором. Случайно взглянув в сторону, он увидел Татку. Она стояла в углу и, моргая золотистыми ресницами, смотрела на закрывшуюся дверь. На щеках девочки блестели тоненькие следы от пробежавших слезинок.

— Что с вами? — спросил ее Ежов. — Вы почему плачете? Вы за кого болели?

— За химиков, — соврала Татка, — за химиков.

— Подумаешь, несчастье, — неумело принялся утешать Евгений, — сегодня проиграли, завтра выиграют. Стоит ли расстраиваться?

— Не стоит, — согласилась Татка.

— И плакать не надо.

— И плакать не надо, — повторила она, — больше не буду. До свидания.

Татка тряхнула рыжими косичками и убежала.

Выйдя на улицу, Евгений озабоченно вздохнул: впереди непривычно свободный вечер.

Галина, может быть (а почему бы и нет?) ждет его, а он... честное слово, ему еще боязно встречаться. Откуда у него тогда, в лесу, смелость взялась — непонятно. Все произошло до того неожиданно, что Евгений сомневался, было ли это.

А что делать дальше... Радоваться! Теперь и заниматься легче будет. Теперь уж он ее никому не отдаст!

Хорошо, конечно, найти в любви опору, помощь, но еще лучше, чтобы твоя любовь была кому-нибудь надежной опорой в жизни. Трудно так, но... замечательно! Что греха таить, ведь совсем недавно Галина дружила с другим. Много ли времени прошло? Но ему нет дела до этого, он в ответе за то, как она будет жить сегодня и завтра.

Взглянув на часы, он решил, что надо, пожалуй, навестить Валентина, а то после каникул не выберешься. Он попытался доказать себе, что идет смотреть его библиотеку, а сам понимал, что идет с другой, более важной целью. Надо, чтобы как можно скорее состоялся разговор, из которого станет ясно, достаточно ли у Евгения сил, чтобы повлиять на Соловьева.

Дверь открыл Валентин. Может быть, он умел скрывать свои мысли, но Евгению показалось, что его встретили радостно. Он с интересом осмотрел комнату: вдоль одной стены тесно заставленные книгами полки, на другой — неплохая копия «Девятого вала», у окна большой письменный стол, рядом столик с радиоприемником. Ежов с удовлетворением отметил, что комната располагает не к отдыху, а к работе.

Валентин, стараясь быть радушным хозяином, открыл бутылку портвейна.

— За встречу выпьем?

— Можно, — согласился Евгений. — Больше трех лет вместе учились, ни разу поговорить не пришлось.

Чтобы собраться с мыслями, он занялся осмотром библиотеки, доставал том за томом, восхищенно качал головой. Валентин стал сам с гордостью показывать наиболее интересные экземпляры. Наконец, Валентин предложил:

— Оставим на другой раз. Между прочим, я рад, что ты зашел. У меня ведь редко кто бывает.

— Гордое одиночество, оказывается, имеет свои отрицательные стороны?

Соловьев промолчал; взял папиросу, долго разминал ее, но, так и не закурив, положил в пепельницу, опять помолчал и негромко произнес:

— Неинтересный ведь у нас народ на курсе, неглубокий. Я, может быть, слишком откровенен?

— Не сказал бы.

— Тебя, наверное, интересует, как я отнесся к поручению?

— А я знаю. Работать ты будешь. Поупрямишься, поломаешься, но будешь.

— Ты уверен? — с удивленно-иронической улыбкой спросил Валентин.

— Почти.

По всему было заметно, что у Ежова самое добродушное настроение, что он не собирается использовать дружескую встречу для исполнения обязанностей комсомольского руководителя. И как бы случайно, увидев на пиджаке Валентина комсомольский значок, он сказал:

— Знаешь, что мне больше всего в тебе не нравится? — и хотя это было произнесено просто, как случайно пришедшая в голову мысль, Соловьев насторожился.

— Любопытно, — хмуро и нехотя отозвался он.

— Нехорошо ты живешь; засел в своей великолепной комнате и кажется тебе, что вокруг не люди, а сплошные нули. Так ведь?

Как ни неприятны были Валентину эти слова, он не мог не почувствовать, что они искренни и дружелюбны. А Евгений, словно готовясь к большой речи, встал, но начал говорить тем же ровным голосом:

— Если бы ты знал, сколько неприятностей доставил мне. Ты мне временами жизнь портил, честное слово. Как вспомню, что есть у нас такие, с позволения сказать, комсомольцы, так стыдно людям в глаза смотреть. Зазнайки, эгоисты, от всех нос воротят... И мы, конечно, в этом виноваты: во-время не одернули. На тебя, например, три года сквозь пальцы смотрели! Да что тут говорить! — неожиданно разгорячился Евгений. — Ты ведь очень недалекий человек. Удивляешься? Напрасно. Многого ты еще не понимаешь. Стены мешают. — Он двумя руками поправил рассыпавшиеся волосы и закончил: — Так что нет у тебя оснований на всех сверху вниз смотреть.

— Да-а, — неопределенно протянул Валентин и разлил портвейн.

Ежов молчал. Валентину тоже не хотелось говорить, но молчание стало неловким, и он спросил:

— Как у тебя с курсовой?

— Сделал заготовки, начал писать. На третьем курсе защитил тему о публицистике Эренбурга военных лет, а сейчас изучаю послевоенную. Интересная работа, увлекает. Особенно хочется хорошо проанализировать стиль Эренбурга. Он ведь прекрасно владеет словом. Многие его строки звучат как стихи. Вот по-

слушай. «Мы не одни: с нами все народы мира. Против нас те американцы, которые против американского народа. Против нас те англичане, которые против английского народа. Против нас те французы, которые против французского народа. С нами все народы, потому что мы защищаем мир. Мы показали в годы войны, что умеем воевать; это не значит, что мы любим воевать». Правда, походит на подстрочник хороших стихов?

Валентин с удивлением смотрел на вдохновившегося Евгения. До сих пор ему казалось, что этот человек умеет говорить только на собраниях и семинарах. Но поймав себя на том, что он думает о Евгении слишком хорошо, Валентин спросил вызывающе:

— В общем, ты решил меня перевоспитать?

— Одному мне не справиться. Мы решили.

— Вряд ли что у вас получится! — грубо оборвал Валентин. — Я ведь равнодушно отнесся к твоим речам. Можешь думать обо мне что угодно.

Простились они холодно. Евгений почувствовал, что рано начал разговор, не подготовил его. Но, с другой стороны, Валентин ведь не мог возразить? Может быть, не хотел? Нет, потому что не мог. Во всяком случае, начато еще одно трудное дело.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Виктор пятый день не был на лекциях. Сначала показалось, что начинается грипп, а потом он откровенно признался себе, что хочет немного продлить каникулы. Они, надо сказать, прошли неплохо. Все время Виктор провел со своей новой знакомой — Нелей, студенткой медицинского института, удачно ухаживал, и только воспоминания о Галине портили ему настроение. Он еще надеялся как-нибудь отомстить ей за случившееся. Виктор несколько раз гулял с Нелей в квартале, где жила Галина, но встретить ее не удалось. А жаль! Посмотрела бы, увидела, что не сошелся на ней свет клином.

Нелю, правда, нельзя назвать красивой, но тонкие, старательно выщипанные брови, под-

крашенные, загнутые вверх ресницы, ярко нарисованный рот делают ее лицо миловидным, по крайней мере на расстоянии.

Они подружились просто, за один вечер. Неля без умолку болтала о разных пустяках, звонко, заразительно хохотала и не вспоминала о лекциях. Зато Виктор любил рассуждать на эту тему, рассказывать о своих замечательных друзьях — Степане, Игоре, Евгении, о работе кружка, старостой которого он был. Неля слушала не особенно внимательно. Сама она охотно рассказывала только о том, кто в нее влюблялся, что говорил, какие писал письма.

Он не знает, что, кроме беззаботного времяпровождения, дает ему дружба с Нелей, не знает, долго ли они будут вместе. Но туго натянутая, отзывчивая струна самолюбия уже дрожит, когда Неля переносит часть внимания на кого-нибудь другого.

Ему не скучно с ней, каждый день она какая-то другая, немного незнакомая. Может быть, так кажется потому, что каждый день у нее новая замысловатая или подчеркнуто небрежная прическа.

За время знакомства с ней Виктор отучился говорить о чем-нибудь серьезном, в театр приходил обязательно с опозданием, а в антрактах горячо обсуждал вопрос, идет ли Миле или Мусе новая прическа и стоит ли Люсе или Вике ссориться с Додиком или Славиком, которых он ни разу в жизни не видел.

И хотя пустая жизнь вскоре приелась ему, показываться в университете он не решался.

После весело проведенных каникул, во время которых он не брал в руки книги, не хотелось готовиться к пересдаче экзамена, и Виктор все оттягивал начало учебы.

Как-то вечером, в пятый раз перевязывая галстук, он услышал стук в окно; так обыкновенно извещал о своем приходе Игорь Третьяков. Виктор бросился к столу, раскрыл несколько книг и сделал вид, что занимается. Действительно, в комнату вошел Игорь.

Он торопился и не стал даже раздеваться.

— У тебя должны быть два доклада, их на кружок представили, а ты их даже в журнале не зарегистрировал, — сказал он.

Виктор вспомнил, что эти доклады он принес домой, куда-то забросил, а потом забыл.

— Сейчас я их разыщу. Слабенькие доклады.

— Не тебе судить, сами разберемся, — недружелюбно заметил Игорь.

Виктор быстро перерыл все ящики стола и еле-еле отыскал нужные тетради. Засунув их в портфель, Игорь собрался уходить.

— Что же ты не спросишь, почему я в университете не показываюсь? — с обидой спросил Виктор.

— Думал, сам скажешь.

— Болел, только вчера встал.

— Грипп?

— Да, с ангиной, но ничего, обошлось.

Виктор проводил Игоря до дверей и вернулся в комнату. Он не привык разбираться в собственных поступках. Хорошие он любил

без конца вспоминать, а плохие старался забыть поскорее. Это освобождало от необходимости искать оправданий и признавать перед самим собой свои ошибки. Но сейчас никак нельзя отмахнуться от создавшегося положения, оно слишком серьезно. Надо взвесить свои поступки, правильно их оценить и постараться начать жить по-новому. А лучше всего сразу же сесть за книги и, проштудировав хотя бы несколько страниц, заснуть со спокойной совестью.

Он попробовал читать — бросил, посидел у радиоприемника — надоело, снова принялся читать. Когда часы пробили двенадцать, он лег и долго не мог заснуть.

Неприятности начались утром в трамвае. Войдя в вагон, он увидел Галину и, почему-то не поздоровавшись, отвернулся в сторону, а через минуту уже ругал себя: «Еще подумает, что страдаю».

На предпоследней остановке в вагон вошли запыхавшийся Избин и заспанный Макаров. Алексей, заметив Виктора, сказал, как ему показалось, на весь вагон:

— Бессонов решил порадовать университет своим посещением.

Виктор сделал вид, что не расслышал. Ему очень хотелось подойти к первокурсникам, но они не смотрели в его сторону, увлекшись спором. Однако самое неприятное было впереди. Не зная расписания, он прошел в Филологический коридор, надеясь разыскать однокурсников.

На стене висело объявление: «Начинает занятия диалектологический кружок». Неожиданная мысль взбудрила его: надо записаться, начать все сначала, доказать, на что он способен, если захочет. И Виктор с независимым видом отправился на поиски курса. Он прошел весь второй этаж и никого не встретил. Когда прозвенел звонок, он был уже на третьем этаже. Одна за другой закрывались двери аудиторий, и Виктор остался в коридоре. Волей-неволей приходилось идти смотреть расписание. В конце коридора он увидел идущего навстречу Ежова. Он знал, что Евгений обязательно спросит о причине прогулов, а ему не соврешь. Виктор подошел к окну, ждал, ждал, когда подойдет Ежов, обернулся и...

— Здравствуй, — сказал Евгений, стоявший у него за спиной.

— Вот на лекции пришел, — небрежно бросил, оправившись от смущения, Виктор, — а никого нет. Свободный день?

— Угадал. В деканате не был?.. Такое дело получается. По всем законам, комсомольцы опять должны с тобой на собрании поговорить. Решил я попросить бюро, чтоб простили тебя на этот раз. Не подведешь?

Виктор не мог сразу ответить. Это предложение избавляло его от излишних волнений, давало возможность спокойно включиться в работу. Но ведь предлагал это Ежов...

— Нет, — решительно ответил Виктор, — в опекунах не нуждаюсь.

После недолгих колебаний он решил все-

таки сегодня в деканат не ходить, а направился домой. У входа в раздевалку он столкнулся с Галиной.

— Как поживаешь?

— Хорошо.

— А я решил расстаться с университетом.— Мысль об уходе понравилась ему и он принял вдохновенно ее развивать: — Перейду в пединститут на четвертый курс, этой весной получу диплом и уеду куда-нибудь подальше. Буду работать и готовиться в аспирантуру.

— Я тороплюсь, — осторожно остановила его Галина, — извини. А насчет перехода ты еще подумай, это неумное решение.

У Виктора от обиды задрожали губы, он чуть не крикнул вслед: «Уйду! Назло всем вам уйду!»

Всю дорогу он думал об этом и в конце концов решился. Работать и готовиться в аспирантуру, конечно, очень трудно, не каждый способен, но у него хватит сил. То-то удивятся, узнав о его уходе, пожалеют еще!

Ежов не считал себя виноватым перед Бессоновым. Он понимал: Галина поссорилась с Виктором не потому, что рядом появился он, Евгений. Виктор беспокоил его по другой причине. Ежов опасался, что самолюбие окажет тому медвежью услугу, заставив разыгрывать обиженного. Поэтому, услышав о намерении Виктора перейти в педагогический институт,

Евгений сразу решил увидеть Бессопова, постараться отговорить, но почти тут же был вынужден отказаться от задуманного, зная, что Виктор заупрямится и не послушает. Оставалось только не забыть заглянуть в институт и поговорить с комсомольцами насчет Виктора: как бы с ним и на новом месте чего-нибудь не приключилось.

Вопрос о Валентине Соловьеве до сих пор не решен. Железнодорожникам, оказывается, требовался не агитатор, а консультант по русскому языку и литературе для техников, поступающих в вузы.

Забот с каждым днем прибавлялось все больше. Евгению чаще чем когда-либо приходилось обращаться в партбюро за советами и помощью. Шефская работа на заводе имени Фрунзе шла хорошо, но нет-нет да поступали тревожные сигналы: то кто-нибудь к лекциям плохо готовится, то опаздывает.

Самое необычное началось совсем недавно. Появилась на факультете новая преподавательница — Торцова, быстро завоевывавшая симпатии студентов. Это была высокая, довольно полная молодая женщина с громким отчетливым голосом. Своей крупной фигурой она сразу обращала на себя внимание, но легкие, плавные движения, мягкая походка как-то сглаживали, делали почти незаметным этот недостаток.

Откуда-то среди студентов распространился слух, что Торцову перевели из столичного вуза за критику марровского учения. Интерес к ней

увеличился. Она, правда, очень редко, но все-таки иногда заявляла на лекциях, что то в одном, то в другом случае Марр не прав. Старшекурсники не верили своим ушам: ведь их несколько лет убеждали в том, что Марр совершил в языкознании переворот, что он — отец советской науки о языке.

Студенты могли только догадываться о том, что происходило в стенах кабинета кафедры языкознания. А там один за другим шли острые и резкие споры, после которых Теремин, на ходу застегивая портфель, стремительно бежал в партбюро или деканат.

* * *

На первых лекциях Ирина очень волновалась, но все обошлось благополучно. Только на одном курсе она забыла сообщить список рекомендуемой литературы. В перерыв к Торцовой подошел коренастый рыжеватый юноша и задал какой-то вопрос. После лекции он же, немного смущаясь, сообщил, что университет шефствует над заводом и ей нужно обратиться к доценту Анохину, чтобы тот включил ее в работу лектория.

Слушая студента, Ирина раздумывала над тем, как начать дружбу с курсами, как приступить к агитации за диалектологическую экспедицию. Она вкратце рассказала о своих замыслах студенту.

— Ну да? — обрадовался тот и сразу согласился: — Поеду, конечно. Только я ведь ничего еще не знаю.

— Узнаете. В университете есть диалектологический кружок?

— Нет, но можно организовать, если интересно, а то из лингвистического бегут.

— Почему?

— Не знаю, — уклончиво ответил студент. — Не нравится. А вы знаете, я уже с одним академиком работал, частушки записывал.

— Вы его фамилии не запомнили? — словно испугалась Ирина.

— Нет. Леонтий Максимилианович его звали.

— Это же мой отец! — грустно улыбнулась она.

— Вы подумайте! — изумился Степан. — Он мне часы золотые подарил, так я вам их отдам: я их все равно не ношу.

— Носите, — невольно рассмеялась Торцова. — Вы ведь ему чем-то помогли?

— Совсем мало. У меня еще письмо есть.

— Покажите мне его как-нибудь, — попросила она, — и начнем организовывать кружок.

После второй же встречи с доцентом Ирина пришла к выводу, что ей придется туго. Внешне выдержанный и корректный Теремин часто становился несдержанным, а иногда и бестактным. Настоящая борьба началась тогда, когда Ирина забраковала за несамостоятельность несколько курсовых работ, выполненных под руководством Теремина. Узнав о ее решении, он процедил сквозь зубы, тщетно стараясь оставаться невозмутимым:

— Что это? Элементарная безграмотность или глупое желание подорвать мой авторитет?

— Смею вас уверить: ни то, ни другое. Работа Кротиковой в самом деле несамостоятельна и антинаучна в своей основе. Я не признаю...

— Зато я признаю! Попрошу не разговаривать со мной в таких выражениях!

— Извините, я не хотела вас обидеть. По моему, следует собрать ученый совет...

— Никаких советов! Кто здесь заведующий кафедрой — я или вы? Если я, то именно я, а не вы, несую всю ответственность. Нехватало, чтобы мы выносили сор из избы, сор, привезенный вами! Сегодня же я пишу докладную ректору. Мне очень жаль, но... — Теремин сочувственно развел руками.

Ирине, несмотря на неприязнь к нему, хотелось сказать многое; она была готова вступить в долгий и терпеливый научный спор, высказать доценту свою точку зрения, выслушать его. Впрочем, она и так знает: профессор Золотницкий достаточно полно сформулировал основы нового учения о языке. А Теремин, судя по всему, усердный подражатель, типичный цитатчик. Сколько встречала она их, больших и маленьких, известных и добивающихся известности, чьи труды переполнены цитатами и ссылками, снабжены наводящим страх перечнем использованной литературы — и без одной новой мысли!

— Я не думаю, что такой вопрос можно разрешить с помощью докладных; надо

доказать свою точку зрения. Почему вы избегаете этого? — спросила Ирина.

— Вы клевете на советское языкознание и здесь нужны другие меры.

Помолчав, доцент со вздохом предложил заняться рассмотрением планов лекций и, прочитав первую фразу, начал в относительно спокойном тоне:

— Что вы пишете? Откуда вы это взяли?

— А разве обязательно откуда-нибудь брать?

— Вы же осмеливаетесь оспаривать положение марксистского диалектического метода!

— Нет, это вы пытаетесь неуместной ссылкой на диалектический метод подкрепить нелепую теорию...

— Мне остается ужасаться вредности ваших мыслей, — Теремин развел руками и преувеличенно громко охнул.

Ирина вдруг почувствовала, что очень устала, так устала, что не может подняться. Она решила подождать, пока уйдет доцент, и остаться одной, подумать, отдохнуть перед занятием кружка. Когда Теремин, наконец, ушел, она закрыла дверь на ключ и села на диван.

В памяти всплыли длинные беседы с отцом. Специалист по фольклору и древне-русской литературе, он на склоне лет, стараясь чем-нибудь помочь дочери-студентке, сел за основы языкознания, заинтересовался и неожиданно оказался противником учения Марра.

Дочь с первого курса увлеклась диалектологией (к величайшему огорчению отца, меч-

тавшего сделать ее фольклористкой) и одновременно принялась за добросовестное изучение общего языкознания.

Неприятности начались еще с курсовыми работами, в которых отклонения от общепринятой точки зрения прощались благодаря имени отца. Еще сложнее обстояло дело с дипломной работой: ее высоко оценили только из-за богатого фактического материала, выводы же были признаны глубоко ошибочными, «идущими,—как было сказано в одной из рецензий,—вразрез с материалистическим учением о языке».

Но до занятий в аспирантуре Ирина не представляла, какой была атмосфера в среде ученых-лингвистов. На каждом заседании приходилось выслушивать славословие заслугам нового учения о языке и наблюдать многочисленные пресечения всяких попыток подвергнуть его хотя бы незначительной критике.

Кто-то принес в вуз злую песенку, в которой были такие едкие слова:

Если хочешь быть лингвистом,
Становись скорей марристом.

С этим приходилось соглашаться. Ирина не отрывалась от книг, отдыхая только в диалектологических экспедициях на Смоленщине. Возвращаясь в институт, она окуналась в бесконечные заседания, в сотый раз слушала одно и то же.

Сравнительно-исторический метод исключался из практики изучения языков. Многие

ученые разрабатывали предложенный Марром палеонтологический метод — метод четырех-элементного анализа. Ирина чувствовала его надуманность, но доказать ничего не могла. До невероятности нелепым казалось утверждение, что родство языков можно определить общими по звучанию словами. В своих работах Марр кропотливо сравнивал без всякого разбора любое слово одного языка с любым словом другого языка. Это казалось фокусничеством, но отовсюду — со страниц книг, журналов и рукописей, с трибун конференций звучали цитаты из Марра, создавалось впечатление, что на нем держится все языкознание.

Ирина с волнением открывала каждую новую книгу, ждала, что именно эта книга, наконец, поможет ей разобраться в невероятной путанице, поможет выбраться из тупика, из которого не видно выхода. Но редкая книга радовала, большинство из них твердили одно и то же.

Однажды после очередного, стихийно возникшего среди аспирантов диспута она зашла к профессору Золотницкому и попросила объяснить, на чем же реальном базируется четырех-элементный анализ. Ей нужен был простой, вразумительный ответ, почему элементов именно четыре.

Золотницкий уважал покойного академика Торцова, но никак не мог понять, кто внушил его дочери такие, по крайней мере кощунственные, вопросы. Профессор объяснял долго; она

не узнала ничего нового и, вернувшись домой, разрыдалась. Успокоившись, она составила список неясных и туманных мест в учении Марра и на другой же день показала написанное Золотницкому. Он не совсем любезно предложил не отвлекать его пустяками, но потом ласково пожурил:

— Молоды вы, Ирина Леонтьевна. Талантливый, в отца, но молодые. И я в ваши годы авторитетов не признавал, все под них подкапывался.

А познакомившись с планом диссертации, Золотницкий говорил другим тоном:

— Ваши взгляды настолько расходятся с положениями советского языкознания, даже противоречат им, что я как советский ученый считаю недопустимым ваше пребывание в аспирантуре нашего вуза.

Ирина неожиданно для себя самой отнеслась к заявлению Золотницкого равнодушно; оно было слишком огульным, чтобы оспаривать его. Оставаться в аспирантуре все равно не было смысла, и она решила уехать туда, где отец совершил последнюю экспедицию. Она заставляла себя не думать над случившимся. Едва в голову приходила мысль о нелепом и несправедливом переводе, она отгоняла ее прочь, убеждая себя, что это недоразумение, ничем не связанное с общим положением в подборе научных кадров. Более того, она думала, что причиной перевода являются не слабые попытки усомниться в верности нового учения о языке, а что-то другое. Но что?

Ирина старалась доказать себе, что запуталась в противоречиях из-за недостаточной подготовленности. Ведь все сомнения можно разрешить, если разобраться в вопросе глубоко и основательно.

Как только она начинала разбираться в учении Марра, перед ней вставали лица известных ученых, восклицавших о заслугах нового учения о языке. Чаще всего она вспоминала один из самых яростных диспутов, когда Золотницкий сказал молодому кандидату наук, выступившему с докладом:

— Вы, и это очень прискорбно, это несовместимо со званием советского лингвиста, принизили значение трудов академика Марра. Вы забыли о том, что его учение воздвигнуто на гранитном фундаменте диалектического и исторического материализма и представляет собою подлинный, революционный переворот в языкознании. Марр с огромной глубиной мысли и титанической эрудицией доказал...

После этого выступления споры прекратились, и выступавшие один за другим на все лады перепевали сказанное Золотницким.

И так было всегда. Намечающиеся попытки усомниться в том или ином положении марровского учения марристы встречали в штыки.

— Марр перестроил науку о языке на основе марксизма-ленинизма.

— Марр всецело опирался на основополагающие труды товарища Сталина.

— Учение Марра является блестящим примером применения марксизма-ленинизма в языкознании.

Об этом говорили и писали, писали и говорили, в это приказывали верить. Порою становилось страшно за свои мысли, которые называли «отклонениями от учения» — неужели ты такая дура, что не можешь понять того, что все ученые считают аксиомой? Нет, не все! Иногда она встречала упоминания то об одном, то о другом «враге» или «противнике» учения Марра.

Но кто может точно сказать об основных ошибках марровского учения? И есть ли они? Кто может?

Надо работать. Лекции доставляют ей много радости, студенты кажутся умными и милыми, она всегда с неохотой кончает читать.

На первое занятие кружка Ирина шла, тревожно думая: «А вдруг не придет никто кроме того рыжеватого первокурсника, знавшего отца?»

Опасения не сбылись: собралось более двадцати человек. Кажется, их удалось заинтересовать. В конце занятий с задних рядов раздался отчетливый шопот:

— Спрашивай, Макаров.

Встал один из студентов, похожий на шаловливого школьника, и спросил:

— Можно один вопрос?.. Говорят, что вы — не сторонница учения Марра, а мы, то есть нас учат, что...

Он многозначительно замолчал.

Ирина поняла, что попала в затруднительное положение: не ответить нельзя, а высказывать свои мысли по неосновным вопросам вряд ли уместно. Она ограничилась общими словами. Было видно, что студенты разочарованы, и ответ не удовлетворил их. Тогда Степан Лукьянов (она уже запомнила его имя) развернул перед ней лист ватмана. Ирина взглянула на рисунок и, сколько ни пыталась сдержаться, громко рассмеялась. На рисунке были изображены четыре стремительно бегущих человека в звериных шкурах и крепко держащие в руках четыре кубика с надписями: «сал», «бер», «йон», «рош». За ними мчится толпа людей. Под рисунком подпись: «Племенам явно не хватало четырех элементов!»

Ирина заметила: студенты с интересом ждут, что она скажет.

— Палеонтологический анализ, — ответила она, — подвергается некоторой критике. Но еще большей критике подвергается сравнительный метод.

Степан, перекрывая шум, пробасил:

— Я из-за этих четырех элементов...

— Товарищи! — строго остановила Ирина, хотя ей очень хотелось выслушать студентов. — Вряд ли я смогу вам помочь. Мы можем пригласить Сергея Алексеевича на заседание кружка и попросить...

— Не надо! — раздалось сразу несколько голосов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Встречаются такие люди, которые во всяком внимании к ним видят что-то ущемляющее их самолюбие, возмущаются, когда в их жизнь вмешиваются хотя бы с самыми добрыми намерениями. Именно так поступал Валентин. Не потому, что он не верил в искренность Ежова, и не потому, что был не-исправимым эгоистом. Непомерно развитое самолюбие естественно привело к мысли, что он лучше других, что никто не способен понять его. И хотя желания и стремления Валентина были обыкновенными и, в сущности своей, хорошими, сам он был человеком неприятным и высокомерным.

Ничего нет плохого в том, что он давно мечтает стать ученым, но плохо, если он думает,

что другим это недоступно. Ничего нет плохого в том, что он много и усидчиво занимается, но плохо, если он думает, что другим это делать бесполезно.

Ежов верил, что Валентин человек талантливый, способный, из-за такого стоит поволноваться. Как это ни странно, Евгений видел в нем много общего с собой. Оба они жили насыщенной, целенаправленной жизнью. Но Валентин жил только для себя.

После долгих раздумий Ежов пришел к выводу, что в Валентине можно все-таки отыскать хорошее и сделать так, чтобы он сам заметил это хорошее. Другие считают, что в нем ничего доброго нет, и махнули на него рукой. Именно из-за этого Валентин ко всем относится настороженно, во всех видит недоброжелателей.

Из разговоров с Соловьевым Евгений сделал заключение, что тот не умеет, не привык рассказывать о себе кому-нибудь; все свое, личное Валентин хранит внутри и не видит вокруг никого, кому можно было бы это доверить.

Разговаривая с Ежовым, Валентин был вынужден усомниться в правильности своего способа оценки людей. Сначала ему показалось странным, почему Ежов так откровенен с ним, потом понял, что только открыв свои помыслы, можно добиться от другого искренности, только из этого вырастает настоящая дружба. А там, где другу доверяют половину мыслей, дружба не выдерживает испытаний. Убедившись в этом, Валентин понял, почему он до сих пор ни

с кем не мог сойтись. В самом деле, откровенность с приятелями не шла у него дальше того, что, в конечном счете, можно поведать любому встречному.

Они спорили, не боясь обидеть друг друга. Евгений обладал удивительной способностью говорить только о главном, от чего нельзя отмахнуться. Валентин внимательно следил за его словами, пытаясь найти в них хотя бы незначительные противоречия. Но Ежов говорил продуманно, выдвигая только проверенные доводы. Валентин же, никогда серьезно не задумывавшийся над истинной ценой своего образа жизни, часто противоречил самому себе, пользовался случайно пришедшими в голову доводами и не мог ничего добавить в их защиту. Евгений подвергал уничтожающей критике и качества характера Валентина, и многие его взгляды на искусство и литературу. Несмотря на то, что Валентин был более начитан, ему трудно было спорить с Ежовым, потому что тот выработал точные, четко сформулированные взгляды и оценки. А Валентин до сих пор решительно отказывался вступать в какие-либо споры с товарищами по курсу, предпочитая хранить глубокомысленное молчание. Случалось, что ему приходилось высказывать свое мнение, но если его пытались опровергнуть, он только пожимал плечами. Поэтому Соловьев и не подозревал, что многие его мнения требуют поправок.

Несмотря на все неприятности, которые доставлял ему Ежов, Валентин охотно

встречался с ним, стараясь не показать своей заинтересованности. Евгений умело обрывал разговор, предоставляя возможность обдумать высказанное, не пытался навязать свои мнения, не твердил их без конца. Евгению словно было безразлично, как относится к его словам упрямый, не поддающийся никаким доводам собеседник.

Кстати сказать, Валентина почти с первых дней знакомства с Ежовым покорило его умение находить время для всех дел, успевать выполнить все задуманное. У него самого, много занимающегося, часто не доставало времени, а он не мог не заметить, что у Евгения времени и того меньше. Как-то однажды, чтобы загладить свою очередную резкость, он спросил Ежова:

— Трудно тебе? Дела, учеба...

— А ты думаешь у меня, кроме дел и учебы, ничего больше нет? — с озорной усмешкой спросил Евгений, но объяснять, на что еще помимо дел и учебы ему требуется время, не стал. — Если ты серьезно интересуешься, расскажу, даже с удовольствием... Был со мной на первом курсе случай... Выбрали меня комсомольским группоргом, а успеваемость, помнишь, тогда какая была — третье место с конца по факультету и то завоевали с трудом. Закрутился я: туда, сюда — нехватает времени. Пока других пробираю, почему к семинарам не готовятся, сам не успеваю заниматься. И пошел, неразумный я человек, жаловаться, сначала в факбюро, потом в комитет. Пристыдили меня основательно, а я не мог утихомириться: у

меня сто сорок тысяч знаков внеаудиторного чтения не сдано. Направился я тогда (стыдно вспоминать!) в обком комсомола; сижу в приемной, убедительные доводы подбираю. Секретарь занят был, очень долго ждать пришлось, а рядом сидел один товарищ с книгами, я попросил одну, раскрыл наугад... и такое прочел, что самому перед собой неудобно стало, покраснел наверно. Хотел сразу бежать, но не двинулся с места, пока не успокоился; отказался от приема и зашагал домой.

Евгений подошел к книжной полке, взял книгу в коричневом переплете, быстро отыскал нужную страницу и прочел, выделяя каждое слово:

— Коммунисты-студенты должны уметь сочетать политическую работу с делом овладения наукой. Говорят, что добиться этого сочетания трудно. — Евгений взглянул на Валентина и продолжал: — Это, конечно, верно. Но с каких пор коммунисты стали бояться трудностей? Трудности на путях нашего строительства для того и существуют, чтобы бороться с ними и преодолевать их.

Он еще раз молча перечел понравившиеся строки, поставил книгу на место и сказал:

— Ты в эти тома почаще заглядывай; не только для того, чтобы цитату подыскать... Так вот, с тех пор я на недостаток времени не жалуясь и другим не советую... Часто, правда, приходится такими делами заниматься, на которые часы никак не спланируешь, — и предупреждая вопрос Валентина, он добродушно

объяснил: — С такими, как ты, приходится заниматься.

— Я не просил.

— И другие, представь себе, тоже не просят, даже отказываются, но мы люди не гордые, если нас не позовут, сами придем.

Ежов не отступал от задуманного, настойчиво вводя Соловьева в центр студенческой жизни. Как-то, развернув свежий номер многотиражной газеты, Валентин сразу наткнулся на заметку «Первая экскурсия». Не успел он насмешливо скривить губы, как прочел в числе фамилий участников свою. Он недоуменно пожал плечами, а потом рассмеялся, вспомнив, что его ведь перевоспитывают.

На завод пошли сразу после лекций. Ответственный за экскурсию — Игорь Третьяков заранее позаботился о пропусках, о провожатом и нетерпеливо шагал впереди. Валентин с любопытством ждал, что будет дальше. Скорей всего, придется прослушать какую-нибудь беседу, ответное слово одного из студентов, который поблагодарит за «интересную, полезную экскурсию», и на этом дело кончится. Значит, в начале шестого он будет уже дома.

Но и на этот раз он не угадал. Прежде чем попасть в цех, студенты долго осматривали заводскую территорию. Обсаженная деревьями и кустарниками, она по всем направлениям была рассечена асфальтовыми дорожками и напоминала собой часть города, где вместо высоких многоэтажных домов стоят длинные, со множеством окон корпуса.

Когда студенты оказались в просторном, наполненном гудением моторов цехе, никто не вышел их встречать. Склонившиеся над станками люди только на мгновение подняли головы, чтобы мельком оглядеть гостей. Зато гостям было на что посмотреть.

За первым станком Валентин увидел Василия Ладова, о знакомстве с которым успел уже позабыть. Но тот сразу узнал его и приветливо кивнул. Валентин прикоснулся рукой к шляпе и остановился рядом с ним.

Казалось, что Василий и станок представляют собою одно целое, что токарь положил на него руки, и станок двигает ими. Мотор, работая на бешеной скорости, рычал сердито и угрожающе, от резца, завиваясь в короткие спирали, летела стружка, но в позе Василия не было ни напряженности, ни скованности. Валентин, забыв, что участвует в экскурсии, так и простоял у станка, не подойдя к студентам, которым проводник что-то рассказывал, стараясь перекричать цеховой шум.

Возвращаясь, студенты оживленно делились впечатлениями; и Валентин, пожалуй, впервые заметил, что никто не обращается к нему, словно его здесь нет.

На другой день после разговора с Евгением (разговор носил самый официальный характер) Валентин с тревогой, которую безуспешно пытался отогнать, пришел в узловой партком выполнять первое комсомольское поручение. Как бы ни относился к нему Валентин, он хорошо

сознавал свою ответственность. Надо было отказать в самом начале, теперь нельзя: подумают, что испугался.

Его встретил высокий, по-военному ладный мужчина в черной гимнастерке, перетянутой широким скрипящим ремнем. У мужчины были редкие черные старательно зачесанные назад волосы, крупный морщинистый лоб. Темные глаза с заметно припухшими веками смотрели внимательно, вглядываясь. Говорил он медленно, словно обдумывая каждое слово:

— Очень рад знакомству... Мы, оказывается, тезки, так сказать, — Соловьевы. Меня зовут Никитой Всеволодовичем... Очень вы нам нужны. Извините, что от учебы время отнимаем. Но дело почетное, можно позавидовать. Есть у нас шесть человек, гордость нашей дороги — стахановцы, новаторы; среди них два лауреата Сталинской премии. В институт они готовятся. Им необходима консультация по русскому языку и литературе.

Никита Всеволодович вышел из-за стола и опустился в кресло напротив Валентина.

— Мы бы им могли преподавателя нанять, но они... — он широко улыбнулся, — они правильно рассуждают, когда студента просят. Студент, он всегда знает, сколько выучить надо, чтобы не переучить. Это я так, шутки ради, а дело серьезное и, по-моему, интересное. Согласны?

— Здесь одного согласия недостаточно.

— На первый раз достаточно; и вам, я думаю, это по плечу. Завтра познакомлю с уче-

никами. Вы только их не стесняйтесь. Они народ простой.

Валентина смущало то, что он не испытывал желания отказаться; напротив, он уже раздумывал над тем, как вести себя завтра на первой консультации, что и как говорить.

— Могу одну деталь сообщить, — весело, но все так же неторопливо произнес Никита Всеволодович: — если школьники наши усердие проявят, летом вас прокатим куда хотите. Мы ведь железнодорожники.

— Постараюсь прокатиться, — шутливо ответил Валентин.

Никита Всеволодович железным пожатием стиснул ему руку.

И еще одно событие произошло в этот день. В областной газете была напечатана статья секретаря комитета ВЛКСМ завода имени Фрунзе о шефской работе студентов университета и отрывок из поэмы Ладова. Хорошо, что редакция нашла для статьи более подходящего автора, хорошо и то, что появились в газете стихи Василия. Совесть Валентина была спокойна.

Домой он пришел в отличном настроении. Сразу же потянуло к работе, и он написал, наконец, введение к своему забракованному докладу о Пушкине.

* * *

В сутках всего двадцать четыре часа. Не больше, да и не меньше. К этому неутешитель-

ному выводу неизбежно приходишь, когда число забот начинает превышать количество часов в сутках. Можно не досыпать три ночи подряд, но все равно на четвертый день наверстаешь упущенное и еще в запас выпишься.

Есть один выход из положения—загружать сутки до предела, но равномерно, и при умении в двадцать четыре часа (небольшой, в сущности, срок) можно научиться делать великое множество дел и почти высыпаться. Если вставать в пять часов утра и заставлять себя ложиться в десять вечера, то для работы остается больше шестнадцати часов. А в экзаменационную пору за сорок восемь часов можно вместить в голову семестровый материал со всеми первоисточниками. К сожалению, полученные таким способом знания задерживаются в голове ненадолго. Поэтому Степан во втором семестре занимался с не меньшей горячностью. Но сколько бы он ни старался, ему казалось, что самого-то главного он еще не знает, а узнать это главное надо обязательно.

Ровно в пять часов утра в комнате номер десять раздавался неприятный-таки звонок будильника. Первым просыпался Евгений, доставал из-под кровати гирю и вымещал на ней всю злость невыспавшегося человека.

Если бы не договор с Евгением, Степан давно бы бросил этот железный распорядок дня. Обидней всего то, что Ежов, казалось, выдерживал его без особых усилий. Но это

только казалось. Дело в том, что он был обязан жить так, чтобы иметь право сказать любому жалующемуся на недостаток времени: «Неправда. Живи, как я, и все успеешь». Даже профкомовские работники, проводящие большую часть сознательной жизни на собраниях и совещаниях, не могли оправдаться перед Евгением.

Впрочем, трудны лишь первые минуты, потом сознание проясняется, и — пожалуйста к столу. Чай пить еще рано, в кухонный «титан» еще не налита вода, но заниматься можно добрых три часа. Потом на лекции.

Дни летят, мчатся один за другим, мелькают, теряешь способность отличать понедельник от воскресенья.

Диалектологический кружок оказался жизнеспособным и таким деятельным, что на факультете о нем сразу заговорили. Это был самый молодой и самый шумный коллектив, состоящий главным образом из первокурсников.

Одним из наиболее активных кружковцев стал Алексей Макаров, неизвестно как ухитрившийся выкроить время и для занятий диалектологией. Вслед за ним, конечно, пришел в кружок и Саша Избин, боявшийся оставить своего друга без надзора. Алексей уже уверял его, что рожден для диалектологии. Купив в ближайшую стипендию огромный рюкзак, он начал готовиться в летнюю экспедицию. Сам собой разумеется, что пришлось купить рюкзак и Саше. Избин был готов на все, только бы первое научное увлечение товарища не

оказалось мимолетным, но занятия проходили до того увлекательно, что даже скептически настроенный Саша понемногу втянулся в работу.

Секрет был прост. В диалектологический кружок пришли первокурсники, чувствовавшие себя в других кружках недостаточно подготовленными, а здесь все вместе начинали с азов и были равны. Торцова умело поддерживала огонь соревнования; с жаром начинали заниматься и те, кто заглядывал на кружок из простого любопытства. Студенты хорошо понимали, что главное еще впереди—лето, экспедиции. Карта области была разделена на районы исследования, и Макаров заявил:

— Мы с Сашей едем в самые отдаленные пункты.

Глаза его блестели, а Избин, впервые узнавший о своем решении, качал головой и глухо, как на приеме у врача, вздыхал.

Однажды Теремин, ревниво следивший за успехами кружка, проходя мимо аудитории, где занимались диалектологи, услышал невероятный шум: радостные возгласы, стук отодвигаемых стульев, топот ног. Это произошло после слов Торцовой:

— Институт ведет большие работы по составлению атласа русского языка. Примеров такого обширного исследования мировая наука не знает. К работе привлекается огромная армия специалистов. Говоры нашей области должны быть зафиксированы в третьем томе. Институт предлагает нам задание.

Вот почему зашумели студенты. Не успел затихнуть шум, как открылась дверь, и в аудиторию стремительно вошел Теремин. Он подчеркнуто недоуменно пожал плечами и, дожидаясь, когда все придут в себя от его неожиданного появления, сухо сказал:

— Надо быть сдержаннее. Трудно поверить, что идет заседание, — он поднял вверх указательный палец, — научного кружка. Я вынужден сделать вам замечание. Ирина Леонтьевна, вы разрешите мне поприсутствовать?

Торцова кивнула, подумав, как неинтересно пройдет занятие. Ее настроение передалось студентам, и они неохотно разошлись по местам. Ирина, невольно взглянув на доцента, раскрывшего блокнот и вооружившегося ручкой, начала лекцию. Против воли она говорила довольно неясно, не называла вещи своими именами, обходила острые углы. Студенты часто оглядывались на Теремина. Заметив это, Торцова особенно остро почувствовала, что доцент здесь, внимательно слушает, записывает, а после занятия начнет многословный разговор, который обязательно кончится взаимным возмущением. Однако он начал разговор сразу, при всех. Попросив разрешения, он подошел к кафедре и заговорил:

— Я считаю необходимым несколько дополнить лекцию Ирины Леонтьевны. Она односторонне осветила вопрос о теории классовости языка, выдвинутой гениальным советским ученым академиком Марром. Дело в том, что Ирина Леонтьевна, бесспорно способный

научный работник, еще недостаточно опытна и пока не имела возможности заняться этим вопросом достаточно глубоко.

Теремин увлекся. Сняв пенсне, он подошел к первому ряду столов. У него иногда появлялось желание понравиться студентам, расположить их к себе. В такие минуты на его лице появлялось нечто вроде улыбки и говорил он ласково:

— Я приложу все усилия, чтобы обеспечить вам летние экспедиции. Сегодня же я поставлю в известность ректора. Я постараюсь, насколько позволит мне время, помочь Ирине Леонтьевне в руководстве кружком.

А она почти не слушала; она думала о том, что лекция прошла не так, как ей хотелось. Она не испытывала никакого желания видеть Теремина на занятиях. Его помощь кружку абсолютно не нужна.

Уходя, Теремин ничего не сказал ей. Можно было, не появляясь в кабинете, идти домой, если бы Ирина не знала, что сейчас доцент, нервно потирая руки, ждет ее.

Доцент встретил Ирину молчанием. Он сидел за столом и строго, не спуская глаз, смотрел на Торцову. Она села на диван и видя, что Теремин продолжает молчать, принялась внимательно разглядывать портрет Марра в большой, громоздкой раме.

— Я очень терпеливый человек, Ирина Леонтьевна, — сразу с высокой ноты начал доцент, — но всему есть предел! Вы ведете себя, как расшалившаяся школьница, которая,

сама того не понимая, совершает поступки, за кои очень жестоко наказывают! Я не могу доверять вам научный кружок! Что вы в нем проповедуете? Я допускаю, можно не соглашаться с отдельными положениями официально принятой точки зрения, но зачем об этом говорить при всех, при студентах? А вдруг на экзамене в присутствии представителей общественности они начнут повторять то, что вы им сейчас преподносите?

Он ужаснулся нарисованной им самим картине.

— Я согласна разговаривать только на темы, имеющие прямое отношение к моей работе, — сдерживаясь, ответила Ирина. — Почему вы не пытаетесь переубедить меня, а запугиваете ссылками на официальную точку зрения? Кто дал вам право угрожать мне?

— Уверяю вас, вы меня не поняли; никаких угроз...

— У меня хороший слух, Сергей Алексеевич, — она помолчала и решительно произнесла: — Кружок я вам не отдам ни за что! Я в него половину сердца вложила. Это первое. Я всегда, везде и всем, как в присутствии, так и в отсутствии представителей общественности, буду говорить лишь то, что думаю. Это второе. Вам предоставляется право отстаивать свою точку зрения. Мне бы очень хотелось, Сергей Алексеевич, поговорить с вами о том, что нам мешает работать.

— Я не испытываю подобного желания, — глухо перебил Теремин. — Я не привык, чтобы

мои подчиненные мешали моей научной и воспитательной работе. — Он крепко сжал губы и твердо добивал: — Я не позволю в советском вузе подрывать авторитет советской науки!

У Ирины закружилась голова, в горле мгновенно пересохло, она тяжело опустилась на диван. Откуда-то издалека доносился успокаивающий голос доцента:

— Вы можете подумать, во всем разобратся, но я не хочу спорить с вами; я вынужден запретить вам чтение лекций.

— Кружка я вам не отдам, — упрямо повторила Ирина, — и лекции читать буду. Можете писать докладные.

Она стала собираться. В это время в дверях показался Михаил Иванович Атаров.

— Не помешал? — начал он, быстро оглядев Теремина и Торцову. — Я к вам, Ирина Леонтьевна. Огромнейшая и срочная просьба: мне нужны ваши вузовские лекции по литературе. Помните, обещали показать?

Михаил Иванович облегченно вздохнул, едва за ними захлопнулась дверь. Пропуская Ирину вперед, он сказал:

— Слышал... шел по коридору... Хотелось раньше войти, да постеснялся... а потом не выдержал.

Они вышли из университета и, не договариваясь, свернули не налево, к трамвайной остановке, а направо. Атаров раскурил папиросу и сказал:

— Понимаю ваше состояние; вам и говорить-то не хочется. Но нельзя в такие минуты

одному оставаться: глупые мысли в голову лезут. Я уж по мере сил своих постараюсь утешить вас. Годы мои длинные, и если покопаться в них, так много всего, вроде вашего, отыщется.

Ирина немного успокоилась. Ей не хотелось говорить, но слушала она с интересом, ждала, когда Михаил Иванович заговорит о самом главном.

— Марр, конечно, ученый большого масштаба, — помолчав, продолжал он. — Студентам, пожалуй, не обязательно читать его, можно ограничиться пересказами. Но авторитетом он у молодежи не пользуется. Почему? Очень просто: последователи его люди не совсем порядочные, в смысле отношения к науке — народ крикливый, высокомерный, а часто и беспринципный, особенно мелкие подражатели. Ведь сколько раз Сергею Алексеевичу указывали на это! Бесполезно. Фразу, бедный, уважает, любит этак громко, без особого смысла, говорить. Напугали, по-моему, студентов и многих ученых такими фразами. Но не все верят в них, очень трудно верить в усердно рекламируемое. Да-а... О том, что лингвисты не могут успехами похвастаться, известно. Они все Марра склоняют, никого больше не хотят признавать. Это, может быть, и верно, но нельзя же на месте топтаться! Вы не расстраивайтесь, не поддавайтесь фразам. Подождите немного, помогут разобраться. Писателям помогли, философам помогли, композиторам помогли...

— Скорее бы! — вздохнула Ирина.

— Во-время помогут, — убежденно произнес Михаил Иванович. — Да, вот мы и дома. Лекций мне ваших пока не требуется. Идите, отдыхайте. И не забывайте: ученый иногда заблуждается, это в какой-то мере допустимо, только одни заблуждаются искренне, а другие... Словом, давайте вашу мужественную руку, умная вы женщина.

Она легко поднялась по лестнице. На первом этаже жили студенты, на втором и третьем — научные сотрудники. Проходя по площадке, она услышала веселые голоса и смех, долетавшие из полуоткрытых дверей. Ирина даже ненадолго задержалась, до того ей захотелось вспомнить недавние дни и повеселиться по-настоящему, по-студенчески! Рано ей еще быть Ириной Леонтьевной!

Торцова поставила на плитку чайник, отмерила внушительную порцию кофе и прилегла на диван. Но отдохнуть уже не хотелось, усталость прошла. Ирина раскрыла записную книжку и прочла две последние записи:

«...сказанного довольно для оценки нового учения: 1) оно — революционно, 2) оно — единственная строительная языковедная теория в путях марксизма-ленинизма».

Н. Я. Марр, т. 2, стр. 294.

«Мы не можем без самокритики. Никак не можем, Алексей Максимович. Без нее неминуемы застой, загнивание аппарата, рост бюрократизма, подрыв творческого почина рабочего класса... она же... дает материал (и толчок) для нашего продвижения вперед...»

И. В. Сталин, том 12, стр. 173.

...В этот вечер она работала с жаром и даже мысль о будущих стычках с Тереминым не мешала ей. Она готова бороться.

* * *

После первых весенних солнечных дней погода резко испортилась: с утра до вечера шли частые, почти бесконечные дожди. На небе лишь изредка появлялось будто смущенное своей беспомощностью солнце, пыталось робкими лучами хотя бы немного просушить разбухшую от дождя землю. Но что оно могло поделать — одно! — со множеством неповоротливых, огрызающихся громом туч.

А когда дождь не надолго затихал, воздух наполнялся теплым дыханием рвущейся в Прикамье весны. Камский ветер летал по городским улицам, перепрыгивая через дома, гонял ручьи, рябил лужи и улетал из города, чтобы снова вернуться. Даже распутившиеся было почки закрылись, боясь подставить первые листки крупным дождевым каплям.

Непогода нисколько не мешала тем, кому каждый вечер надо обязательно видеть друг друга, побродить по улицам, не обращая никакого внимания на неугомонные потоки воды.

...Комсомольский проспект асфальтовой стрелой рассекает город на две части. Вдоль по проспекту носится по-вечернему злой, будто невыспавшийся камский ветер.

У весны, даже хлещущей проливным дождем, свои законы. Кружится весной голова. А

если к тому же есть рядом та, на которой взгляд остановился, весна вообще спокойно жить не дает.

Степан пытался и так и этак обмануть себя, доказать, что Маша ему всего лишь друг, что надо больше заниматься — и вся дурь выйдет из головы. Но сколько ни загружай сутки работой и занятиями, в них всегда найдется время для любви, особенно для «несчастной»...

Тяжело жилось Степану в эти дни. Маша смешала ему всю жизнь, не давала покоя. Каждое утро, проснувшись, он твердил одно и то же: «Вот сегодня сразу после лекций пойду, разыщу ее и скажу, что я...» Об остальном Степан и подумать не смел. Очень уж нежное это слово любовь, говорить его вслух боязно: вдруг разобьется? Сорвется с губ, упадет и расколется?

Степан долго бродил, засунув руки в карманы, у памятника Мамину-Сибиряку и размышлял о том, что будет, когда придет Маша.

Когда Маша пришла, глаза у нее блестели и были как черные смородины, омытые росой. Берет ее был усыпан дождевыми каплями, они блестели и на щеках и на лбу. И оттого, что Степану захотелось сказать что-нибудь нежное, чего он не умел говорить, он сказал первые пришедшие в голову слова:

— Скоро нет погода наладится?

— Не знаю.

Наступило обычное в таких случаях молча-

ние. Степан никак не решался спросить о письме, которое послал ей два дня назад. Маша шла рядом и смотрела вниз.

— Письмо получила?— сердито спросил он, наконец. — Что скажешь?

Она не ответила, а только замедлила шаг. Степан закусил губу, потом решительно тряхнул головой и, преградив Маше дорогу, заговорил, глядя куда-то в сторону:

— Ты мне просто скажи, веришь или нет? Хоть одно слово скажи!

— Я ведь не знаю, как отвечать надо... Я ведь ни разу писем таких не получала.

— Это хорошо! — вырвалось у Степана.

— Правда?—обрадованно удивилась Маша и доверчиво сообщила: — Девчата дразнят меня, дразнят. Сами еще замуж не вышли, а меня каждый день спрашивают, когда свадьба.

— А ты их не слушай, — строго посоветовал Степан. — За свадьбой дело не станет. Человека надо сначала встретить.

— Я им то же говорю.

Посмотрев друг на друга, Степан и Маша вдруг расхохотались. Они стояли посредине тротуара; прохожие, ворча, обходили их.

— Побежали?

— Побежали!

Взявшись за руки, они помчались вперед, перепрыгивая через лужи, добежали до фонаря и, тяжело дыша, остановились.

Неожиданно Степану стало легче, и он, удивляясь самому себе, начал рассказывать:

— Отправил я письмо и испугался, пропал, думаю, парень. На лекциях полручки изгрыз — волновался.

Она смотрела ласково, первый раз в жизни смотрела на парня не издалека, а вблизи, на любимого смотрела. А он расцвел весь, приосанился, фуражку на затылок сдвинул и говорит, говорит — откуда только слова берет!

— Летом в отпуск к нам в поселок приезжай, на завод свожу, станок покажу, за которым работал, ребят наших покажу. А то можно со мной в экспедицию поехать. Я вот посмелею, так веселый буду, со мной не заскучаешь.

— Я и сама веселая, — потупившись, но радостно ответила она, — со мной тоже не заскучаешь.

Нить непринужденного разговора оборвалась, но молчание было радостным.

Маша улыбалась, спрятав подбородок в шарфик. Степан пытался заглянуть ей в лицо, но видел только гладкий, блестящий лоб. Захотелось чем-нибудь обрадовать Машу, чтобы она снова рассмеялась. Легче как-то бывает, когда человек, о котором ты заботишься, смеется. А Маша, как нарочно, молчит. Он, шевеля бровями от напряжения, силился что-то придумать, но только глубоко вздохнул:

— Не умею я говорить.

— А зачем говорить? — она встряхнула головой, и с берета прыгнули капли. — Ты молчи, мне и так хорошо.

Дождь не унимался. Он словно решил во что бы то ни стало испортить прогулку всем

влюбленным, идущим сейчас по городским улицам. Может быть, некоторые, действительно, испугались его и, наскоро простившись, расстались, но Степан и Маша радовались дождю. Им было весело от того, что они, промокшие, идут вдвоем, на них льются потоки воды, а им хорошо!

Как это случается, почему — неизвестно. Но бывает так: подойдет она к тебе, смело возьмет тебя под руку, и пойдете вы вперед, не выбирая дороги, не считая трамвайных остановок, и будете думать о том, что хорошо жить на белом свете, хорошо вот так идти и молчать. Дождь ли, снег, ветер ли завывает, вам все равно. Лишь бы рука ее спокойно лежала на твоей, лишь бы медленнее шло время.

Степану стало жарко, он расстегнул ворот и зашагал вперед большими шагами. Он хотел говорить! Ему нужно было очень много сказать! Но он молчал, крепко сжав губы: уж если не можешь найти нужных слов, помалкивай. И так догадается: не без глаз ведь. А Маше больше ничего не надо, она все узнала, а слова хорошие в песнях есть, вот придет домой и тихонько, чтобы не слышали подружки-пересмешницы, споет.

Маша вдруг прикоснулась к его плечу щекой и жарким шопотом выдохнула:

— Ох, Степан, родной ты мой...

— Всегда бы так... — осторожно произнес он, посмотрел на нее и увидел: глаза

большие, себя можно в них разглядеть, темные и счастливые.

— Люблю я тебя, Маша... Боязно говорить, а слова сами...

— Любишь? И я тоже... люблю.

Это глаза говорят, они смелые, они все скажут, что на уме, не испугаются.

А время-то идет. Хорошо встречать новый день вдвоем. Как вспомнится об этом, так и подумаешь: «Удивительна все-таки жизнь! И чего только не придумала она, чтобы человека счастливым сделать!»

Холодно ночью на Каме. Ветер какой-то непутевый; носится он, не уставая, над рекой; буруны метет; деревья качает.

— Светать скоро будет, — не то с радостью, не то с сожалением говорит Степан. — Быстро ночь-то прошла!

— Быстро, — отвечает, улыбнувшись, Маша, — и поговорить не успели.

За камским лесом посветлело. Солнца еще не было видно, но его лучи уже отражались в воде.

Город понемногу просыпался. Сонный дворник, жалея, что нет дождя, зевал, облокотившись на метлу.

Неторопливо возвращался Степан в общежитие. Несмотря на радостное настроение, очень хотелось спать. Он осторожно прошел мимо задремавшего по случаю раннего часа швейцара и открыл дверь. Комната была пуста. На столе — раскрытые книги, обе кровати аккуратно заправлены, не смяты. Степану

стало весело: Женька-то! Вот вам и секретары! Днем, правда, туго придется с тяжелой головой, но не беда.

Степан быстро разделся и, едва притронувшись щекой к подушке, заснул.

...Кто-то тряс его за плечо, тряс долго, настойчиво. Он с трудом открыл глаза и увидел над собой склонившегося Евгения, одетого, причесанного.

— Вставай, вставай! — посмеиваясь, говорил тот. — Поменьше надо гулять, Степан Романович!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Курсовым вечером называется массовое мероприятие, организованное по воле коллектива, но по некоторым причинам не включенное в план работы месткома.

Готовиться начали со среды; получив стипендию, выложили установленную соглашением сумму и дали организаторам вечера строгий наказ: средства расходовать экономно, но и не скупиться. Хохотушка Нина Соткина, выбранная казначеем («Казначейшей», — поправил Макаров), подняв руку Степана, провозгласила:

— Ответственный заготовитель!

Курс выразил свое полное согласие с выдвинутой кандидатурой и единодушно пристыдил Степана, отчаянно пытавшегося отказаться от поручения.

Словом, в субботу вечер состоялся. В тесной комнате нельзя было повернуться, но, усевшись за стол, все почувствовали себя весело и непринужденно, несмотря на то, что среди студентов сидели почетные гости — Торцова и Атаров.

Когда разобрали рюмки и заменяющие их сосуды, расставили разнокалиберные тарелки, разделили вилки и чайные ложки, откупорили несколько бутылок и кое-как разлили вино, встал Саша Избин.

— Мне поручили сказать первый тост, тост от имени нашего курса. Я два дня писал его... написал и... потерял. Это был очень хороший тост.

— Извините, я вынужден поправить товарища Избина, часто и справедливо именуемого Цицероном, — с полной серьезностью сказал Макаров, предупредив недовольный шум. — Тост, действительно, был написан, но это был очень плохой тост. Я не мог допустить, чтобы Саша потерял славу хорошего оратора, и поэтому спрятал его единственное неудачное произведение.

— К-как? — заикнувшись от возмущения, запальчиво спросил Избин.

— Честное слово, это был очень плохой тост, он мог нам испортить вечер! В нем говорилось о сессии, об отметках, о посещаемости, успеваемости...

— Да! Да! — с жаром подтвердил Саша. — Там говорилось о том, что мы возьмем крепость

науки, каких бы трудностей это ни стоило!

— Ты сказал лучше, чем написал.

— Поднимем бокалы за то, что сказал Саша, — остановил затянувшийся спор Игорь.

Бокалы были подняты и поставлены на стол уже пустыми. Затем студенты обратили внимание на закуски, почетное место среди которых принадлежало винегрету.

Все с восхищением смотрели на Михаила Ивановича, не отстававшего от молодых. Он старался никого не обидеть из угощавших его студентов, сам угощал и смеялся вместе со всеми. Когда второй раз налили вина, Атаров попросил слова.

— Я не писал тоста, поэтому Макарову не удалось его похитить. Ему не удастся также обвинить меня в том, что тост мой плох, раньше, чем я его произнесу... Через много-много лет вы, быть может, вспомните этот вечер. К тому времени у Игоря Третьякова будет уважаемых размеров борода, а у Алеши Макарова — два-три сына, которые доставят ему много неприятностей своей успеваемостью и посещаемостью, если пойдут в отца, — Михаил Иванович прищурился, словно пытаясь себе представить повзрослевших студентов и продолжал серьезно, строго: — Пройдут звонкие студенческие годы. Быстро и ярко пройдут. Обменяют на диплом многострадальную зачетку, уместившую в своих листках пять лет жизни, учебы, поисков, удач и разочарований... Кем вы станете? Преподавателями, учеными, писателями, критиками. Но кем бы вы ни стали, —

голос Атарова зазвучал молодо и торжественно, — пусть до последних дней жизни вас ведет вперед молодое, горячее, неугомонное сердце человека, которому выпало историческое счастье увидеть коммунизм, построенный своими руками! Разрешите мне, старику, поднять бокал за студенчество, за молодость, за горячие сердца!

Студенты встали, поднятые одним радостным чувством. Они смотрели на порозовевшее от волнения лицо профессора, подталкивали друг друга: «Надо ответить! Надо ответить!». И раздалась песня. Ее запели сразу несколько человек:

Полночь странствует над Союзом,
Сонный ветер шуршит в лесах...
По созвездью над каждым вузом
Ночь развесила в небесах.

Хор подхватил дружно и звонко:

Нам останется вечно дорог
Этот круг молодых ребят—
Старость нас не застанет в сорок,
Чуть покажется в шестьдесят.

На какое-то мгновение наступила тишина, как будто все собирались с мыслями, раздумывая, какие слова спеть; и все, словно сговорившись, запели одно, что хотелось высказать каждому:

Веселее, друзья, глядите!
Первым делом — не унывать!
От студенческих общежитий
До бессмертья — рукой подать!

Пел даже минуту назад хмурившийся Саша. Забыв про все обиды, он обнял жестокого Алексея и с чувством подтягивал:

Так поднимем, друзья, бокалы
За невиданные пути...

Ирина смотрела на счастливых первокурсников и ловила себя на мысли о том, что она непрочь сейчас оказаться на месте любого из них. Оттого она и обрадовалась приглашению студентов, что ей давно хотелось побыть среди них не на лекции, не на занятии кружка, а в дружеской обстановке, на каком-нибудь вечере. С преподавателями Ирина пока еще плохо познакомилась; они были значительно старше ее; аспиранты, работавшие под руководством Теремина, казались несимпатичными, рано остепенившимися молодыми людьми.

На днях ей исполнилось двадцать шесть лет. Поздравительные телеграммы расстроили ее: старые друзья далеко, а самый лучший дальше всех и обещает приехать не раньше осени.

На нее удручающе действовали столкновения с Тереминым. Как и следовало ожидать, они быстро проникли за стены кабинета кафедры языкознания. Доцент не раз бывал в партбюро, и она сама попросила партийную организацию заинтересоваться создавшейся обстановкой. Ей пообещали заслушать этот вопрос на ближайшем заседании партбюро. Оно состоялось сегодня. Ирина не готовилась к выступлению и ограничилась заявлением о том, что ей мешает работать не расхождение в

научных взглядах, а поведение заведующего кафедрой.

— Судя по отношению ко мне Сергея Алексеевича, — сказала Ирина, — можно подумать, что на кафедре боятся любой критики. Если это не так, то я не понимаю ни угроз товарища Теремина, ни его запрещения высказывать те мысли, с которыми он не согласен.

Быстрым движением сорвав с переносицы пенсне, Теремин попросил слова.

— Я считаю, что Ирина Леонтьевна намеренно воздержалась от объяснения, почему я вынужден, повторяю вынужден, вести себя так, как не устраивает уважаемую товарища Торцову! — резко начал он. — Ей не нравится, что я веду себя так, как повелевает мне долг советского ученого! Ей не нравится, что я борюсь за авторитет советского языкознания, а не подрываю его! — Теремин остановился, вскинул лицо вверх и торжественно продолжал: — Даже студенты знают, что учение Марра является одним из крупнейших достижений нашей, советской науки о языке. Он поднял языкознание на новую историческую высоту. Его учение революционно, потому что построено на незыблемой основе диалектического материализма. А товарищ Торцова, кстати сказать, еще очень молодой и весьма недостаточно эрудированный научный работник, вместо того, чтобы изучать великое наследие великого ученого, занимается его охаиванием.

— Марр был большим ученым, но зачем же копыа ломать? — негромко спросил Атаров.

— Зачем? — повернулся к нему Теремин. — А затем, что мы не позволим использовать университетскую кафедру врагам советского языкознания!

У Ирины мелко и неприятно задрожали кончики пальцев; она попробовала сжать их в кулаки, но дрожь не унималась. И в то же время думала она спокойно, мысли не перепутались, как бывает в минуты сильного волнения. Когда она почувствовала, что все выходяще смотрят на нее, что надо отвечать, встала. Сразу пропала дрожь в пальцах, захотелось говорить, доказать свою правоту.

— Товарищи! — сказала Ирина и удивилась уверенному тону своего голоса. — Я не буду защищаться от огульных и непродуманных обвинений доцента Теремина, не буду оправдываться потому, что вопрос касается не только нас двоих. Мне хочется обратить внимание на то, что известно всем и о чем не любит говорить Сергей Алексеевич. Положение в языкознании неблагоприятно не потому, что появились враги нового учения о языке, а потому, что его последователи топчутся на месте. Сами ничего не делают и другим мешают. То же самое происходит и в нашем университете. Достаточно возразить Сергею Алексеевичу, как он приходит в неопиcуемый ужас и многозначительно напоминает, что за ошибки расплачиваются. Научные работники, боясь говорить свое, пересказывают только апробированные мысли. Обстановка на кафедре самая ненормальная. Остается один выход — заслушать

отчет о работе нашей кафедры постараться разобраться в этом вопросе и сделать соответствующие выводы.

— Присоединяюсь! — отозвался Теремин. — Выводы, выводы нужно сделать незамедлительно!

...Вспомнив это сейчас, на вечере, Ирина невольно нахмурилась.

— Ночью и днем только о нем? — спросил Михаил Иванович. — Вы решительная женщина, чего вам бояться?

Атаров успокаивал Ирину, но она по тону его голоса догадывалась, что он и сам плохо верит своим ободряющим словам.

Она ничего не ответила, но весь вечер вспоминала эти слова.

На следующий день доцент, едва поздоровавшись, мимоходом бросил:

— Я освободил вас от присутствия на защите курсовых работ; думаю, что не стоит вас перегружать.

Это несколько не огорчило ее: спорить с ним при студентах она не могла, а присутствовать с закрытым ртом не имело смысла. Да и курсовые, надо сказать, неинтересные — обыкновенные усердные компиляции, любимый жанр Теремина.

Он сообщил еще одну новость:

— Я разработал план занятий вашего кружка, утвердим его на заседании кафедры.

— У меня есть свой план, согласованный с кружком; его я и представлю на обсуждение.

— Ах, молодо-зелено! — впервые сочув-

ственно произнес доцент. — Жаль мне вас, Ирина Леонтьевна: не думаете вы о будущем.

Столкновения неожиданно прекратились, стало спокойнее. Ирина старалась не замечать торжествующего лица Теремина, который часто напоминал, что известный ей профессор Золотницкий положительно отозвался о его диссертации и что успешная защита не за горами. А собирается ли она быть кандидатом? Прежде надо забыть о своих крупных ошибках.

Заседание партбюро назначили на девятое мая. Теремин деятельно готовился к докладу. По существу, он сам руководил проверкой работы кафедры и не сомневался, что решение партбюро целиком поддержит его.

Вечером восьмого мая собиралась гроза. Ветер долго гонял тучи то в одну, то в другую сторону и, обессилев, затих на время, оставив их прямо над городом. Тяжелые, потемневшие тучи медленно соединились, потом, словно нацеливаясь, постучали по крышам мелким дождем — и разразились шумным ливнем.

Ирина стояла в подъезде и смотрела на кипящие лужи, на мутные расшالившиеся ручьи. «Что будет завтра?» — с каким-то неожиданно схватившим ее безразличием думала она. Ирина устала. Со времени приезда она настолько загрузила себя работой, что ни разу не побывала ни в театре, ни на концерте. Скорей бы экзамены, а там экспедиция, Москва! Можно будет отдохнуть.

Стало прохладно. Ирина с неохотой поднялась к себе. На столе лежали сегодняшние,

еще не прочитанные, газеты и толстый научный журнал. Она раскрыла его и сразу наткнулась на заголовок «Научная сессия, посвященная 85-летию со дня рождения и 15-летию со дня смерти Н. Я. Марра». Ирина стоя, не нагибаясь, не поднимая журнала со стола и с трудом разбирая текст, стала читать:

«...творческая разработка проблем языкознания возможна только на основе материалистического учения о языке, созданного Н. Я. Марром...

К разрешению теоретических вопросов языкознания Н. Я. Марр подошел с позиций марксизма-ленинизма. ...враги нового учения о языке до сих пор не подвергнуты непримиримой критике...»

Ирина отпрянула от стола, не дочитав фразы до конца. Ей показалось, что она совершила ужасную, непоправимую ошибку, но какую — не знает.

Почему так неприятно-часто колотится сердце?.. Медленно пришла головная боль, крепко сжала лоб и назойливо загудела. Ирина стукнула кулаком по раме, окно распахнулось — в комнату вместе с дождем ворвался ветер, сдул со стола газеты и сердито прошелестел страницами толстого научного журнала.

Что же делать? Учение Марра защищают многие ученые в солидных, переполненных цитатами (это называется эрудицией) речах, а у нее всего лишь ряд мелких замечаний, которые, наверное, можно разрешить в рабочем порядке. Так почему никто не помог ей? Почему... ее выгнали из аспирантуры?! Нет, толстый научный журнал не прав: к противникам

учения Марра применяется самая строгая, самая непримиримая критика!

Что же делать?.. И ошибается ли она? Ни профессор Золотницкий, ни толстый журнал не могли убедительно доказать своей правоты. Их высказывания больше напоминали строки приказа, чем научные доводы. Завтра Теремин выступит с огромной, многопудовой речью и обрушит ее на молодого научного работника Торцову, которая, не обладая достаточной эрудицией, пытается поколебать общепризнанный авторитет!

Ирина села к столу и только сейчас заметила, что в комнате темно и холодно. Пришлось встать, включить лампу и закрыть окно.

Нужно писать, подготовиться к завтрашнему заседанию. Она торопливо исписала несколько страниц. Перечитала. Очень неубедительно. Ирина поднялась, прошла по комнате и вдруг остановилась, почувствовав на себе взгляд добрых, внимательных глаз. Она взглянула на портрет и долго стояла, не двигаясь, потом взяла чистый лист бумаги и начала писать... Временами она взглядывала на портрет, не отрывая пера от письма.

«...вот и вся моя история. Вспоминая ее, я никак не могу понять, что произошло? Мне не хочется верить, что это обычное явление, что так поступают с каждым, кто пытается робко, по мере своих сил возразить нашим авторитетам. И много ли нас, кого называют врагами нового учения о языке?»

Она писала вопрос за вопросом. Внима-

тельно перечла написанное, вложила листок в конверт, еще раз взглянула на портрет и старательно вывела:

Москва. Кремль.
Иосифу Виссарионовичу Сталину

* * *

Каждый шаг в учебе был для Степана важным и выдающимся событием. К обыкновенному для других делу Лукьянов всегда относился очень серьезно и взволнованно. Такими событиями для него были и доклад на семинаре, и выступление на коллоквиуме, и контрольная по французскому языку. Евгению в душе нравилось это восторженное отношение к будничным студенческим обязанностям, но он все-таки не упускал случая добродушно подшутить над товарищем. Степан не обижался.

Сегодня, после защиты курсовой работы, он отдыхал и своим беспечным видом даже мешал Евгению готовиться к экзамену.

Защита прошла удачно. Степан не особенно хорошо прочел свой десятиминутный реферат, но на вопросы и замечания отвечал уверенно. Кстати сказать, после каждого ответа он мысленно благодарил Ежова за помощь. Тот ему и тему помог выбрать, и в работе помог.

«Научусь, дайте срок, — думал Степан, — не сразу Москва строилась». Он уже редко вспоминал о сомнениях, охвативших его, когда собрался поступать в университет. В том, что он, заводской токарь, решил стать филологом,

не было для него ничего особенного. Теперь Степан убедился, что не ошибся в выборе, что найдет место в науке.

Но сегодня, встретив в библиотеке Соловьева, презрительно отвернувшегося от него, Степан почувствовал, как от неприятного ощущения сжалось сердце. Раньше он не обращал внимания на недружелюбные взгляды Соловьева: что поделаешь, если не по душе кому-нибудь пришелся; но после сегодняшней встречи он невольно задумался.

История отношения Степана и к науке, и к своей профессии длинная, с ней связано многое из его жизни. В детстве ему, например, казалось, что люди делятся на простых и необыкновенных. Необыкновенными он считал в первую очередь выступавших в клубе артистов из города. Смотря спектакли, Степан поражался тому, что есть на свете удивительные люди, способные творить удивительные дела. Но ему пришлось убедиться в том, что артисты — тоже обыкновенные люди.

Особенно нравился Степану один из артистов, с громовым голосом, который хорошо было слышно даже на улице перед клубом. Вот с этим удивительным и загадочным человеком подружился Степан. Артист в жизни ничем необыкновенным не отличался, но занимался он целыми днями. То на несколько часов закрывался в комнате, то читал красивые стихи...

Другое воспоминание о необыкновенных людях было связано с академиком Торцовым.

Этот человек тоже восхищал способностью к неустанному труду. Степан видел, что старик на каждом шагу учится, пополняет свои знания и трудится, трудится, трудится.

Понял Степан: необыкновенным человека делает труд. Кто больше трудится, тот и лучше других. И главное в каждой профессии — любовь к своему труду, умение работать без усталости.

Если Степан не боится труда, если твердо решил стать ученым — ничто этому не помешает.

Но почему Теремин и этот высокомерный четвертокурсник Соловьев считают, что им открыты двери науки, а ему нет? Да, Степан пришел в университет от станка. Это их смущает. Зря! Из десятилетки в вуз обычная дорога, на ней чаще бывают случайности. А вот если заводской парень захотел — и поступил в университет, значит, есть у него силы. Именно так!

Степан расправил плечи, провел рукой по непослушной шевелюре и улыбнулся, как всегда бывает с человеком, когда ему удается избавиться от грустных, тревожных мыслей.

Все его товарищи-первокурсники делают первые шаги, а по первому шагу трудно решить, как будет потом ходить человек. Правда, одни увереннее идут, быстрее, другие — помедленней. Игорь Третьяков взял быстрый темп. Этот умеет вырваться вперед. В библиотеке завода имени Фрунзе хранятся собранные Игорем отзывы читателей о романе Фадеева «Молодая гвардия». Триста отзывов! Сейчас

Игорь готовит второй сборник — «Читатели о Маяковском». Начинанием Игоря заинтересовалась «Литературная газета», напечатавшая статью о нем.

Степану очень хочется сделать что-нибудь интересное. Но пока не получается. Всему, видимо, свое время.

Он встал и подошел к Евгению. Тот поднял голову и улыбнулся.

— Характер у тебя, Степа, хороший; умеешь и порадоваться и погоревать, — Евгений встал, вытянул руки в стороны и медленно прижал их к плечам. — Послезавтра экзамен. Потом второй, третий, четвертый...

— Размечтался! — засмеялся Степан. — А характер и у тебя неплохой.

— Спасибо. Ты мне лучше скажи, как Маша поживает.

— Не знаешь разве? На меня посмотри. Если мне хорошо, значит и у нее дела хороши.

Евгений улыбнулся: он с таким неумелым афоризмом согласен, потому что ему тоже очень, очень хорошо.

* * *

В это майское, ничем особым не примечательное утро студенты пятого курса филологического факультета волновались как никогда: было оглашено расписание заседаний кафедр, посвященных защите дипломных работ. В числе других вывесила объявление и кафедра языкознания. Там значилось всего две фамилии.

Меньше всего о результатах защиты беспокоился Теремин. Его подшефные всегда получали «отлично», заседания проходили спокойно, без споров. И на этот раз все обстояло благополучно: рецензии давно написаны, работы отпечатаны на машинке, переплетены. Остается одно: предупредить Торцову, чтобы она не вздумала нарушать установившийся порядок. Наверное, это легко удастся.

Теремин (в который раз!) с удовольствием любовался своей статьей «Положение в языкознании и задачи кафедры», напечатанной в последнем номере многотиражной газеты. С трудом удерживаясь от соблазна читать вслух, он медленно водил глазами по строкам:

«Кафедра русского и общего языкознания нашего университета ведет упорную борьбу за материалистическую науку о языке. К этому были направлены, в частности, мои статьи и работы, а также объяснительные записки к ряду курсов, намечающие пути перестройки существующих программ и методов преподавания и научно-исследовательской работы. Спецкурс, прочитанный для дипломантов, был так же построен на основе нового учения о языке академика Н. Я. Марра».

Он пропустил небольшой абзац, рассказывающий о «некоторых недостатках» работы кафедры и продолжал читать дальше:

«Недостатки вызывают настоятельную необходимость перестройки всех программ читаемых дисциплин. Решение этой задачи — патриотический долг советских ученых. Нужно настоятельно пропагандировать учение о языке академика Н. Я. Марра — краеугольный камень советского материалистического языкознания».

Неплохо написано. Тактично и... остро! Имя Торцовой не упомянуто, и никто не сможет сказать, что он будто бы сводит личные счеты. Нет и нет! Принципиальные разногласия в научных взглядах. Кроме того, статья должна оказать ошутительное влияние на ход обсуждения работы кафедры. Это, пожалуй, ее основная цель.

В три часа к нему зашли дипломанты, работами которых он руководил.

— Волнуетесь? Переживаете? — принялся весело расспрашивать доцент. — Ничего, ничего. Обойдется. Работы выполнены хорошо.

Но у студентов был не взволнованный, а растерянный вид. Они переглядывались друг с другом и молчали, не решаясь заговорить.

— Что-нибудь случилось? — спросил Термин.

— Случилось, Сергей Алексеевич, — несмело ответил один из студентов. — Мы сейчас радио слушали, обзор сегодняшнего номера «Правды».

— И что?.. Интересная статья? О чем?

— «Правда» открыла свободную дискуссию по вопросам языкознания.

— Напечатана статья профессора Чикобавы.

Если бы сейчас Термину сообщили, что он отстранен от заведывания кафедрой, он не был бы так ошеломлен. Быстро взвесив все обстоятельства, он нашел бы выход из положения: еще можно пожаловаться на незаконные действия вышестоящим инстанциям, еще можно

пообещать устранить недостатки и т. д. Но то, что сообщили студенты, было во много раз страшнее. Что делать? Почему слово в печати предоставлено одному из противников Марра? Неужели... Как тогда быть с диссертацией? Можно ли ее переделать?.. Нет!.. Почему именно дискуссия? Странно звучит — свободная. Неужели нельзя было обойтись одной, руководящей статьей, указать на ряд ошибок, пути их преодоления? А теперь ни один ученый не может оставаться спокойным за свой авторитет. Свободная дискуссия! Это звучало как-то непривычно, от одних этих слов Теремину сразу же стало не по себе. Какова теперь будет правильная установка?

Все эти мысли промелькнули в голове мгновенно, внешне Теремин ничем не выдал своей растерянности и сказал по возможности невозмутимым тоном:

— Завтра познакомимся со статьей. Мне думается, что дискуссия закончится не скоро, после вашей защиты. Будьте здоровы.

Когда ушли студенты, Теремин ничем не мог заняться, думал об одном: как вести себя на сегодняшнем заседании? Конечно, анализ работы кафедры упрется в полемику с этой Торцовой. Если правы сторонники Марра, она ведь немного потеряет, а если он окажется в лагере ошибавшихся...!! Теремин схватился за телефонную трубку.

— Попрошу партбюро. Игнатий Федорович? Не оторвал от работы? Очень не хочется беспокоить вас, но... — он выдержал паузу, чтобы

побороть не оставлявшее его волнение, и спросил: — Новость не слышали? О дискуссии в «Правде»?.. Рады?! Да, я, собственно, тоже... рад... Совершенно с вами согласен: поможет разобраться. Конечно, лучше, чем одна статья; будут высказаны многие мнения... Как же быть с сегодняшним заседанием?

Из трубки доносился чуть приглушенный голос, все интонации которого Теремин по привычке ловил обоими ушами.

Сообщение секретаря ничуть не успокоило доцента. Ну, хорошо, заседание перенесли, а что... что будет дальше?

Теремин осторожно, словно кто-то мог осудить за это, покосился на портрет Марра и со вздохом произнес многозначительное «мда». Не-хо-ро-шо. Одно слово: нехорошо. Скоро с кучей вопросов придут аспиранты, завтра принесут газеты. Разговоров не оберешься.

Он быстро оделся и через боковую дверь выскользнул на улицу. Дома, сказавшись больным и заявив, что не в состоянии подходить к телефону, закрылся в своем кабинете и предавался невеселым размышлениям. Вспомнилось далекое прошлое: школа, институт, аспирантура, начало преподавательской работы. То, что эти воспоминания пришли на ум именно сейчас, вполне понятно. Начавшаяся дискуссия должна подвести итог его деятельности и жизни. И если результаты дискуссии будут положительными, он может попрежнему быть уверенным в себе, может с гордостью подчеркивать, что всю жизнь защищал передовое уче-

ние, пропагандировал и поднимал его авторитет. Это ли не счастье для ученого! В жестокой борьбе оказаться правым! Тогда станет близкой защита кандидатской диссертации, найдутся силы и опыт для завоевания докторской степени... Он улыбнулся.

В школе Сережа Теремин с первого класса был примерным учеником. За недетскую серьезность и очки его дразнили профессором, и он не обижался; прозвище даже льстило ему.

В институте Сергей Теремин с первого курса, казалось, был примерным студентом: учился на «отлично», неизменно выбирался в состав профкома, сначала факультетского, потом вузовского. Но он не мог не заметить, что товарищи почему-то недолгоблюдали его. Это он чувствовал по многим мелочам и по тому, что никак не мог найти себе настоящего друга. Его выдвигали в президиум, посылали делегатом на различные конференции, но не приглашали на дружеские вечера или в гости. Сергей немного поразмыслил и перестал обращать на это внимание. В конце концов, все просто завидуют ему. Когда настало время выбирать специальность, он серьезно задумался. Для однокурсников такой вопрос не был трудным, у каждого давно была выбрана любимая специальность. А Сергей рассуждал иначе, потому что в глубине души не ощущал особой, живой любви к науке. Он просто решил, что рожден стать ученым, например филологом, и его не влекла к себе какая-то одна, определенная специальность. Приходилось руководствоваться другими

соображениями. Во-первых, не следовало выбирать самой легкой, самой популярной специальности: и без него желающих много; во-вторых, надо определить такую область науки, в которую другие идут неохотно, для овладения которой надо обладать усидчивостью выше средней. Если забыть об этом, попадешь не в аспирантуру, а в районный центр.

Взвесив обстоятельства осторожно и вдумчиво, Сергей заявил о своем горячем желании специализироваться по древне-русской литературе. Через несколько дней его попросили написать заметку в стенную газету и он, просидев над листом бумаги целый вечер, обстоятельно поведал о том, как с детства мечтал отдать все силы изучению древне-русской литературы.

Скоро стало известно, что открывается аспирантура именно по этой специальности, и Сергей сразу был отмечен как один из наиболее возможных кандидатов.

Теремин умел заниматься. Строгий к себе, он подчинил всю жизнь занятиям, читал только литературу, рекомендованную в программах, завел внушительную картотеку, набил руку на докладах и рефератах, словом, уверенно готовился к поступлению в аспирантуру.

Но перед самым окончанием института произошло событие, смешавшее все планы: из-за недостатка преподавательских кадров прием в аспирантуру временно прекратили. Как одному из наиболее подготовленных выпускников, Теремину предложили сдавать экзамены в аспи-

рантуру по другой специальности. Но это было уже запасным выходом. Запасным и единственным, а он должен был поступить в аспирантуру во что бы то ни стало. И опять тщательно обдумав положение, он дал согласие. Студенты в глаза спрашивали:

— Устраиваешься? Лишь бы в аспирантуру?

Ему показали статью «Моя любимая специальность» в стенной газете, он презрительно поморщился и отвернулся.

Так Теремин стал лингвистом. За короткий срок он сдал несколько предметов, написал несколько работ, завел новую картотеку — начал осваивать новую специальность добросовестно и прилежно.

Окончить аспирантуру не удалось из-за войны. Институт эвакуировался в глубокий тыл, по дороге Теремин заболел, а едва встав на ноги, снова слег и вышел из больницы настолько ослабевшим, что оправился лишь в самом конце войны. Больной, ночами он не отрывался от книг и учебников, учил греческий язык. Наконец, можно было возвращаться в родной институт, но Теремин отказался, считая, что здесь выдвинуться куда легче. Для этого, полагал Теремин, надо обладать как раз теми качествами, которые он выработал в себе.

Начавшаяся дискуссия поставила под удар и научные взгляды и личные качества.

Нельзя сказать, что Теремин был против критики и самокритики вообще. Ни в одном

своим печатным или устным выступлением он не мог обойтись без многократного повторения этих слов, не мог не упомянуть о недостатках, своих или чужих. Он считал, что без этого нельзя: не отметишь сам, отметят другие, что может привести к большим неприятностям, которых он боялся как огня. Недостатки недостаткам рознь. Есть спасительный «ряд недостатков», который может, не опасаясь последствий, признать за собой любой руководитель. К тому же без ошибок нельзя, только не надо выносить сор из избы, все вопросы можно разрешить своими силами, без шума, без дискуссий...

...Нет, нельзя оставаться спокойным. Надо подготовиться к завтрашнему дню, придется высказать свое мнение и о статье, и о дискуссии: он ведь, так сказать, возглавляет лингвистическую мысль в университете.

* * *

Девятого мая диалектологический кружок собрался для уточнения плана летней экспедиции. Десять студенческих бригад с нетерпением ждали экзаменационной сессии и отъезда на места.

За лето предполагалось изучить говоры семнадцати населенных пунктов. Сознание того, что эта работа необходима науке, взволновало каждого; не надо было доказывать значения проводимых экспедиций, кружковцы мечтали

только о том, как бы скорее добраться до места.

Торцова наставляла своих питомцев:

— Ни на минуту не забывайте, что нам доверена ответственная, государственной важности работа. Наш долг—выполнить ее в высшей мере доброкачественно, без брака. Никаких скидок на трудности (а их будет много), думайте лишь об одном: надо выполнить задание.

У Степана от волнения перехватило дыхание, он крепко сжал кисти рук, чтобы не крикнуть:

— Выполним!

Впрочем, ликовали все и трудно сказать, кто сильнее. Очень уж заманчивой выглядела предстоящая работа. Исследованию подвергались села и деревни возрастом более двухсот лет, самые отдаленные от городов, заводских поселков, судоходных рек и железных дорог.

— Учтите, — напоминала Торцова, — что не так-то легко будет найти объекты для исследования. Народные говоры значительно преобразились под культурным влиянием города. Диалектологу поэтому приходится выбирать жителей преклонного возраста. Надо уметь разговаривать с ними, научиться незаметно заставлять их произносить нужные слова, обязательно записать по возможности большой связный текст.

После занятия, как и было условлено между студентами, Степан обратился к Торцовой. Он, конечно, смущался, но говорил громко и уверенно:

— Ирина Леонтьевна! Все мы, кто работал в кружке, хотим вас поблагодарить. Очень многому вы нас научили, хорошо с нами занимались. Чувствуем сейчас, что есть для нас место в науке, есть работа. С заданием мы справимся; хватило бы ума, а желания у нас хоть отбавляй.

— Спасибо, товарищи,—растерявшись, ответила Ирина. — Мне очень... радостно оттого, что вы... Словом... ну, вы понимаете, что я хочу сказать.

Студенты окружили ее, вперед протиснулся Макаров и спросил совершенно не к месту:

— А чем, по-вашему, кончится дискуссия?

Торцова пришла в себя и заговорила обычным, рассудительным тоном человека, привыкшего часто объяснять:

— Вряд ли кто сейчас сможет ответить на такой вопрос. Во всяком случае, значение ее для науки неосценимо. Призыв к дискуссии — это большевистский, прямой подход к делу, это, по-моему, наиболее действенный путь преодоления застоя в языкознании.

— Вот что было для нас своего рода неожиданностью, — торопливо проговорил Саша Избин. — Изредка мы читали о том, что в языкознании не все благополучно, а в основном нам об успехах сообщали.

— А интересно все-таки! — по своей привычке перебивать остановил Сашу Макаров. — Правильно я делал, что Марра не конспектировал. Приходилось Теремину чужие конспекты демонстрировать.

Его одернули, он пожал плечами: что, дескать, особенного, — но замолчал.

— Скажите, Ирина Леонтьевна, — вступил в разговор Игорь Третьяков, — а вы за или против Марра? Сейчас ведь можно вслух говорить: свободная дискуссия.

— Вы второй раз спрашиваете меня об этом. Повторяю, дело не в том, кто за и кто против, а — кто прав. Этого никто не может сказать; это и называется застоем.

После занятий она пошла не домой, как обычно, а на берег Камы... Если бы ее спросили, чего она хочет, она бы сказала: стоять на свежем ветру и смеяться. Это было самое настоящее долгожданное счастье. Свободная дискуссия! Скоро все станет ясным!

Радость, как и горе, не приходит одна. Именно сегодня Ирина получила несколько писем от друзей и среди них письмо от самого лучшего. Оно ободрило ее и немножко рассмешило.

«...Сколько раз я тебе говорил: иди в геологи. Вместе бы по тайге бродили, медведей пугали. А то попала в беду, а я тебе ничем не могу помочь. Путаное дело — наука ваша. То ли у нас, геологов: почти все теории можно глазами и руками проверить.

Сегодня в экспедиции нашей праздник. Кажется, нашли что искали. На радостях устроили пир, половину недельного пайка уничтожили.

А профессию ты все-таки хорошую выбрала: раз трудно, значит интересно.

К осени приеду, свадебное платье шей...»

Ну что ты поделаешь, если глупые слезинки сами из глаз бегут? На сердце радостно, петь

хочется, а ты сидишь и плачешь. А когда он газету получит?

Высоко в небе загудел мотор самолета. Ирина прислушалась, проводила темную точку глазами и вдруг подумала: «А ведь газеты уже могут быть в городе!» Сейчас на почте их распаковывают, рассылают в почтовые отделения, а завтра утром почтальоны доставят адресатам сегодняшние номера «Правды». Она впервые пожалела, что живет не в Москве. Там давно все прочитали «Правду», в институте споры в самом разгаре, Золотницкий произносит десятую речь.

Выбежав на улицу, Ирина сообразила, что спешит на почту.

Запыхавшись, Ирина вошла в кабинет начальника почтамта. Тот с недовольным лицом выслушал ее и, занявшись разбором бумаг на столе, коротко бросил:

— Не могу.

— Я вас очень прошу, — дрогнувшим голосом сказала она, — мне только на минутку, только взглянуть.

— Завтра утром... — заговорил было начальник, но, посмотрев на нее, без слов открыл стол и достал газету.

Ирина почти выхватила ее и развернула. Прочитав заголовок «О некоторых вопросах языкознания», она передохнула и впиалась глазами в строки, напечатанные четким крупным шрифтом. Их было совсем немного. Она читала и ей казалось, что они написаны кем-то очень близким, чутким и добрым, хорошо знающим

ее беду, не боящимся сказать горькую правду прямо в глаза:

«В связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание, редакция считает необходимым организовать на страницах газеты «Правда» свободную дискуссию с тем, чтобы путем критики преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области».

В каждом слове правда. В нескольких строках сказано о том, о чем безрезультатно думали сотни ученых. Именно, дать правильное направление.

— Гражданка, — позвал ее начальник почтамта, — минутка давно прошла. Завтра почитаете, если уж вам так интересно.

— Дайте мне один экземпляр, — умоляюще попросила Ирина, — не могу я ждать до завтра. Честное слово, не могу.

— Про вас что ли напечатано?

— Да, да, про меня! — обрадованно подтвердила она.

— Так бы сразу и сказали. Берите тогда.

* * *

Начало дискуссии всколыхнуло весь университет. К филологам обращались студенты других факультетов, просили ввести в курс дела, рассказать, объяснить, растолковать. В общезжитиях филологи по просьбе малосведущих в языкознании химиков, физиков и математиков читали целые лекции, консультировали.

В горячую пору подготовки к экзаменам студенты находили время для долгих споров.

Большинство будущих лингвистов и литературоведов только сейчас по-настоящему задумалось над учением Марра. В их сознание оно вошло как непогрешимое и глубокое до непонятности. Сначала трудно было поверить, что восхваляемое и превозносимое учение может подвергаться полному пересмотру.

Странно выглядело то, что к Теремину редко кто обращался с вопросами, словно он не имел никакого отношения к дискуссии. Зато Торцова в перерывы и после лекций была окружена студентами. Особенно волновались выпускники.

Семнадцатого мая Теремин давал последнюю консультацию для дипломантов. Однако в аудиторию собрались студенты всех курсов. Доцент пришел с номером «Правды»; в ней была очередная статья. Отвечая на вопросы, он не выпускал газеты из рук, и студенты почему-то не сводили с нее глаз.

— Подводя итог сказанному, следует напомнить, что именно советскому языкознанию и академику Марру в первую очередь удалось создать материалистическое учение о языке, — подчеркнуто спокойно говорил Теремин. — Статья в «Правде», опубликованная во вчерашнем номере, называется «За творческое развитие наследия академика Н. Я. Марра». Вот единственный путь.

— Статья — дискуссионная, — негромко, но отчетливо сказала сидевшая за первым столом Ирина.

Теремин недовольно пошевелил бровями и наставительно произнес:

— По-моему, «Правда» даже в дискуссионном порядке не может напечатать статью, противоречащую правильным установкам.

— «Правда» первой напечатала статью профессора Чикобавы, которая как раз противоречит тому, что вы называете установками, — осторожно возразила Торцова.

Доцент сжал губы, долго протирал пенсне, долго надевал его и затем ответил неопределенно:

— Дискуссия выявит ошибки, в этом нет сомнений.

Вера Кротикова вежливым до дрожи в голосе тоном попросила:

— Сергей Алексеевич, расскажите, пожалуйста, нам, а каково ваше мнение о статьях? Нам это очень интересно услышать.

Аудитория затаила дыхание, ожидая ответа. По наступившей тишине Вера Кротикова поняла, что неосмотрительно задала очень скользкий вопрос. Теремин взглянул на студентов и неохотно заговорил:

— Если вы знакомы с моими убеждениями, то можете легко и безошибочно догадаться, какую точку зрения я отстаиваю. Мне кажется, что вам не стоит слишком увлекаться ходом дискуссии, вы еще плохо подготовлены для этого.

Шумом и шопотом ответила аудитория. Словно поправляясь, Теремин продолжал:

— Я не думаю, что дискуссия внесет какие-то резкие изменения в существующую

систему взглядов. Она должна доказать правильность выбранного советским языкознанием пути. В «Правде» есть замечательные слова... — Он раскрыл газету, но процитировал наизусть, глядя на аудиторию: — «Строить подлинно марксистское языкознание без Марра я считаю неприемлемым...» Я поддерживаю эту точку зрения... Кстати сказать, Ирина Леонтьевна Торцова не согласна со мной. Может быть, она скажет нам что-нибудь?

Теремин обратился к ней только потому, что сам не хотел говорить: нельзя же в конце концов делиться со студентами всеми своими мыслями о дискуссии.

Ирина вышла вперед.

— Мне бы хотелось похвалить вас, товарищи, за живой интерес к дискуссии, результаты которой, конечно, помогут вам в дальнейшей учебе и работе. Очень хорошо, что вы следите за ходом дискуссии, обсуждаете статьи. Несколько слов о моей точке зрения. Мне кажется, что учение академика Марра о языке содержит ряд ошибок. На мой взгляд, они заключаются в...

— Ирина Леонтьевна, я думаю, мы воздержимся от параллельной дискуссии? — весьма вежливо остановил ее Теремин.

— Почему? — тем же тоном возразила она. — У нас есть свои собственные ошибки, надо разобраться в них. По-моему, не следует бояться выслушать точку зрения противника в научном споре.

— Для этого мы соберем заседание ка-

федры, — уже резко сказал доцент. — Сейчас идет не собрание, а моя консультация.

И снова аудитория ответила недовольным гулом. Уловив его, Теремин попытался исправить положение:

— Как только будут подведены итоги дискуссии, состоится общее собрание, на нем мы и обменяемся своими мнениями.

Поклонившись, он вышел. Ирина направилась вслед за ним, но ей преградили дорогу студенты.

— Ирина Леонтьевна, — сказал один из стоявших впереди, — давайте каждую статью обсуждать? Очень вас просим.

— С удовольствием, — улыбнулась она. — А экзаменам не помешает?

— Нет! Нет! — ответили сразу несколько человек. — Найдём время!

В коридоре ее догнал Степан. Она уже привыкла к его застенчивости и нерешительности и поэтому обратилась к нему первая:

— Как к сессии готовитесь?

— Основательно, — обрадованно ответил он, — дискуссия помогает. Читаю материалы и чувствую себя... как бы сказать... будто сам участвую.

— А вы какого мнения о статьях?

— Ну, какое у меня может быть мнение? — смущенно отозвался он. — Одно только скажу, что я из-за Марра чуть университета не бросил, то есть не из-за Марра, а из-за Теремина... Не мог я нового учения осилить.

— Я тоже.

— Вы?! — изумился Степан.

— Представьте себе, не могу разобраться.

Они простились, и Степан, по дороге вспоминая разговор, разводил руками. Евгения дома не было. На столе лежала записка:

«Степа! Меня вызвали в обком. Приду, по всей вероятности, не скоро. В комнате прибрать не успел, извини, но как приду, сразу веник в руки».

Степан повертел записку в руках, чему-то улыбнулся и с удовольствием принялся за уборку.

Хорошо жить на белом свете! Интересно!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Когда начинаешь вспоминать навсегда запавший в сердце июньский день, кажется, что статья товарища Сталина не могла не появиться, что ход дискуссии настоятельно требовал его мудрого вмешательства. Читая одну за другой публиковавшиеся статьи, все словно чувствовали, что самое главное еще не сказано.

Для Ирины смысл дискуссии был делом всей жизни. Она и сейчас не жалела, что в тот грозовой вечер написала самое откровенное в жизни письмо. Она ждала ответа, хотя не верилось, что вождь находит время, чтобы отвечать на тысячи писем, поступающих к нему со всех концов земного шара.

Когда на почтамте Ирина подала письмо девушке в синей тужурке с петлицами, та спокойно, словно это было самое обыкновенное письмо, сказала:

— Обратный адрес укажите.

Торцова взяла письмо, долго писала адрес общежития на Заимке и никак не решалась вернуться к окну, где принимали заказные письма. А через несколько минут она с еще большим изумлением и радостью читала адрес на почтовой квитанции: «Москва. Кремль. И. В. Сталину». Все оказалось до удивления просто. Она спросила девушку:

— Часто такие письма посылают?

— Каждую смену принимаю, — обрадованно закивала девушка, — иногда и не по одному. Вы не беспокойтесь, будет доставлено точно по назначению.

И все-таки никак не верилось в то, что ответ придет.

Собираясь идти в университет, Ирина включила радио.

«Ко мне обратилась группа товарищей из молодежи с предложением — высказать свое мнение в печати по вопросам языкознания», — услышала Ирина.

Она сразу поняла, кому принадлежат эти слова.

...Плачут не только от горя, плачут и от большой неумемной радости, не вмещающейся в сердце. Словно прямо из него бегут слезы, теплые-теплые, капают на бумагу, размазывая буквы, и ты не стыдишься: они — счастли-

вые. Ирина улыбалась и растирала слезы по щекам, чтобы они не падали на слова, которые она торопливо записывала вслед за диктором. Ей хотелось остановить его, попросить читать медленнее, а некоторые фразы повторять.

С особенным ликованием она слушала то, что казалось ответом на ее вопросы. Один был так похож, что она поближе придвинула репродуктор, когда услышала:

«...Верно ли, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового, общенародного языка не существует?»

Ирина привстала, ожидая ответа. Он был по-сталински лаконичен и прост:

«Нет, неверно».

Это был ответ, ответ всей науке, всем заблуждавшимся и ищущим верных путей. Вождь отвечал на вопрос за вопросом, и все сразу становилось ясным, понятным и уже с удивлением думалось: а разве можно было мыслить иначе?

У нее задрожала рука, когда она торопливо писала:

«Дискуссия выяснила, прежде всего, что в органах языкознания... господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого «нового учения» в языкознании преследовались и пресекались... За критическое отношение к наследству Н. Я. Марра, за малейшее неодобрение учения

Н. Я. Марра снимались с постов или снижались по должности ценные работники и исследователи...»

И хотя голос диктора звучал ровно, Ирина после каждой фразы ставила радостные восклицательные знаки. Не было в статье ни одного слова, которое не таило бы в себе великого смысла и мудрости. Отеческим, заботливым советом, строгим напутствием звучали заключительные фразы:

«Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание, — таков по моему путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание».

Она с сожалением отложила перо в сторону, посмотрела на портрет и живо вспомнила майский грозовой вечер.

Но предаваться воспоминаниям нет времени, надо идти в университет, на праздник, порадоваться вместе со всеми. Ирина собрала исписанные листы, бережно сложила в портфель.

А в университете никто не отходил от репродукторов.

Едва разнеслась весть о том, что по радио передают статью вождя, к репродукторам бросились все, кто услышал важное сообщение. С одинаковым волнением слова вождя ловили будущие геологи, биологи, юристы, химики, математики, строители, физики.

Сталин умеет свои гениальные мысли делать понятными и доступными каждому. Самые

сложные законы, самые глубокие выводы он формулирует с ленинской простотой и точностью.

С неверного, запутанного пути вождь выводил науку и ученых на светлую и прямую дорогу. В этот день каждый ученый получил возможность проверить себя, оглянуться на пройденный творческий путь с высот сталинской мысли.

Неоценимой помощью была статья вождя для тех, кто боролся против аракчеевского режима, кто пытался внести в языкознание новое, кто, может быть, ошибался, но действительно стремился обогатить советскую науку.

Суровым уроком и строгим предупреждением была статья вождя для тех, кто забыл о долге советского ученого, кто боялся нового, кто предпочитал авторитетную цитату живой мысли.

...Голос диктора остановил доцента в коридоре, когда он возвращался к себе в кабинет после заседания экзаменационной комиссии.

— Сталин! — радостно шепнул ему незнакомый студент, показав глазами на репродуктор.

«Верно ли, что язык есть надстройка над базисом?»

«Конечно, верно», — подумал Теремин, еще как следует не осмыслив происходящего.

«Нет, неверно», — словно возражая прямо ему, заявил диктор.

Теремин застыл с раскрытым ртом, потом

осторожно прошелся по коридору, скрылся в своем кабинете и осторожно включил радио. Доцент слушал и одновременно мучительно размышлял, что делать.

А диктор читал настойчиво, но не повышая голоса, и от каждой фразы хотелось спрятаться.

«Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом.»

При словах «аракчеевский режим» Теремин отодвинулся от радио; ему показалось, что он ослышался.

«Дискуссия не только разбила старый режим в языкознании, но она выявила еще ту невероятную путаницу взглядов по самым важным вопросам языкознания, которая царит среди руководящих кругов этой отрасли науки.»

Теремин нервно зашагал по кабинету. Хорошо, что он не принадлежит к этим руководящим кругам! Но... Теремин остановился: ведь он возглавляет лингвистическую мысль в университете! Теперь-то ему напомнят это!

А как же быть с Марром? Может быть, все-таки...

«Нет уж, избавьте нас от «марксизма» Н. Я. Марра», — слышалось из репродуктора.

Все. Диссертация погибла. Пропали годы напряженнейшей работы, не стоило использовать семьсот пятьдесят девять источников на

трех языках. А сколько было проконсультировано докладов и лекций, сколько написано статей! И все это, оказывается, не научная деятельность, а *идеологические прорехи*.

Однако нужно принимать меры. Теремин стал напряженно обдумывать, с чего начать. Он долго ходил по кабинету, пока его взгляд не упал на портрет Марра. Не успев подумать, Теремин подставил стул к стене и, встав на цыпочки, взялся за громоздкую раму.

* * *

Собрание открыл ректор.

— Не нужно произносить громких трескучих фраз, которые в большом ходу на кафедре языкознания, — сказал Илья Александрович. — Нужно честно вскрыть наши крупные ошибки, постараться наметить пути самого скорейшего их устранения.

Первым попросил слова Теремин. Он подошел к кафедре сосредоточенный, скромный.

— Только сейчас, после опубликования гениальной статьи товарища Сталина «Относительно марксизма в языкознании», стало очевидным, какую путаницу внес Марр в науку о языке, дезориентировал нас, лингвистов, и вел по пути вульгаризации марксизма, — начал доцент. — Наша задача состоит в том, чтобы как можно скорее избавиться от грубейших ошибок Марра. Со своей стороны я считаю необходимым до конца сессии прочитать студентам курс лекций о сталинском учении о языке и

организовать сдачу зачета. Для более интенсивного овладения произведением товарища Сталина я составил вопросник, который предлагаю положить в основу подготовки к этому важному зачету.

В зале раздался такой шум, что председатель вынужден был встать и потребовать тишины, громко постучав карандашом по графину с водой.

Теремин горячо и яростно громил учение Марра, аракчеевский режим, путаницу в основных вопросах языкознания. И только упомянув о ряде недостатков и пообещав их исправить, доцент покинул кафедру.

С первого ряда поднялся Атаров. Как всегда, он сначала оглядел аудиторию, погладил бородку и заговорил:

— Скажу сначала о своей работе. Литературоведение и языкознание — смежные науки, часто прибегающие к услугам друг друга. И, конечно, застой в языкознании отражался и на литературоведении. Вслед за Марром и его последователями мы явно недостаточное внимание уделяли вопросам грамматики, то есть вопросам языка. Литераторы, занимаясь главным образом анализом идейного содержания произведения, забывали об анализе языка. Я вчера перечитал некоторые свои и ваши, студенческие, работы и увидел, что сам неправильно думал и учил неправильно. — Атаров помолчал. — Выступление товарища Сталина касается работы каждого вуза, каждой кафедры. Именно о своих конкретных ошибках

должны мы говорить. Вот поэтому меня не удовлетворило выступление доцента Теремина, посвященное, в основном, критике Марра, которого он недавно превозносил до небес. Надо было, Сергей Алексеевич, о своих личных грехах поведать, и у нас ведь аракчеевский режим был...

Собравшиеся отказались от перерыва. Атмосфера становилась все напряженнее и взволнованнее. Теремин вынужден был отвечать на множество вопросов, давать справки, обещать, обещать, обещать.

Большое впечатление произвело коротенькое выступление одного из дипломантов:

— Десять дней назад я защитил на «отлично» дипломную работу «Теория классовости языка в освещении академика Марра», вчера сдал последний государственный экзамен... Но не могу я, не имею морального права получать диплом. Обещаю за год написать новую работу, а пока пойду учительствовать.

Первым зааплодировал Саша Избин, за ним все.

— Трудно передать ту радость, которая охватила каждого из нас после знакомства со статьей товарища Сталина,—сказала Ирина.— Сейчас мы можем смотреть далеко вперед и идти путем, указанным гениальным ученым. И будущий лингвист, в который раз перечитывая пожелтевший номер «Правды», с завистью подумает о нас, кому выпало счастье в июне тысяча девятьсот пятидесятого года впервые

прочесть статью «Марксизм и вопросы языкознания», вошедшую в золотой фонд культуры Человечества...

* * *

Предстоящая экспедиция радовала Степана. Не пугало его и то, что обком комсомола поручил студентам-филологам помочь райкомам комсомола в создании новых колхозных комсомольских организаций. Вчера на заседании факультетского партбюро был утвержден подробный план этого мероприятия. Работа предстояла немалая, но это был отдых!

Степан проверял содержимое своего чемодана. Уместилось все, кроме гири. При огромном уважении к этому тяжелому предмету, Степан решил не брать его в далекую дорогу.

Дни стоят жаркие, весна давно уступила место лету. Июнь выдался на редкость душный и пыльный. Едва поднявшись над горизонтом, раскаленное, словно появившееся из печи, солнце быстро высушивало росу и немилосердно нагревало не успевшую остыть за ночь землю. Даже вечерами в городе было жарко. Поэтому Степан и торопился уехать как можно скорее. Но на каждом шагу обнаруживалось, что то одно, то другое дело нужно перед отъездом закончить.

Все было хорошо, все радовало, кроме... Маша-то ведь в городе оставалась! А с другой стороны, Степану даже нравилось, что они долго не увидятся. Честно говоря, ему хотелось

испытать, что такое разлука, о которой поют в песнях.

Завтра отъезд. Евгений уезжает позднее. Он так занят, что поговорить некогда.

Послышался стук в дверь, и в комнату вошел Валентин Соловьев. Поздоровавшись, он спросил:

— Евгения нет? Когда придет? .

— Наверно, скоро.

Валентин немного колебался, но прошел к столу и сел.

Степан, не зная, чем занять нежданного гостя, раскрыл единственную не уместившуюся в чемодан книгу. Соловьев тоже чувствовал себя неловко, барабанил пальцами по столу и не поднимал головы.

А Степан вспомнил первую встречу с Валентином в этой самой комнате. Слово перехватив его мысль, Соловьев сказал:

— Второй раз я здесь.

Степан не ответил. Тогда гость, чтобы чем-то сгладить неловкость положения, спросил:

— Скажите, Лукьянов, а как вы живете?

— Как? Обыкновенно. Учусь в университете, сплю вот на этой кровати.

— Мне интересно, — чуть повысил голос Валентин, — на какие средства вы живете?

— На свои средства живу. Стипендию получаю. Сбери книжка есть. Три года копил.

— Родных у вас никого нет?

— Никого... зато друзей у меня всегда много было: и здесь, и на заводе. Помогают.

Дверь открылась и дежурная позвала:

— Лукьянова Степана к телефону требуют. Он взял трубку и услышал голос Торцовой:

— Степан, дорогой, поздравляю вас от всего сердца! В Москве вышла папина книга, его последние фольклорные записи. Он, оказывается, включил в сборник и вашу работу. Вот на двухсотой странице читаю, слушайте: «Частушки. Записал С. Лукьянов». Одиннадцать частушек. Вы слышите?

— Слышу, — ответил он, — большое вам спасибо... Вы меня простите... трудно мне говорить...

— Приходите за книгой.

Не сказавшись Соловьеву, Степан бросился бежать.

Евгений вернулся через полчаса с Галиной.

— Я немного помешаю вам, — вежливо поклонился ей Валентин. — Евгений, ты, говорят, едешь в Москву? Будешь в книжных магазинах, покупай для меня все новинки по языкознанию. Я начал разрабатывать интересную тему.

Когда Валентин ушел, Евгений, наверное, уже в сотый раз спросил Галину:

— Значит, едем? Вместе?

Она весело кивнула, и он закружил ее по комнате. Как всегда бывает в таких случаях, распахнулась дверь и вошел третий — лишний.

Растерявшись, Галина отбежала от Евгения. Степан почему-то именно ей протянул книгу и сказал радостно-изумленно:

— Вы только посмотрите!

Евгений крепко, без слов, обнял ошеломленного друга. Степан встрепенулся:

— Ну, я пойду, мне за билетами пора.

Ежов, лукаво взглянув на в конце смутившуюся Галину, не стал его удерживать и следом за Степаном вышел в коридор.

— Нравится она тебе?—полуутвердительно произнес Евгений.

Степан кивнул головой и ответил:

— Маша лучше.

* * *

Диалектологи с шумом заняли целое купе. Третий звонок. Дрогнув, поезд двинулся вперед, набирая скорость. Сквозь перестук колес прорывалась звонкая песня:

Нам останется вечно дорог
Этот круг молодых ребят —
Старость нас не застанет в сорок,
Чуть покажется в шестьдесят.

Пели задорно, уверенно.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	3
Глава вторая	31
Глава третья	52
Глава четвертая	78
Глава пятая	115
Глава шестая	131
Глава седьмая	162
Глава восьмая	179
Глава девятая	204
Глава десятая	237

Редактор *В. В. Воловинский.*
Техн. редактор *А. В. Самолетова.*
Корректор *Б. М. Семченко.*

ЛБ06519. Подписано к печати 11 ноября 1952 г.
Бумага 70×92¹/₂—3,94 бум. л.=9,22 печ. л. Уч.-изд. 8,12 л
Тираж 15000 экз. Цена 3 руб. 45 коп.

8-я типография Росполиграфпрома.
Гор. Молотов, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 537.